ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 44-й

№ 4 (4394)

24 января 1973 г. СРЕДА

НОВАЯ РУБРИКА «ЛГ»

СОРЕВНОВАНИЕ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Из богатого языка социалистического соревнования мы взяли только пять ключевых слов:

НОВАТОР...
ПОЧИН...
ОБЯЗАТЕЛЬСТВО...
СТИМУЛЫ...
ИТОГИ...

Какое реальное содержание стоит за ними сегодня? Какие понятия они выражают? Каким новым смыслом должны быть обогащены в третьем, решающем году пятилетки? Какова истинная ценность каждого из них в том или ином трудовом коллективе? Иначе говоря, всегда ли и везде выражают они суть соревнования: гласность, сравнимость результатов, возможность повторения практического опыта?

Мы приглашаем читателей «ЛГ» — рабочих и служащих, специалистов народного хозяйства, ученых, партийных, советских и профсоюзных работников, писателей и журналистов — коллективно осмыслить, «снять заставить заново» ключевые слова соревнования.

Под новой рубрикой предполагается широкая публикация писем читателей.

стр. 10

Фото И. ДЕНИСЕНКО (АПН)

Александр ЖАРОВ

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

ВСПОМИНАЯ ПЕРВЫЕ ПЯТИЛЕТКИ...

Недавно в московской типографии «Красный пролетарий» мне случилось беседовать с молодыми рабочими. Мы говорили о планах третьего, решающего года девятой пятилетки. Каждый делился мыслями, как достойнее ответить на призыв партии, прозвучавший с высокой трибуны торжественного заседания, посвященного 50-летию образования СССР, в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева: «Мы обращаемся к трудящимся города и деревни и говорим прямо: выполнение плана 1973 года в ваших руках, товарищи!»

...Я вспомнил время первых пятилеток и нас, молодых поэтов, пришедших в цехи заводов и фабрик, на площадки новостроек, пришедших с тем, чтобы выразить чувства рабочих в поэтических призывах:

Обещаем мы,
слесаря и резчики:
вынесем —
любая работа взвались.
Мы — зачинатели,
мы — застрельщики
новой
пятилетки
боев за социализм.

Эти обещания, сформулированные Владимиром Маяковским, были выполнены. Вместе с Маяковским выполнению их энергично способствовали многие прозаики и поэты, выезжавшие в районы новостроек социализма. В их числе были Николай Тихонов и Петр Павленко, Мариэтта Шагинян и Федор Гладков, Александр Безыменский и Федор Панферов, Борис Горбатов и Иван Молчанов, Борис Галин и Валентин Катаев, Всеволод Иванов и Владимир Луговской. Трудно всех перечислить. В Сибири и на Урале, на Днепре и на Волге литераторы Российской Федерации работали рядом с литераторами других братских народов... Известно, что А. М. Горький горячо поддерживал общение писателей с рабочим классом, с колхозным крестьянством, особенно в горячую пору решающих трудовых битв.

Одним из первых проложил писательскую дорогу к передовым позициям народной борьбы за хлеб и металл, за нефть, уголь, хлопок, за электроэнергию Демьян Бедный. В 1921 году поэт ездил к рабочим Харькова, в 1924 году он встречался с тружениками Волховстроя, потом отправился на Магнитку. Он говорил о долге литераторов воспевать советского труженика, работающего не на «Тита Титыча», не на Манташева или Кушнерева, не на Гужона или Вестингауза, а на самого себя, на свой народ и на благо народов всего света...

Вот откуда тянется наипрочнейшая связь поколений, вот где начало благородных традиций единения труда и литературы, названной А. М. Горьким одним емким словом — трудотворчество.

В 1923 году я познакомился с замечательным рабочим человеком, мастером Московского тормозного завода Яковом Ивановичем Петелиным. Вместе с заводскими комсомольцами Яков Иванович взялся за организацию учебы в своем цехе. Не щадя сил, боролся за выполнение ленинского наказа: учиться, вооружаться знаниями, вооружить ими молодых, успешно строить коммунизм. Вся рабочая Москва узнала тогда о нем, о «мастере Якове», ставшем одним из инициаторов создания школ фабрично-заводского обучения. Теперь ему около девяноста лет. Он нередко приходит на родной завод, где учителями нового поколения молодых рабочих стали его бывшие ученики.

И снова я обращаюсь памятью к первым годам Советской власти, когда партия и комсомол немало времени отдавали профессиональному обучению молодежи, пришедшей на заводы и фабрики в пору разрухи. Писатели старшего поколения знают, как это было. Знают не понаслышке. И в этом деле они не стояли в стороне.

«Великое преимущество коммунистов и вообще всех сознательных граждан нашего общества состоит в том,— говорит Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — что они хорошо понимают смысл и направление общественного развития, ясно видят цели, которые поставила перед собой наша страна, и пути, которыми мы идем».

Эти замечательные слова обращены и к советским писателям. Наш долг чести в том, чтобы сделать это понимание, свою идейную убежденность, благородное горение достоянием каждого советского человека.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ОПЫТ ● ПРОБЛЕМЫ ● ЗАДАЧИ

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» стало боевой программой действий для многонационального отряда советских критиков.

Сегодня в номере — материалы, посвященные годовщине со дня опубликования постановления.

● Г. МАРКОВ, первый секретарь правления Союза писателей СССР: «ГОД ПОИСКОВ, ГОД ОБРЕТЕНИЙ»

стр. 2

АНКЕТА «ЛГ»: СДЕЛАНО, ДЕЛАЕТСЯ, БУДЕТ СДЕЛАНО... Критики отвечают на вопросы редакции

стр. 4

ФОТООЧЕРК

У АЛЕКСЕЯ СУРКОВА

стр. 3

«ЛУНОХОД-2»: эстафета принята!

Несколько дней назад весь мир узнал о новом успехе советской космонавтики: на Луну «высадился» еще один наш автоматический исследователь — «Луноход-2», младший брат того первого лунохода. Эстафета передана и принята. Так всегда бывает в научном поиске: преемственность — одно из важнейших условий достижения истинно ценных научных результатов.

Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что одна из главных составляющих нынешнего космического успеха — это создание и отличная работа многочисленных систем радиосвязи, которыми оснащен «Луноход-2». Измерение параметров орбиты, посылка корректирующего импульса, обеспечивающего вывод автоматической станции в заданный район, сама посадка на поверхность Луны — все это заслуга средств радио и телеметрии. Особенно велика их роль после посадки: с помощью соответствующих телевизионных фотометров на Землю передается рельеф лунной поверхности, что совершенно необходимо для того, чтобы обеспечить надлежащее управление «Луноходом-2» с Земли.

И если в буквальном смысле «Луноход-2» идет по непроторенной лунной дороге, то в смысле переносном перед ним путь, в какой-то мере проверенный «Луноходом-1».

Как известно, «Луноход-1» дал специалистам колоссальный объем информации, позволившей глубже понять взаимодействие различных систем автомата и внешних, лунных условий.

Все системы «Лунохода-1» показали высокую надежность и работоспособность как в условиях лунного дня, так и лунной ночью. Однако для улучшения динамических характеристик лунохода были несколько модифицированы системы радиотелеметрии и управления. В частности, по сравнению с «Луноходом-1» на новой станции значительно расширена зона видимости лунной поверхности. Это позволяет более надежно управлять луноходом с Земли. Есть и другое новшество в системе управления. Если раньше, для того чтобы «выдать» луноходу новую команду, его нужно было обязательно остановить, то теперь это можно делать на ходу, почти так, как в современном автомобиле.

Управление луноходом имеет одну особенность: Луна отстоит от нас на расстоянии почти 400 000 километров, и команды несколько запаздывают. Средства управления, установленные как на луноходе, так и на Земле, учитывают эту «задержку во времени» и позволяют земному экипажу успешно управлять движением автоматической лаборатории.

Одним из наиболее интересных экспериментов, который также немыслим без радиоэлектроники, на мой взгляд, является измерение расстояния с помощью уголкового лазерного отражателя, изготовленного французскими специалистами, что позволит значительно точнее, чем это делалось раньше, определить расстояние до лунохода, уточнить параметры орбиты Луны, заметить малые шаги перемещения земных континентов.

Сейчас, когда «Луноход-2» начинает свою работу, все мы, естественно, вспоминаем такие же волнующие дни, когда начинал свою многомесячную неугомонную деятельность первый советский лунный вездеход. И все мы конечно, надеемся, что новый автоматический исследователь принесет науке большую пользу.

Успеха тебе, младший луноход!

В. СИФОРОВ,
член-корреспондент АН СССР, директор Института проблем передачи информации АН СССР

ВО ИМЯ МИРА

Отношения, существующие между Советским Союзом и Францией, — это отношения дружбы и уважения. Новым свидетельством тому явились встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики Ж. Помпиду и принятое советско-французское коммюнике. Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, рассмотрев итоги этой встречи, одобрили большую и плодотворную работу, проведенную товарищем Л. И. Брежневым в ходе встречи.

Встреча способствовала дальнейшему утверждению принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем, делу разрядки напряженности и укреплению мира в Европе. Ее итоги с глубоким удовлетворением восприняты советским народом, вызвали широкий интерес и высокую оценку мировой общественности.

Художник В. Песков комментирует один из аспектов советско-французского сотрудничества в области науки

«И человек с тобою — Человек...»

Звучат стихи Э. Межелайтиса

В Центральном Доме литераторов 21 января состоялся авторский вечер лауреата Ленинской премии Эдуардаса Межелайтиса. Открывая вечер, секретарь правления Союза писателей СССР К. Симонов сказал: «Мы все, читающие Межелайтиса в оригинале и в переводах, воспринимаем его как одного из прекрасных поэтов нашего времени, как поэта умного и глубокого, который смотрит вперед и в жизни, и в поэзии, как поэта, который многое открыл всем нам своим творчеством».

О поэзии Э. Межелайтиса говорили и читали переводы его стихов А. Можиров, Р. Казакова, А. Сурков, Л. Озеров, Ю. Левитанский, Д. Самойлов, А. Вознесенский, а также заслуженный артист Армянской ССР А. Петросян.

Затем выступил Э. Межелайтис, познакомивший слушателей с новыми стихами из индийского цикла. «Для меня этот год в некотором роде юбилейный, — сказал поэт. — Тридцать лет назад, в военной Москве, вышла на литовском языке моя первая книжечка стихов — «Лирика». С тех пор я считаю себя москвичом». Э. Межелайтис прочел новое стихотворение о Москве, которое прозвучало затем в переводе Р. Казаковой. Оно кончается словами любви и признания нашей столице — воплощению и символу нового мира:

Ты — честность вздоха,
вечность и — эпоха,
Смещенье вех,
неутомимый век...
С тобой не может пусто
быть и плохо,
И человек с тобою —
Человек.

День нынешний, вчерашний
и всегдашний —
Ты, и, тобой проверив
все слова,
Пишу на пашне,
на кирпичной башне,
И на холсте, и на листе —
Москва.

К вечеру была приурочена развернутая в ЦДЛ выставка гравюр заслуженного деятеля искусства Литовской ССР С. Красаускаса, оформлявшего многие книги поэта.

Гравюра С. Красаускаса к сборнику стихов Э. Межелайтиса «Кардиограмма»

«ЛГ» РЕЦЕНЗИРУЕТ ПРЕМЬЕРЫ КИНО И ТЕАТРА

Кадр из фильма «Горячий снег»

Сцена из спектакля «Сталевары»

стр. 8

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРИРОДА И МЫ

УЧЕНЫЕ ОБСУЖДАЮТ ПРОБЛЕМУ «ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ЕГО ОБИТАНИЯ»

стр. 12

СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

НЕ ИССЯКАТЬ ВАМ, «РОДНИКИ»!

Редакция по работе с молодыми авторами издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» подготовила альманах «Родники» — книгу литературных дебютов.

Прежде всего мне хотелось бы отметить, что этот коллективный сборник — еще одно свидетельство постоянной заботы комсомольского издательства о нашей молодой многонациональной литературной поросли. Не говоря уже о первых книжках начинающих писателей, «Молодая гвардия» в последние годы дала читателю замечательный коллективный сборник «Мы — молодые» (два выпуска). Теперь начало еще одной серии — «Родники».

Особенностью этого альманаха является то, что в нем дебютируют совсем молодые поэты и прозаики, большинство имен я встретил впервые. И эти дебюты обнадеживающи. Отчетливо прослеживаются в большинстве произведений гражданская патриотическая тема, верность лучшим национальным традициям народов Советского Союза, интернационализм. И здесь очень важно, что один из разделов, названный «Впервые на русском языке», дает возможность познакомиться с литературными «родниками» братских республик. Отрадно, что переводы стихов для этого раздела выполнены такими опытными мастерами, как В. Цыбин, Р. Казакова, С. Поликарпов, и другими.

Разделы «В литературной студии», «Писательские раздумья», «Совещание молодых литераторов Москвы» свидетельствуют о горячей заинтересованности писателей старшего поколения в воспитании молодой литературной смены — здесь и статьи Владимира Цыбина, и воспоминания Янова Шведова и Михаила Львова.

В «Родниках» уделено большое место прошедшим за последнее время важным мероприятиям по работе с творческой молодежью — семинарам, совещанию молодых писателей столицы и совещаниям, проведенным в различных городах РСФСР. Страницы сборника как бы подводят некий итог этой значительной работе, проведенной комсомолом страны совместно с писательскими организациями в юбилейном году 50-летия образования СССР.

Обилие имен и произведений в этой книге не дает мне возможности и права судить об отдельных частностях, об отдельных авторах, хотя, конечно же, не все здесь равноценно: наряду с вполне зрелым почерком встречаются и явные «пробы пера» молодых литераторов. Но в том и свое образие, обаяние этого нового альманаха, что он позволяет рядом с уже знакомыми авторами увидеть творчество начинающих. Краткие биографические справки, предпосланные публикуемым авторам, свидетельствуют о многостороннем охвате талантливых литературных сил, к которым сегодня привлечено наше пристальное внимание.

Не сомневаюсь, что появление этой книги будет с радостью встречено и творческой молодежью, и старшим поколением литераторов, и читателями.

Не иссякать вам, «Родники»!

А. РЕКЕМЧУК

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Безыменского А. И. орденом Октябрьской Революции

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятипятилетием со дня рождения наградить писателя Безыменского Александра Ильича орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
19 января 1973 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
[illegible]МЫ · ЗАДАЧИ

Георгий МАРКОВ

ГОД ПОИСКОВ, ГОД ОБРЕТЕНИЙ

Реальной силой, способной поддерживать плодотворные направления писательских поисков, активно выступать против неверных, негативных тенденций, является литературная критика. К этому жанру литературы сегодня приковано особое, пристальное внимание. И здесь есть своя закономерность: самый ход литературного процесса выдвинул проблемы развития критики в число первостепенно важных вопросов идеологической и общественной жизни страны. Решения XXIV съезда КПСС, постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» свидетельствуют о том, что в программе нравственного и эстетического воспитания нового человека партия отводит литературно-художественной критике ответственную и почетную роль.

Сам ход развития литературы, динамика общественной и культурной жизни настоятельно требуют повышения философского уровня критики, усиления ее роли в литературном процессе, в идейно-эстетическом воспитании читателя. Размышляя о проблемах критики, мы неизбежно возвращаемся к проблемам развития всей нашей литературы, во имя дальнейших успехов которой мы предъявляем сегодня строгий, взыскательный счет и писателям, и критикам.

Прошел год после принятия постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Год назад состоялся пленум правления Союза писателей, посвященный этому вопросу. Это вполне достаточный срок для того, чтобы сегодня мы могли оглядеться, подвести некоторые итоги.

ВАЖЕН ПРИНЦИП ОТБОРА

Всем известно, что критика долгое время находилась на положении падчерицы: в журналах ей отводилось немного места, все сокращения производились за ее счет. Сейчас картина изменилась в лучшую сторону, притом количественные и качественные перемены здесь, как правило, взаимосвязаны. Скажем, такие журналы, как «Знамя», «Дружба народов», «Дон», «Сибирские огни», «Неман» (Белоруссия), «Радуга» (Украина), стали относиться к публикации материалов более продуманно, взыскательно.

Отрадно и другое. Если раньше критика была представлена в журналах отдельными, разрозненными выступлениями, то теперь в ряде журналов сложились именно отделы критики с разнообразными рубриками, с различной формой подачи материалов.

Возьмем, к примеру, журнал «Шарк Юлдузи» (орган Союза писателей Узбекистана). Проявляя достаточно изобретательности в подаче материалов, редакция реально подтверждает, сколь интересно, нешаблонно может вестись отдел критики.

Стремление разнообразить, оживить разговор о литературе чувствуется и на страницах «Вітчизни» (Украина). Выступления журнала по различным вопросам литературного развития организуют целостный ансамбль.

Заметно оживился отдел критики в «Юности». В наиболее удачных публикациях журнал стремится последовательно влиять на формирование художественного вкуса молодого читателя. Именно к его интересам, запросам и пытается приблизить редакция содержание и форму материалов. Давать обобщающую оценку отделу критики «Юности», видимо, еще рано — многое здесь находится в процессе перестройки, но плодотворные перемены отметить уже можно.

Одним словом, налицо конкретная, целеустремленная работа многих журналов, стремление делом ответить на требования, выдвинутые в постановлении ЦК КПСС. И вместе с тем далеко не о всех журналах можно сказать, что критика ведется в них по-новому, с учетом более высоких требований. Даже если говорить о том, сколько печатается материалов, то в таких журналах, как «Кодры» (Молдавия), «Ашхабад», «Аврора», «Полярная звезда», мы практически не находим перемен. Статей и рецензий здесь по-прежнему мало, и они носят порой случайный характер.

С практикой, когда номер выходит без единой рецензии, мы сталкиваемся в журналах «Москва», «Наш современник», «Урал», «Литературная Грузия». Почти полностью отсутствует библиография в журнале «Ала-Тоо» (Киргизия). В одиннадцати номерах здесь напечатаны всего три рецензии. Напрашивается вывод: за широковещательными заявлениями о том, что нужно поднимать уровень критики, не всегда следуют практические дела.

О необходимости «глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса» говорится в постановлении ЦК КПСС. Насколько успешно решается такая задача, какие усилия предпринимают в этой связи наши журналы?

Проблемные статьи, обзоры, исследования современного литературного процесса — в таких материалах отделы критики нуждаются в первую очередь, именно они определяют лицо журнала, его позицию. И таких материалов в нынешнем году стало печататься заметно больше.

В украинском журнале «Жовтень», например, из номера в номер публикуются проблемные статьи «Обозревателя». В этих обзорах — уважительных по тону, требовательных по существу — затрагиваются разнообразные проблемы литературного развития.

Если мы обратимся к практике наших журналов, то увидим, что в некоторых из них прочно утвердились разновидности литературно-критических материалов, анализирующих современный процесс. Журнал «Знамя», например, печатает литературные обозрения по определенным проблемам. Свой тип статей сложился и в журнале «Москва»: это, как правило, разговор о наиболее показательных тенденциях литературы — на материале немногих, но наиболее значимых в этом смысле произведений.

Немало содержательных статей опубликовано в нынешнем году в журнале «Советакан граканутюн». Среди них особо следует выделить статью Эдварда Джрбашяна «Дорогой новых исканий» (№№ 6, 7), глубоко анализирующую тенденции современной армянской литературы.

Подобными примерами, естественно, не ограничиваются возможные варианты. Дело здесь за инициативой, вкусом, изобретательностью журналов. Между тем далеко не все редакции проявляют эти качества в полной мере. Во многих случаях проблемные или обзорные статьи, публикуемые в журналах, можно лишь условно назвать таковыми. Они страдают перечислительностью, отсутствием широкого взгляда на литературу, неумением обозначить главные ее тенденции.

А в ряде журналов и вообще отсутствуют материалы, анализирующие текущий процесс. Так, в «Дальнем Востоке» было опубликовано всего несколько статей, притом темы их зачастую лишь косвенно связаны с современной литературой. Мало статей печатается и в таких издающихся на русском языке республиканских журналах, как «Ашхабад», «Литературный Киргизстан».

В некоторых журналах обсуждение проблем критики занимает место, предназначенное для обсуждения проблем литературного развития. Разговор о методологии критики, о недостатках и перспективах этого жанра нужен, и хорошо, что эти проблемы стали сейчас оживленно обсуждать. Но здесь важно чувство меры, важно, чтобы статьи об «отставании» критики не заменяли и не заслоняли самое критику. «Рассуждения о критике ведутся тем охотнее и тем многословнее, чем меньше касаются они сложных современных проблем литературного развития». Вот наглядный пример. В молдавском журнале «Нистру» (№ 4) напечатаны ответы на анкету о состоянии молдавской критики. В анкетах можно встретить имена Гомера, Данте, Сервантеса, Шекспира, Гёте, Оскара Уайльда, Белинского, Пушкина, Эминеску и других классиков, а вот имена современных молдавских писателей и критиков, о которых, собственно, и должен идти разговор, мы находим только в трех ответах из семнадцати.

В анализе современного литературного процесса, в рецензировании новинок важен принцип отбора. Какими критериями руководствуется редакция, когда выбирает для разговора то или иное произведение? Бывает так: статей и рецензий в журнале печатается как будто бы и много, но большинство книг, о которых идет речь, малоинтересны, незначительны по своему уровню. В то же время наиболее заметные книги, требующие глубокого и подробного разговора, остаются без внимания.

Можно сказать, что журналы стали больше писать о главных проблемах литературы, вдумчивей отбирать произведения для рецензирования. Возьмем, к примеру, «Звезду». Отдел критики журнала и прежде делался добротно. Но сейчас мы можем говорить о серьезной удаче журнала, о деловом его подходе к новым требованиям и задачам. Разнообразные рубрики помогают редакции верно определить форму, жанр, объем для разговора о том или ином явлении литературы.

Поговорим теперь о другом, выходящем в Ленинграде солидном журнале — «Неве». В нем тоже произошли известные положительные сдвиги: стало печататься больше материалов по разделу критики, есть попытка перейти к обобщению опыта отдельных мастеров литературы, к сотрудничеству привлекаются квалифицированные авторы. Но у отдела критики пока не проработаны до конца принципы отбора материала, не заострено внимание к актуальным проблемам литературного процесса наших дней.

ВНИМАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Без глубокого, постоянного интереса к современной тематике невозможна успешная разработка социально-этических проблем современности, усиление влияния на живой литературный процесс.

В ряде журналов мы можем наблюдать поворот к современности, который плодотворно сказался на проблематике, на содержании отделов критики. Журнал «Радянське литературознавство» (Украина), уделявший основное внимание истории и теории литературы, в нынешнем году стал много писать о современной литературе, о ее важнейших явлениях.

Отрадные перемены произошли и в других изданиях. Однако в некоторых журналах и до сих пор прочно преобладает историко-литературный уклон. Каких-либо заметных изменений не произошло, например, в журнале «Совет эдебияты» (Туркменистан). Как и прежде, в минувшем году редакция из номера в номер печатает отрывки из кандидатских и докторских диссертаций, причем тематика их весьма далека от современности. Подавляющее большинство статей в журнале «Садои Шарк» (Таджикистан) — о дореволюционной таджикской литературе. В журнале «Кодры» из восьми материалов, опубликованных в июльском, августовском и сентябрьском номерах, только одна статья посвящена современности, однако и в ней анализируется не состояние литературы, а опять-таки идет разговор об «отставании критики».

Отчетливо литературоведческий уклон приобретают порой отделы критики в журналах «Ашхабад», «Литературная Армения», «Литературная Грузия», «Советакан граканутюн», «Цискари» (Грузия).

Разумеется, на страницах журналов могут иметь место литературоведческие статьи (особенно если они интересны для широкого читателя). Однако о целесообразности появления того или иного материала, пожалуй, не всегда задумываются редакции некоторых журналов.

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» настойчиво направляет наше внимание к современности, к исследованию актуальных проблем. Именно здесь проявляются в полной мере богатые и своеобразные возможности критики: ее публицистичность, аналитический подход к явлениям, широкий общественный резонанс.

На страницах наших журналов в оценках и суждениях о явлениях современной литературы царит редкостное единодушие. Причина его, однако, не в том, что все важные теоретические проблемы уже решены, и по поводу отдельных произведений не возникает никаких споров и разногласий. Дело, как мы знаем, обстоит совсем не так. Но дискуссии, за редким исключением, не проникают на страницы журналов, а точнее, не организовываются, не планируются ими.

При этом уровень дискуссий весьма неравноценен. Плодотворным оказалось обсуждение проблем рассказа в журнале «Урал» (№ 5). Разговор состоялся прежде всего потому, что опирался он на конкретный материал, на творчество одаренных новеллистов. Вместе с тем участники дискуссии не ограничились [illegible] эмпирическими наблюдениями. Многие авторы старались — и небезуспешно — нащупать общие тенденции развития [illegible].

А вот другая дискуссия [illegible] «Наш современник» (№ 10) — получилась менее удачной. Ее основной недостаток в том, что каждый из авторов высказывал свои соображения, которые никак не соотносились, не сопрягались с высказываниями других критиков. Редакция не сумела определить опорные пункты, вокруг которых развернулась бы полемика. И не удивительно, что разговор оборвался как бы на полуслове, не получил в журнале завершения в смысле выводов и уроков для живой литературы.

Дискуссии, которые состоялись в минувшем году, можно пересчитать буквально по пальцам. Разговор о состоянии современной критики — на страницах «Литературной Армении» и «Карогса» (Латвия). Дискуссия о поэзии — в журнале «Шарк Юлдузи». Заседание «Дискуссионного клуба» «Октября» — о принципе историзма в литературе. Вот, пожалуй, и все.

Но ведь в подготовке и проведении дискуссии, в публикации полемических материалов организаторская роль журналов чрезвычайно велика. Здесь следует продуманно и тщательно относиться к стратегии и тактике выступлений: начиная от выбора темы и заканчивая удачным, ударным завершением ее, чтобы в результате коллективного обсуждения рождались бы конструктивные предложения, чтобы спор не возвращался к исходному теоретическому рубежу, а двигал литературу вперед.

Между тем полемические материалы в журналах не всегда удовлетворяют этим требованиям. Иногда роль полемического материала выполняют статьи мнимодискуссионные. При этом здесь есть свои крайности.

Редакция или имитирует спор, открывает обсуждение вполне очевидных и бесспорных вопросов, или же, напротив, под прикрытием дискуссионности печатает работы заведомо ошибочные, тенденциозные.

Думается, редакциям журналов предстоит еще многое сделать для того, чтобы дискуссии, творческие обсуждения стали нормой литературной жизни.

Один из первостепенно важных вопросов — своеобразие нового, сегодняшнего этапа в развитии социалистического реализма.

Обсуждение проблем социалистического реализма будет особенно плодотворным, если оно станет опираться не на умозрительные дефиниции, а на живой многообразный опыт социалистических литератур, определяющими чертами которого все явственнее становится интерес к народу как движущей, социально активной силе истории и осмысление коренных процессов истории сквозь призму человеческой личности.

Правильно поступает журнал «Вопросы литературы», который проводит на своих страницах широкую международную дискуссию об актуальных проблемах социалистического реализма. Кстати говоря, в активе этого и некоторых других журналов — подборки материалов и специальные номера, посвященные литературам братских стран. Проблемы развития социалистических литератур рассматривались в последние годы на страницах «Дружбы народов», «Октября», «Детской литературы», «Байкала», «Всесвіта» (Украина) и ряда других изданий. Это полезное начинание. Но именно начинание, которое нуждается в дальнейшем углублении, совершенствовании.

НЕ ДЛЯ «БАЛАНСА»

Как указано в постановлении ЦК КПСС, один из существенных недостатков критики состоит в том, что «публикуемые рецензии нередко носят односторонний характер, содержат необоснованные комплименты, сводятся к беглому пересказу содержания произведения, не дают представления о его реальном значении и ценности».

Задачи, которые определены здесь, взаимосвязаны: проявлять неуступчивость к идейному и художественному браку, служить авторитетным и доброжелательным советчиком писателя, стоять на страже читательских интересов.

Первые шаги в этом направлении журналы уже делают. Налицо стремление к более спокойным и объективным оценкам, взыскательному подходу к творчеству писателей. Однако захваливание писателя, нетребовательный подход к произведению — этот недостаток все еще часто дает о себе знать.

При этом книги, имеющие очевидные недостатки, нуждающиеся в объективном, аналитическом рассмотрении, непомерно восхваляются, возводятся в ранг шедевров.

Вот, скажем, рецензия Л. [illegible] на книгу Владислава Шошина «Летопись дружбы», опубликованная в четвертом номере «Урала». Книга В. Шошина — в целом полезная и добросовестная работа. Однако ей во многом недостает аналитичности, глубины в подходе к проблеме (в ней исследуется соотношение национального и интернационального в литературе). Словом, книга нуждается и в поддержке, и в критических замечаниях. Между тем рецензент непомерно щедр на похвалы: книга, по его мнению, отличается «оригинальностью», дает «очень свежую трактовку явлений, широко известных» и т. д.

Другой пример. В № 2 журнала «Садои Шарк» опубликована рецензия одного из ведущих таджикских критиков Атахона Сайфуллаева на повесть Рахима Джалила «Обитель моего сердца». Как отмечалось в свое время на пленуме правления Союза писателей Таджикистана, в этой повести наряду с достоинствами есть и очевидные недостатки: очерковость, многословие, композиционная рыхлость. Однако в рецензии Сайфуллаева ни слова не говорится о недостатках произведения. Вместо делового анализа в статье — сплошные комплименты.

Рецидивы поверхностно восторженной критики дают еще о себе знать в таких журналах, как «Москва», «Знамя», «Октябрь», «Волга», «Шарк Юлдузи» и др. Редакциям следует проявлять больше строгости, взыскательности в отборе материалов, не идти на поводу у чрезмерно щедрых на комплименты критиков.

Радует, что критики стали смелее говорить о неудачах, просчетах в произведениях. Правда, и это делается иногда несколько формально: для того чтобы соблюсти некий «баланс» в оценках, автор отмечает некую частность — слабость второстепенных образов или, к примеру, рыхлость композиции. Но критики уже почти перестали при этом извиняться перед писателями за то, что их произведение несовершенно.

Наконец, больше принципиальности, остроты стали проявлять журналы в борьбе с произведениями посредственными, [illegible] неудачными. Возросло число острых, боевых выступлений. С рецензиями, направленными против книг схематичных, поверхностных, против облегченного подхода писателя к своему труду, выступили журналы «Октябрь», «Звезда», «Новый мир», «Наш современник», «Волга», «Дальний Восток», «Литературный Киргизстан» и другие. Следует сразу отметить, что рецензии эти не во всем равноценны, что объект для критики порой выбирается заведомо «безопасный»: в основном это книга, изданная где-нибудь «в глубинке». Об авторах известных, «именитых» журналы предпочитают писать в приподнятых тонах. Такая избирательность едва ли правильна: во-первых, она порождает разнобой в оценках и критериях, вводит как бы добавочный коэффициент для писателей, обладающих «именем», во-вторых, она создает весьма случайное представление о продукции того или иного местного издательства, о положении дел в областной или республиканской писательской организации.

Меньше всего хотелось бы, чтобы борьба с идейным и художественным браком была понята журналами односторонне, узко, как некая кампания. Нам не нужны «мальчики для битья», не нужны «негативные» рецензии ради неких пропорций. Речь идет прежде всего о принципиальности критики, о взыскательном и вместе с тем уважительном отношении к творцам художественных ценностей. И здесь надо сказать, что к каждому выступлению, отрицательно оценивающему книгу, редакция должна подходить продуманно. Неудача неудаче — рознь. Есть творческий срыв, когда произведение, как говорится, «не задалось» автору. Есть книги, написанные заведомо небрежно, халтурно. Есть, наконец, произведения, написанные с неверных позиций, содержащие идейные ошибки. В каждом случае мы имеем дело с неудачей художника, но природа и причины этих неудач разные. И от критики требуется вдумчивый, глубоко дифференцированный подход. Тщательно следует продумать и форму разговора, и систему аргументации.

Если мы имеем дело с огорчительной неудачей писателя, который ответственно и с полной отдачей сил относился к своему труду, фельетонность в разговоре о нем будет неуместной. И уж совсем недопустимы неуважительные, «разносные» статьи о произведениях серьезных и талантливых. Такие материалы, к счастью, появляются в журналах все реже, но сказать, что они полностью исчезли, нельзя.

Вот, скажем, статья К. Уалиева «Нужен своеобразный голос, стиль», напечатанная в майском номере журнала «Жулдыз» (Казахстан). В статье говорится о творчестве пяти молодых талантливых прозаиков, чьи книги тепло встречены читателями, не залеживаются на книжных прилавках. Авторы эти нуждаются и в критических замечаниях, и в принципиальной поддержке. Однако статья К. Уалиева носит односторонний и тенденциозный характер. Анализ произведений критик подменяет хлесткими фразами, обличениями по адресу писателей и их героев.

Неуважительный тон, размахивание пресловутой дубинкой мы находим и в опубликованной в «Жулдызе» статье Мукагали Макатаева «Год казахского стиха». По адресу одних поэтов критик не жалеет самых щедрых похвал, по адресу других, возможно, не менее интересных авторов, у критика не находится ни одного доброго слова.

Приходится признать, что редакции не всегда вдумчиво выбирают объект для критики. Одно из немногих в нынешнем году выступлений журнала «Совет эдебияты» (№ 4) на современную тему называется «Далеко от совершенства». Автор рецензии Аба Клычдурдыев, что называется, камня на камне не оставляет от романа Ата Атаджанова «Кремни». Между тем произведение это, рассказывающее о помощи ленинградских рабочих туркменским крестьянам в годы войны, заслуживает внимательного и уважительного разговора. Роман был хорошо встречен в Туркмении, издан «Советским писателем», положительно оценен республиканской газетой «Эдебият ве сунгат».

Подобная необъективность, недоброжелательность по отношению к писателям должна решительно изживаться нашей литературной печатью.

Мы говорим о крайностях, которые угрожают журналам в борьбе за качество литературы. Но пока гораздо больше дает знать о себе другая опасность. Это пассивность, олимпийское спокойствие по отношению к серости, посредственности в литературе. Многие журналы, как и прежде, стараются «не замечать» слабых книг, не хотят портить отношений с писателями. В минувшем году в таких журналах, как «Москва», «Знамя», «Подъем», почти совсем не появлялось рецензий, где шла бы речь о той или иной неудаче писателя. Конечно, так безопаснее, не спорим. Но сегодняшний этап в развитии литературной критики меньше всего предполагает безмятежное существование. Принципиальность критики в немалой степени зависит и от принципиальности журналов, от их боевитости, последовательности в борьбе с чуждыми идеологическими тенденциями и художественным браком. И такой определенности, принципиальности позиций ряду наших журналов явно недостает.

* *

Новые требования, предъявляемые к работе журналов, заставляют серьезнее подумать о работе с авторским активом, о привлечении к сотрудничеству авторитетных ученых, литературоведов, критиков. О подборе и воспитании кадров критиков специально говорится в постановлении ЦК КПСС.

Заметно расширился круг авторов, сотрудничающих в журнале «Пяргале» (Литва). Более щедро стали предоставлять свои страницы молодым и редакции журналов «Урал», «Нистру» и др.

Активно и целеустремленно заботятся о критической смене на Украине. Редакции журналов «Прапор», «Жовтень», «Донбасс» стали больше привлекать авторов из числа преподавателей и студентов гуманитарных вузов.

В то же время еще не все журналы проявляют необходимую заботу о расширении авторского актива, о воспитании литературной молодежи. А иные издания заведомо предпочитают иметь дело с безвестными, малоопытными авторами, а не с профессиональными критиками. Любительская рецензия, хвалебная статья, видимо, устраивают их больше, чем острое полемичное выступление известного критика. Так, годами не могут добиться трибуны в журнале «Ала-Тоо» некоторые известные авторы. За последние три года ни разу не выступали здесь такие критики, как Кенешбек Асаналиев, Камбаралы Бобулов, Мухтар Борбугулов, способные молодые критики Кадыркул Даутов, Аман Токтогулов. Нет, далеко не все рычаги приведены в действие для повышения идейно-эстетического уровня критики, для воспитания опытных, квалифицированных кадров. И мы видим, что редакции журналов проявляют здесь неодинаковую активность. Многие из них ответственно и творчески подошли к новым, высоким требованиям. Но есть и такие редакции, которые работают по старинке, довольствуются вчерашним уровнем в постановке литературно-критического дела. Нас такой подход решительно не может удовлетворить.

Скажем же без каких-либо недомолвок и околичностей: переходный период в некоторых редакциях непомерно затянулся. От разговоров об отставании критики, от обещаний и отвлеченных рассуждений пора переходить к целеустремленной работе. Именно этого ожидает от нас партия, и выполнить ее требования — наш почетный долг.

В основу статьи положен доклад Г. Маркова на совещании главных редакторов литературно-художественных журналов и литературных газет.

ЖУРНАЛЫ В 1973 ГОДУ

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

С. БАРУЗДИН,

главный редактор журнала «Дружба народов»

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ

У нашего журнала — добрая, основанная еще Горьким традиция — давать «путевку в жизнь» наиболее заметным произведениям писателей, представляющих все республики нашей многонациональной страны. Эту традицию мы будем укреплять и впредь...

Минувший год — год 50-летия образования СССР — был особенным для всех советских людей, в том числе и для работников журнала. Этот год принес нам немалое удовлетворение... Прежде всего, прочнее стали связи с читателями, возросла подписка — тираж журнала перевалил сегодня за сто тысяч экземпляров...

Несколько слов о нашем редакционном портфеле.

Начнем с прозы 1973 года. Мы предполагаем опубликовать немало интересных, на наш взгляд, романов, повестей, рассказов. Одной из первых будет напечатана повесть Яна Кросса «Имматрикуляция Михельсона». Повесть эта — историческая, рассказывает о событиях, имевших место сто с лишним лет назад...

Познакомим читателей с романом латышского прозаика Висвалдиса Лама «Кукла и комедиант» — остросюжетным произведением о Латвии сороковых годов. Думается, вызовет интерес и роман украинского прозаика Евгена Гуцало «Школьный хлеб» — об учителях и учениках, о высоких моральных идеалах...

В нашем портфеле также повести Федора Кнорре, Сергея Крутилина, Михаила Рощина, Миколаса Слуцкиса, Ахмедхана Абу-Бакара, романы Лилли Промет, Гурама Панджикидзе и других... Список этот можно продолжить. Повторяю, что, давая краткие характеристики произведениям, которые будут опубликованы в первых номерах журнала, я сознательно не называю героев, не раскрываю сюжетов — читатель познакомится с произведениями сам. И сам их оценит.

Богат и разнообразен наш поэтический раздел. Передо мною лежит верстка новой поэмы Мустая Карима «Салават». Автор назвал эту поэму «драматической». Она рассказывает о восстании Пугачева, о сподвижнике «крестьянского царя» Салавате, «сыне старшины Юлая», о воинах Емельяна — русских, татарах, башкирах, чувашах... Перевел поэму Яков Козловский. Опубликуем мы и немало стихов. Наши авторы — Альфонсас Малдонис, Флор Васильев, Пимен Панченко, Виталий Коротич, Иван Драч. Довольно интересно и обширно будет представлен раздел русской советской поэзии — опубликуем подборки стихов Александра Твардовского, Михаила Луконина, Сергея Орлова, Бориса Слуцкого и других.

Публицистика 1973 года. От этого оперативного литературного жанра мы требуем большой наступательности, широкого тематического разнообразия, жизненности и актуальности. Так, в первом номере журнала читатель познакомится с очерком Виктора Панова «Зерновой миллиард Казахстана» — о хлеборобах кустанайской целины, о самоотверженном труде советских людей... Сегодняшнему дню рабочих и колхозников будут посвящены публицистические статьи А. Бирмана, И. Винниченко, К. Ильичина, Р. Хашимова. Представляет интерес и большая работа историка Е. Черняка «Пророки и мифы», дающая анализ реакционной сущности национализма. Мы напечатаем и фронтовые дневники Константина Симонова, в которых идет речь о победной весне 1945 года, о капитуляции гитлеровского рейха, о Советской Армии, принесшей свободу народам Европы.

Критика 1973 года. Скажу несколько слов о требованиях, которые мы предъявляем к авторам — представителям «боевого жанра литературы». Критические статьи, которые опубликует «Дружба народов», будут поднимать не частные проблемы, а проблемы, имеющие общий характер, являющиеся типичными для всей нашей литературы. Мы рассчитываем, например, посвятить цикл статей вопросам научно-технической революции и жизни современного человека. Такие материалы будем печатать в течение всего 1973 года. Хотим также провести обсуждение актуальных проблем критики, связей литературы с жизнью, поговорить о сегодняшнем состоянии поэмы как жанра. Как и прежде, особое, большое внимание мы будем уделять рабочей и сельской теме в произведениях прозы, поэзии, публицистики...

«За полвека существования СССР у нас сложилась и расцвела единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура».

Эти слова тов. Л. И. Брежнева, сказанные в докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования СССР, ставят почетную задачу глубокого и яркого отражения завоеваний многонациональной советской культуры на страницах нашего журнала, носящего высокое название «Дружба народов».

ХРОНИКА

На днях в Смольном состоялась беседа первого секретаря Ленинградского обкома партии Г. В. Романова с ленинградскими писателями, руководителями местной писательской организации, членами правлений СП СССР и СП РСФСР. Во время беседы были обсуждены вопросы идейно-художественной жизни Ленинградской писательской организации. Участники встречи говорили также о том, как трудящиеся Ленинграда и области выполняют планы текущей пятилетки, о вклада писателей в осуществление решений XXIV съезда КПСС и задач, сформулированных в докладе Л. И. Брежнева на торжественном заседании, посвященном 50-летию СССР.

Г. В. Романов пожелал писателям успехов в работе над новыми художественными произведениями о современности, о людях труда.

■

Совет Министров УССР принял постановление об увековечении памяти выдающегося украинского советского писателя А. В. Головко. Предусмотрено установить на могиле писателя надгробие, а на доме № 68 по улице Ленина в Киеве, где он многие годы жил и работал, — мемориальную доску. Именем А. Головко будет названа одна из улиц в столице Украины и средняя школа в районном центре Козельщина Полтавской области. Решено также издать полное собрание сочинений А. Головко и создать документальный кинофильм, посвященный его жизни и творческой деятельности.

■

Литературная общественность Киева отметила 75-летие со дня рождения выдающегося украинского поэта Владимира Николаевича Сосюры. Его памяти был посвящен торжественный вечер в Большом зале Киевской консерватории им. П. И. Чайковского.

— Лирика Сосюры, в которой звенели чистые струны родной земли, была чудесным сплавом стали и нежности, — сказал, открывая вечер, первый заместитель председателя правления Союза писателей Украины В. Козаченко. — Своим творчеством он утверждал коммунистическую правду жизни, воспевал братскую дружбу и единство советских людей, во всей красе показывал расцвет Советской Родины, славил великую партию Ленина.

— Вдохновенный поэт социалистического строительства, поэт рабочего Донбасса, Днепростроя и нежный лирик, певец дружбы народов — таким вошел Владимир Сосюра в советскую литературу, в сердца многих поколений читателей, — отметил в «Слове о поэте» доктор филологических наук Степан Крыжанивский.

С воспоминаниями о Вл. Сосюре, со стихами, посвященными ему, выступили Степан Олейник, Микола Рудь, Олекса Ющенко, Микола Упенник.

■

За выдающиеся труды и в связи с 50-летием образования СССР премии Советской Эстонии 1972 года удостоена большая группа работников науки, техники, производства, литературы и искусства республики. В области литературы этой премии удостоен Матс Траат за роман «Танец вокруг парового котла».

■

На днях в Тбилисском Доме актера состоялся вечер, посвященный 70-летию со дня рождения замечательного грузинского поэта Симона Чиковани. С докладом о его жизни и творчестве выступил секретарь правления Союза писателей Грузии Б. Жгенти. В воспоминаниях и речах писателей И. Нонешвили, А. Сулаквадзе, Г. Маргвелашвили, В. Мачавариани, народного артиста СССР А. Васадзе, М. Луговской и других предстал образ одного из крупнейших представителей грузинской советской поэзии, пламенного певца дружбы и братства между народами. На вечере звучали стихи поэта, были показаны документальные фильмы о нем.

■

Недавно в Кишиневе под председательством заместителя Председателя Совета Министров МССР Г. И. Еремея состоялось первое заседание оргкомитета по подготовке и проведению 300-летия со дня рождения Дмитрия Кантемира — выдающегося ученого, писателя, общественного деятеля. К этой дате, которая будет отмечаться в октябре нынешнего года, предусмотрено, в частности, издать произведения Д. Кантемира, а также книги молдавских советских писателей о нем, создать и выпустить на экраны кинотеатров художественный и документальный фильмы об этом замечательном сыне молдавской земли, монографии и исследования его литературного и научного наследия. Жизни и деятельности Д. Кантемира, видевшего в дружбе с Россией жизненную необходимость для Молдавии, будут посвящены литературные вечера и выставки, передачи по радио и телевидению, научные сессии. Торжественный юбилейный вечер состоится в столице Молдавии.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА

«...В декабре этого года исполняется 100 лет со дня рождения В. Я. Брюсова. Насколько мне известно, собрание сочинений этого крупного поэта нигде не издавалось. Не будет ли к юбилею восполнен этот пробел?»

Г. КАЛИНИНА,
учительница
АЛМА-АТА

Мы обратились с этим вопросом и заведующей редакцией русской классической литературы издательства «Художественная литература» Н. Н. Акоповой. Вот что она рассказала:

— *К 100-летию В. Я. Брюсова наше издательство подготовило его первое собрание сочинений в 7 томах.*

Три первых тома составят поэтическое наследие В. Я. Брюсова. В два последующих войдет проза: «Огненный ангел», «Алтарь победы».

И, наконец, заключительные тома представят литературно-критическую деятельность В. Я. Брюсова. Богатое эпистолярное наследие писателя широко используется в комментариях.

В канун юбилея читатели получат первые два тома собрания сочинений поэта.

ПИСЬМА ДРУГУ-ЧИТАТЕЛЮ

НА СУД СЕРДЦА

Норильск, поселок Снежногорск, Н. К. Богомолову.

Дорогой Николай Кузьмич!

Я не однажды вспоминал нашу встречу на теплоходе «Латвия» и беседу о таджикской советской литературе, которую мы вели. Но время, скорее всего, стерло бы столь непродолжительное знакомство, как вдруг — письмо. Из Снежногорска. Кстати, а нем есть такая строка: «По-моему, народ наш прекрасен, и я рад, что мы — одна семья». Поверьте, я был глубоко благодарен Вам за эти слова, за добрую память. Завязалась переписка. Говоря о жизни, о литературе, мы стали узнавать друг друга. Теперь, смею думать, мы не просто знакомые, мы — друзья... И еще Вы написали тогда: «Мне хотелось бы заверить Вас, что интерес русских читателей к творчеству таджикских писателей — не пустая фраза. Я часто бываю в книжных магазинах, библиотеках, из разговоров с другими книголюбами знаю, что и они не удовлетворены числом переводов с таджикского...»

Были в Вашем письме и добрые слова о моем романе «Дочь огня». Всякому писателю лестен интерес к его творчеству, особенно когда писателя и читателя разделяют тысячи километров. Но советский пятьдесят лет связали Сибирь и Среднюю Азию куда более тесными узами, чем тысячелетия древней истории. И я горд тем, что мои книги также вносят посильную лепту в благородное дело сближения людей разных наций, помогают лучше понять своеобразие души и характера таджиков и те сокровенные черты советского характера, которые нас роднят.

Теперь, когда весь советский народ отметил 50-летие образования СССР, особенно ясно сознаешь, насколько мы близки духовно, как необходим отчет перед всесоюзным читателем.

Итак, вот мой отчет. Завершил работу над последним романом трилогии. Два первых — «Дочь огня» и «Двенадцать ворот Бухары» — Вы знаете. Очень много времени заняла «доводка», если воспользоваться технической терминологией. Вычеркивал и дописывал. Больше, разумеется, вычеркивал. Кое-что переписал заново. В этом смысле лучшим примером мне служит классика. Беря в руки тома академических изданий, поражаешься тому неиссякаемому упорству, трудолюбию, числу вариантов, которые испробованы, тщательно продуманы, отклонены, прежде чем найден окончательный. Так вдохновенно и напряженно трудились выдающиеся мастера. Учиться у классиков — значит учиться прежде всего высокой требовательности к себе, к слову, которое не должно быть случайным или неточным.

Могу уже сообщить Вам, что роман принят журналом «Садои шарк» и будет опубликован в нынешнем году.

Над чем я работаю непосредственно сейчас? Собираюсь приступить к работе над романом о первых послевоенных годах в таджикской деревне. Действующих лиц (некоторых по крайней мере) никак не решусь назвать героями. Это будут скорее антигерои, те, кто и в наше время ухитряется жить чужим трудом, присваивать себе чужие заслуги. Настоящий труженик всегда скромен. Ему нет нужды изощряться во лжи и интригах. Он на дармоеда порой машет рукой, лишь бы работать не мешал, а дармоеды этим пользуются. Случается, что воробьи рядятся в орлов. И кое-кто впрямь за орлов их принимает. Подобное явление не должно никого оставлять равнодушным. Разоблачение тунеядства, приспособленчества, лжи и — главное — борьба за утверждение коммунистической морали — такова тема будущего произведения.

Простите, Николай Кузьмич, что о своих планах говорю в общих чертах, не подробно. Дело в том, что я отношусь к категории писателей, которые не умеют осуществлять замыслы уже рассказанные, выговоренные.

Вот, пожалуй, и весь мой скромный отчет.

Всегда с нетерпением и благодарностью ожидающий Ваших вдумчивых замечаний и тонких суждений

Джалол ИКРАМИ

ДУШАНБЕ

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

На днях на заседании секретариата правления Союза писателей СССР был заслушан и обсужден отчет о работе редакции журнала «Звезда».

Главный редактор журнала Г. Холопов напомнил, что «Звезда» — старейший из «толстых» литературных журналов нашей страны, орган Союза писателей СССР — начала выходить в Ленинграде в 1924 году.

В первом же номере журнала была начата публикация труда В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».

На страницах «Звезды» печатались произведения М. Горького, А. Толстого, О. Форш, В. Шишкова, А. Чапыгина, К. Федина, Н. Тихонова и других видных мастеров советской литературы.

Характеризуя работу редакции «Звезды» в последнее время, особенно в минувшем юбилейном году, Г. Холопов отметил, что в 1972 году «Звезда» уделила много внимания теме интернациональной дружбы и единства народов нашей страны. И в прозе, и в поэзии, и в публицистике редакция стремилась дать читателю произведения, ярко повествующие об историческом подвиге нашей партии, великого советского народа. Редакция занимается воспитанием молодых литераторов — это нашло свое выражение в создании при журнале постоянно действующей группы молодых прозаиков. В плане «Звезды» на 1973 год центральное место занимают публикации новых произведений о рабочем классе, о нашем современнике.

Работа всех разделов «Звезды» была широко и всесторонне обсуждена. На заседании выступили С. Баруздин, Н. Гринберг, В. Кожевников, В. Озеров, Ю. Суровцев, И. Федоренко, О. Шестинский.

Подводя итоги обсуждения, первый секретарь правления СП СССР Г. Марков сказал, что работа редакции журнала «Звезда» заслуживает положительной оценки. Журнал опубликовал в последнее время ряд интересных произведений. Важно, чтобы «Звезда», являясь известным всесоюзным журналом, полнее освещала на своих страницах великий созидательный труд советского народа, его героическую борьбу за выполнение девятой пятилетки. Необходимо «Звезде» ярче отражать на своих страницах тему Ленинграда — важнейшего индустриального, научно-технического центра нынешней пятилетки.

Секретариат правления СП СССР принял постановление, в котором отмечается, что редакция журнала «Звезда» добилась в своей работе определенных успехов. Редакция постоянно заботится о четкости идеологических позиций, о высокой журнальной культуре.

В последние годы в «Звезде» опубликован ряд интересных художественных произведений. Это повести В. Лебедева «Наследник» и В. Пальмина «Долинские раздоры» — о тружениках современной деревни, роман Евг. Воробьева «Земля, до востребования» и повесть Вс. Азарова «Матросы шли первыми», воссоздающие героические страницы нашей жизни, Великой Отечественной войны; хроника чекистских будней А. Сапарова «Опасные комедианты», рассказы и повести С. Воронина, Г. Гора, А. Драбкиной, В. Шефнера, Ю. Шесталова, В. Шукшина.

Систематически печатаются стихи поэтов братских республик нашей страны. В 1972 году «Звезда» познакомила читателей с творчеством ряда известных мастеров многонациональной советской поэзии — Янки Купалы, Эдуардаса Межелайтиса, Петруся Бровки, Максима Танка, Аркадия Кулешова, Леонида Первомайского и других.

Широк и тематически разнообразен отдел публицистики «Звезды».

Редакция заботится о развитии литературных жанров, соединяющих в себе беллетристическое начало с путевым очерком, историко-философским или научно-критическим исследованием (путевые очерки В. Конецкого «210 суток на океанской орбите», историко-публицистическая работа М. Касаинова «Двадцать три ступени вниз», направленная против попыток современных буржуазных «советологов» фальсифицировать события русской истории начала XX века).

Редакция по-деловому выполняет требования, выдвинутые в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». В 1972 году работа отдела критики приобрела более целенаправленный характер. Литературно-критическим материалам отводится значительное по объему место, они разнообразны по жанрам. Постоянные рубрики — «Критика», «Литературный дневник», «Воспоминания», «Литературное обозрение», «Среди книг», «Литературные портреты» — позволяют редакции верно определять форму выступления о том или ином явлении литературы. Проблемные и обзорные статьи «Звезды» основаны, как правило, на материале многонациональной советской литературы.

Отмечая верное направление работы журнала, секретариат правления СП СССР считает, что в свете современных требований, предъявляемых и литературной печати, перед «Звездой» встают новые большие задачи. Редакции необходимо еще целеустремленнее добиваться боевитости в освещении идеологических проблем, активизировать работу по воспитанию читателей в коммунистическом духе. Обращаясь к магистральным социально-нравственным проблемам современности, журнал должен глубже раскрывать коренные перемены в жизни народа, ярче утверждать героику нашей действительности, воссоздавать во всей полноте советский образ жизни.

В этой связи секретариат правления СП СССР обратил внимание редакции «Звезды» на то, что среди публикаций в журнале преобладают произведения малых форм, порой локальные, камерные по своему звучанию. Недостаточно печатается произведений крупных эпических форм, социально значимых романов, раскрывающих широкую панораму современной народной жизни.

Настоятельная задача журнала — повышать идейно-художественный уровень произведений, посвященных современности, чаще обращаться к художественному воссозданию значительных социальных проблем, ярких характеров, воплощающих идейную убежденность, духовное богатство, нравственную красоту наших людей, стремиться к раскрытию новых сторон сегодняшней действительности и глубокому осмыслению коренных процессов, происходящих в жизни советского человека, в развитии социалистического общества.

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», редакция должна более глубоко и вдумчиво анализировать закономерности современного литературного процесса, публиковать больше статей обобщающего характера, содержащих глубокие размышления об особенностях сегодняшнего этапа в развитии жизни и литературы; шире проводить дискуссии, творческие обсуждения кардинальных вопросов литературного развития. Необходимо вести непримиримую борьбу с идейным и художественным браком, постоянно заботиться о четкости критериев и оценок.

Общей, методологически верной линии отдела критики противоречит рецензия Л. Емельянова на роман В. Белова «Кануны», в которой ощутим внесоциальный подход к отдельным этапам развития советского общества.

Затем секретариат правления СП СССР заслушал сообщение Ю. Лаптева об итогах работы двухмесячных курсов критиков при Литературном институте имени А. М. Горького и одобрил их.

В заключение заседания В. П. Катаев поделился впечатлениями о своей недавней поездке в Италию и Францию.

В заседании секретариата правления СП СССР приняли участие заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС А. Беляев и заведующий сектором Отдела пропаганды ЦК КПСС Н. Биккенин.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

ГОТОВЯСЬ К ЮБИЛЕЮ МАЯКОВСКОГО

— Виктор Осипович, вы возглавляете группу Маяковского в Институте мировой литературы имени А. М. Горького. Как готовится ваша группа и предстоящему юбилею?

— С тех пор, как было закончено издание полного собрания сочинений Владимира Маяковского, подготовленного нашим институтом, прошло уже более десяти лет. В собрание, должен сказать, вошло литературно-художественное и эпистолярное наследие поэта, выверенное в соответствии с последней волей автора по прижизненным публикациям и рукописям. Группа Маяковского приложила немало усилий для того, чтобы донести до читателя с максимальной точностью все, что, по выражению Маяковского, «отстоялось словом». Но многое — теперь это стало виднее — еще нуждается в уточнении. Нужно, на мой взгляд, издание собрания сочинений Маяковского — академическое.

Сегодня, окидывая взором «все сочиненное» Маяковским, видим, что в его слове действительно «отстоялось» главное, а именно — содержание нашей советской эпохи. Поэт говорил:

«Чем вещь или событие больше, тем и расстояние, на которое надо отойти, будет больше. Слабосильные топчутся на месте и ждут, пока событие пройдет, чтоб его отразить, мощные забегают на столько же вперед, чтоб тащить понятое время».

Одна из задач исследователей творчества Маяковского состоит, на мой взгляд, в том, чтобы показать, как поэт благодаря своему могучему таланту накрепко «вписался» в историю Страны Советов.

С особой яркостью выступает один из центральных мотивов творчества певца Октябрьской революции — тема дружбы народов, тема интернационализма. Произведения Маяковского, рожденные пафосом этой поэтической темы, — великая новаторская классика, дерзновенный художнический порыв. «Левый марш»... С каким великолепием выразился в нем русский революционный размах! «Вот она, Россия, моя любимая страна. Красная, только что из революции горнила». Маяковский гордился тем, что его стихи, поэмы переводились на языки народов-братьев. Раньше других наших поэтов Маяковский возвеличил советский народ в его движении к новой исторической общности...

К предстоящему 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского готовятся писатели, издатели, деятели культуры, готовятся миллионы почитателей поэтического таланта певца революции. К юбилею приурочено и переиздание трехтомника В. О. Перцова, посвященного жизни и творчеству поэта. Наш корреспондент встретился с автором монографии и попросил ответить на ряд вопросов.

Опыт Маяковского, великого художника революции, чье творчество является литературной летописью жизни нашей страны в 20—30-е годы, стал главным предметом изучения группы Маяковского. Назову несколько наших коллективных трудов—«Маяковский и советская литература», «Маяковский и проблемы новаторства», «Поэт и социализм. К эстетике В. В. Маяковского».

— Словом, поэзия Маяковского стала «своей» для всех народов Советского Союза...

— Не только... Для передового читателя за рубежом поэзия В. В. Маяковского — также «своя». В последнее время обострилась идеологическая борьба, и особое внимание фальсификаторов советской культуры привлекает поэзия Маяковского. В толкованиях «советологов» очень часто искажается смысл этой поэзии. В наших работах мы даем решительный отпор толкователям подобного рода, показываем всю несостоятельность попыток буржуазных литературоведов извратить смысл произведений великого поэта революции.

Готовя трехтомник к новому выпуску в свет, я учел и итоги обсуждения проблем творчества Маяковского, бывших в центре внимания нашего литературоведения в течение ряда лет, и отклики на мои книги, появившиеся в печати. Наибольшее количество полезных замечаний я получил по первым двум томам (вышедшим в 1950 и 1956 годах); здесь отдельные главы подверглись серьезной переработке, а третий том, выпущенный издательством «Наука» в 1965 году, не потребовал никаких изменений, за исключением стилистической правки... Задачу, которую я поставил перед собой, можно сформулировать так: идейно-художественное становление Владимира Маяковского как одного из основоположников социалистического реализма. Естественно, я раскрываю это становление в органической связи с событиями революционной истории. В новом издании я стремился усилить, углубить теоретико-эстетическую линию, более конкретно рассказать о творческом пути Маяковского как поэта народного, партийного.

Маяковский сегодня — явление мировое, влияние его на творчество многих зарубежных поэтов очень велико. Изучение этого процесса составляет одну из важнейших задач нашей исследовательской мысли, особенно в канун знаменательного юбилея. И еще одна особенность должна, как мне кажется, привлечь наше внимание... Поэт — новатор, интернационалист в условиях Октябрьской революции явился продолжателем традиции великой русской поэзии, отмеченной Гоголем в Пушкине: «чуткости на все откликаться».

— В канун юбилея, естественно, усилится внимание к творчеству Маяковского...

— В связи с этим вот что я хочу сказать. Мне кажется, что наряду с выступлениями профессиональных исполнителей нам надо всячески поддерживать конкурсы, соревнования, концерты непрофессиональных исполнителей. Ведь поэзия Маяковского — поэзия массовая, не терпящая «хрестоматийного глянца», безжизненного исполнения. В ней — сама революционная буря двадцатого века.

И в заключение нашей беседы я хотел бы повторить некоторые мысли, которые вытекают из исследования творческого пути Маяковского. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок... Мы счастливы и горды, что Маяковский не только достойно продолжил этот ряд, но и открыл своего рода «пусковой период» советской поэзии.

«Я к вам приду в коммунистическое далеко», — сказал поэт, обращаясь к потомкам. На чем была основана эта горделивая уверенность? Прежде всего на том, что всей своей поэзией он жил будущим и, опережая время, приближал будущее... Каждым своим стихом...

У АЛЕКСЕЯ СУРКОВА

Размышления за рабочим столом

Из личного альбома: А. Сурков, А. Ананьев и В. Карпов у воинов-танкистов

«Литературная газета» продолжает публикацию фотоочерков о писателях — Героях Социалистического Труда. На этот раз наш фотокорреспондент в гостях у Алексея Суркова.

С внуком

В зимнем лесу

Фото А. УЗЛЯНА

СЛОВО МОСКОВСКИХ КРИТИКОВ

Итоги литературно-критического года в свете постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» — этой теме было посвящено состоявшееся 17 января общее собрание критиков и литературоведов Московской писательской организации. Докладчик, председатель бюро творческого объединения Ф. Кузнецов, выступившие в прениях В. Оскоцкий, А. Коган, В. Пискунов, Г. Корабельников, Л. Финк, И. Кладо, А. Бочаров говорили о том, что принятое год назад постановление ЦК КПСС является долговременной программой действий, рассчитанной на неуклонный подъем идейно-художественного уровня литературы и критики.

За минувший год, отмечали ораторы, произошли существенные сдвиги в критике — особенно в исследовании и обобщении процессов взаимосближения и взаимообогащения национальных литератур. В год 30-летия СССР критики-москвичи много сделали для пропаганды достижений нашей многонациональной литературы.

Выступавшие отмечали и недостатки, которые изживаются еще медленно. Литературной критике подчас не хватает аналитичности в подходе к сложным литературным явлениям современности. Не всегда активно и последовательно ведется борьба с серостью в литературе. В некоторых публикациях заметен отход от подлинно научной методологии. Серьезные претензии были высказаны в адрес тех органов печати, где литературная критика не заняла пока места, отвечающего требованиям времени.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анкета «ЛГ»

СДЕЛАНО, ДЕЛАЕТСЯ, БУДЕТ СДЕЛАНО...

● ЧЕМ ОБОГАТИЛ ЛИТЕРАТУРНУЮ КРИТИКУ ГОД, ПРОШЕДШИЙ ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС!

● ЧЕМ ОН БЫЛ ОЗНАМЕНОВАН ЛИЧНО ДЛЯ ВАС!

Альгимантас БУЧИС:

Минувший год — год 50-летия образования Советского Союза — убедительно продемонстрировал внутреннее единство советской литературы: ее уже невозможно назвать простой суммой литератур разных народов. Осмысление многонационального единого художественного процесса требует новых, точных и тонких критериев. Исследовать не только генетические, но и типологические связи братских литератур — труднейшее, но и благодарная наша задача.

Наиболее близки мне статьи тех авторов, которые вторгаются в живой литературный процесс, рассматривают новые произведения в контексте всей советской многонациональной литературы. Всегда с удовольствием читал и нынче перечитываю уже собранные в посмертных сборниках статьи А. Макарова, не раз обращавшегося и к литовской литературе. В центральной печати постоянно ищу статьи В. Гусева, В. Огнева, Ю. Суровцева, Л. Теракопяна и других, лично знакомых или незнакомых критиков, чье слово помогает мне и в собственной работе. Хотелось бы, конечно, побольше личных контактов, межреспубликанских встреч, дискуссий, которые — как показали, например, прошлогодние встречи литовских и армянских писателей — весьма плодотворны.

Взаимоотношения литовских писателей и критиков в последнее время меня радуют. Критик стал у нас не судьей писателя, а его коллегой, с которым можно решать сложные, волнующие всех художественные, философские, социологические проблемы. И решать по-деловому, принципиально — не за чашкой кофе, а на страницах наших литературных журналов. Вот эта деловая творческая атмосфера является, по-моему, одним из важнейших результатов претворения в жизнь постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

Теперь о собственной работе. Я очень рад, что «освободился» от мучившей меня несколько лет книги «Роман и современность (Становление и развитие литовского советского романа)». Книга уже в издательстве, и мне остается только ждать ее появления.

ВИЛЬНЮС

Нил ГИЛЕВИЧ:

Литературная общественность Белоруссии отнеслась со всей серьезностью и высоким чувством ответственности к тем оценкам и требованиям, которые были высказаны в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». На пленуме правления Союза писателей БССР с докладом по этому вопросу выступил один из крупнейших современных советских писателей Иван Мележ. Его доклад — очень содержательный, глубоко аналитический — был проникнут чувством подлинной гражданской озабоченности состоянием дел на критическом фронте и четким пониманием задач, стоящих перед литературой.

Можно ли с уверенностью сказать, что за истекший год в белорусской критике произошел явный перелом и преодолены все отмеченные в постановлении недостатки? Боюсь, что такое заявление было бы несколько преждевременным и скорее выразило бы наше желание, чем истинное положение вещей. Однако идет большая внутренняя работа в сердцах и умах, без которой, собственно, и невозможны действительные, коренные — не поверхностные, не формальные — изменения в таком сложном деле, каким является литературная критика.

Пока в Белоруссии, на мой взгляд, более активно и плодотворно работают литературоведы. Не случайно Государственная премия БССР имени Якуба Коласа за 1972 год была присуждена писателю и ученому И. Науменко за монографические работы о творчестве Купалы и Коласа. Интересную книгу о традициях Кузьмы Чорного в современной белорусской прозе издал Александр Адамович, о проблемах современной белорусской поэзии — В. Гниломедов. Запомнилась прекрасная статья В. Колесника «Возвращение блуждающей звезды» в журнале «Дружба народов». С интересом читал новые выступления литературоведов и критиков В. Коваленко, Г. Киселева, А. Мальдиса.

Что касается пожеланий критике, выскажу только одно: анализировать и оценивать литературные произведения, невзирая на лица, ибо самое худшее и самое жалкое, что можно встретить в статьях и рецензиях, — это малодушные увертки от необходимости сказать правду и сознательное угодничество перед авторитетами.

МИНСК

Игорь ДЗЕВЕРИН:

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» действенно способствовало интенсификации работы по исследованию современной литературы, придало ей целеустремленность, сконцентрировало наше внимание на главных проблемах развития литературы. Это может быть проиллюстрировано многими примерами, взятыми из критической практики минувшего года, включая сюда, в частности, и деятельность украинских литературоведов и критиков. Приведу лишь один. ЦК партии особо указал на необходимость более активного и глубокого изучения процессов взаимообогащения и сближения культур социалистических наций. И в этом плане можно, не колеблясь, зачислить в актив сегодняшней советской критики выступления во всесоюзной печати ряде украинских авторов: Л. Новиченко, Б. Буряка, С. Шаховского и других. Есть все основания говорить и о повышении идейно-теоретического уровня нашей «движущейся» эстетики, о ее все более отчетливо проявляющемся стремлении не декларациями, а делом отвечать на высокие требования партии.

И все-таки предстоит еще очень многое сделать для реализации тех программных положений, которые с предельной четкостью сформулированы в партийном документе. Как хотелось бы, скажем, назвать хотя бы одну критическую работу, появившуюся в последнее время на Украине, которая вызвала бы широкий общественный резонанс, стала бы предметом оживленного обсуждения, натолкнула на серьезные размышления о литературе (и о жизни!), словом, взволновала читателей. Однако сие затруднительно... В то же время продолжают быть частыми гостями на страницах наших печатных органов статьи и рецензии, имеющие весьма далекое отношение к подлинно квалифицированной критике — критике методологически точной и эстетически грамотной, критике по-партийному зоркой и до конца принципиальной.

...Когда читаешь в одной из наших газет, что поэтический образ «красное, такое красное, аж синее» (речь идет о сердце) «крепко западает в память сжатостью смысловой нагрузки», не остается никаких сомнений: по-прежнему не все у нас в порядке с профессиональной подготовкой критиков.

...Когда из рецензии на первый сборник молодого поэта, напечатанной в журнале, узнаешь, что у этого поэта «каждая строке чеканна, как солдатский шаг», не можешь не вспомнить слова из постановления о том, что публикуемые рецензии нередко содержат «необоснованные комплименты».

И, прошу мне поверить на слово, за подобного рода примерами не требуется ходить слишком далеко. В этом я воочию убедился, когда писал обзор украинской «текущей» критики за 1972 год (статья будет напечатана в подготавливаемом издательством «Днiпро» сборнике).

Коль скоро я упомянул о собственной творческой работе, то скажу еще, что в настоящее время пишу один из разделов создаваемого в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР коллективного исследования «Основы теории литературы социалистического реализма», а также надеюсь до конца года завершить давно задуманную книгу, посвященную анализу (в теоретическом и литературно-критическом аспектах) категории партийности. Книга эта так, видимо, и будет называться — «О партийности литературы».

КИЕВ

Мухамеджан КАРАТАЕВ:

В работе критиков Казахстана в 1972 году следует прежде всего отметить два характерных момента. Первый — в своих статьях и докладах критики стремились в связи с 50-летием образования СССР осмыслить успехи многонациональной советской литературы в аспекте их взаимовлияния и взаимообогащения. Второй — значительно возросло количество выступлений, в которых предъявлялись повышенные требования к качеству оцениваемых произведений, больше публиковалось статей-размышлений о развитии отдельных тем и жанров, о проблемах стиля и мастерства.

Серьезное впечатление произвели в минувшем году статьи Ш. Елеукенова «Обновление традиций прозы», Х. Адибаева «Мастер» и «Сделано на века», А. Конратбаева «О мастерстве», Р. Нургалиева «Конфликт в комедии». Активно работали в истекшем году русские критики республики — В. Владимиров, П. Косенко, Н. Ровенский. Любопытно, что писатели тоже не остались в стороне: сборники статей о литературе издали прозаики А. Нурпеисов и Т. Ахтанов, поэт Х. Бекхожин, с докладом и статьей о литературной критике выступил поэт О. Сулейменов.

Связям и содружеству литературных критиков немало способствовал Совет по критике и литературоведению при Союзе писателей СССР.

Лично меня постановление ЦК КПСС заставило пересмотреть творческие планы, кое-что существенно переоценить. Откликаясь сердцем на важный партийный документ, я написал две статьи о задачах казахской литературной критики — «Прожектор партийной мысли» и «Сражающееся мировоззрение». Выступил по этому вопросу с докладом на семинаре творческих работников Алма-Аты и на пленуме правления Союза писателей Казахстана. Написал обзорную статью о казахской литературе последних лет, исследование о творчестве Джамбула, статьи о народной поэзии, искусстве художественного перевода, творчестве молодых авторов... Все эти работы вошли в книгу «Вершины впереди», вышедшую совсем недавно в Алма-Ате на русском языке.

АЛМА-АТА

Иван КОЗАОВ:

Раскрываю почти наугад подшивку одной газеты и в номере, отделенном от сегодняшнего дня примерно двумя годами, читаю рецензию на книгу рассказов о художниках: «Серьезно и талантливо выполняет свою задачу молодой писатель. Его стиль изящен и точен. Образный, яркий язык лаконичен и строг. Кажется, что умный, влюбленный в искусство человек излагает одной тебе только что открытое им для себя, удивившее его человеческое явление». Не знаю, вскружилась ли от таких похвал голова у молодого писателя (заметьте, молодого!), но расти ему, как нетрудно понять, уже некуда — достиг всего.

Для недавней поры подобные дифирамбы в нашей критике были явлением довольно распространенным.

Тон критического панегирика на страницах этой газеты (да и не только этой!) сегодня не стал еще полным анахронизмом, но несомненно, что все более властно заявляют о себе в суждениях критиков трезвость и взыскательность.

Стрелка на нашем критическом барометре стала подниматься к той черте, где написано: «высокие эстетические требования». В этом я вижу наиболее значительное, что принес нам год работы после постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

В минувшем году я продолжал заниматься своей главной темой: литература и война. На основе новых произведений многонациональной советской литературы (В. Быкова, В. Спаре, И. Третьякова, С. Шляху, А. Адамовича, В. Жукова и др.) попытался проследить тенденции поступательного движения этой темы. Главным своим делом считаю работу о творчестве Ю. Бондарева.

Виктор ПАНКОВ:

Несомненно, развитие литературно-критической мысли в течение минувшего года проходило под знаком реализации постановления ЦК КПСС. Это сказывалось и в делах тех наших общественных организаций, как советы по критике и литературоведению, и в творческой деятельности самих критиков.

Ознакомление с журналами 1972 года показывает, сколь активно и плодотворно работали известные наши критики и литературоведы. Были опубликованы интересные, содержательные статьи Е. Книпович, Г. Ломидзе, А. Дымшица, В. Новикова, Л. Фоменко, Г. Бровмана, А. Матченко, М. Пархоменко, Л. Новиченко, В. Дементьева, И. Гринберга, Б. Соловьева, А. Овчаренко, Е. Осетрова, Л. Якименко, А. Михайлова.

Очень обрадовало всех нас решение об издании журнала «Литературное обозрение». Каждый критик должен помочь этому журналу, которому предстоят нелегкие поиски своего творческого лица.

Подводя даже предварительные итоги года, ясно видишь нерешенные еще задачи. В частности, следовало бы увеличить выпуск литературно-критических книг и коллективных сборников, улучшать их качество; необходимо активнее воспитывать молодую критическую смену; остается актуальным и вопрос о повышении требовательности к художественному уровню произведений.

Обращение к произведениям последних лет позволило мне, критику и литературоведу, вести разговор не только об искусстве, но и о самой жизни, о современности.

Как и в прежние годы, я продолжаю заниматься творчеством М. Горького. Было очень приятно подготовить цикл из четырех передач для телевидения на тему «М. Горький — певец рабочего класса».

Одновременно не прекращаю изучения послевоенного периода советской литературы. Несмотря на то, что о нем написано много, ясно видишь, сколько здесь еще актуальных и увлекательных проблем.

Иззат СУЛТАНОВ:

Убежден, что постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» имеет неоценимое значение для всей нашей советской многонациональной литературы, для каждого работника литературного фронта. Это я почувствовал особенно остро, так как вот уже немало лет выступаю и как писатель, и как критик.

Постановление ЦК КПСС со всей очевидностью подсказало необходимость повышения уровня изучения литературы и в средних школах, и в вузах республики. Это заставило меня ускорить работу над учебником теории литературы для вузов Узбекистана.

Год для подведения итогов работы в критике и литературе — срок слишком малый. Но все же приятно отметить, что общий уровень критической мысли в нашей стране за это время заметно поднялся. Особенно явственно чувствовалось это во время научно-творческой конференции на тему «Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма», проведенной в конце прошлого года в Москве. Доклады, сделанные на этой конференции, не только достойно оценили успехи советской многонациональной литературы, но и определили пути ее дальнейшего планомерного изучения.

Оживление, наблюдающееся в нашей критической и литературоведческой жизни после выхода в свет постановления ЦК КПСС, привело к дальнейшему укреплению дружеских связей деятелей наших национальных литератур. Особенно полезными и приятными были для меня две встречи в Москве: с ведущим критиком Казахстана М. Каратаевым во время обсуждения литературных разделов Казахской Советской Энциклопедии, главным редактором которой он является, и Г. И. Ломидзе, выступившим одним из ведущих докладчиков на конференции, о которой я говорил выше.

Мои планы на ближайшее будущее как критика и литературоведа? В качестве автора и главного редактора буду участвовать в подготовке первого выпуска «Вопросов теории литературы», предпринятого Институтом языка и литературы Академии наук Узбекистана.

ТАШКЕНТ

Яков ЭАЬСБЕРГ:

Год, прошедший с момента опубликования постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», ознаменовался, как мне представляется, в жизни и развитии критики существенно новыми тенденциями.

Постановление, явившись важным и авторитетнейшим подтверждением общественной роли критики, подняло ее самосознание, шире и глубже раскрыло возможности ее дальнейшего поступательного движения, подтолкнуло к решению новых больших задач. В особенности это проявилось в том, что в центре внимания литературной критики оказался современный процесс развития советских литератур в их многонациональном единстве.

Впервые в Институте мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР начата подготовка работ по теории и методологии критики. Выдвинулись вперед такие проблемы, как литература, критика и научно-техническая революция. И главное — определилось магистральное направление, которое способно объединить все усилия критики: выяснение закономерностей и многообразных тенденций возрастания роли художественной культуры в коммунистическом строительстве. Постановление, конечно, не могло избавить критику от всех ее недостатков, но ясно указало основные пути их преодоления.

Именно в связи с возрастанием роли литературы в общественной жизни развитого социалистического общества я стремлюсь к тому, чтобы рассмотреть сложную и малоисследованную роль современной литературы и критики в развитии социалистической культуры.

Если под этой культурой понимать то хорошее и лучшее, что вошло в нашу жизнь, в социальное устройство, в быт, в сознание масс и отстоялось, закрепилось, оказалось и оказывается прочным, устойчивым, преемственно и новаторски растущим, то возникает вопрос: как именно литература и критика способны содействовать этому процессу? Ведь участие в созидании социалистической культуры — высшая цель литературы и искусства.

Мне хочется подойти к этому процессу с двух сторон: как литература и критика помогают развитию культуры отношений между людьми, культуры мышления, познания и чувств, совершенствованию социалистической демократии и как, во-вторых, литература и критика участвуют в развитии таких граней художественной культуры, как язык, стиль, мастерство.

Лев ЯКИМЕНКО:

Год жизни литературы — срок небольшой. И все-таки даже этот срок позволяет определенно сказать, что постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» стало важнейшим фактором нашей творческой и общественной жизни.

Конечно, еще предстоит серьезный анализ того, как практически выполняется это постановление, что предприняли творческие организации, что сделали редколлегии газет и журналов (причем речь, на мой взгляд, должна вестись и об общеполитических наших газетах, ответственность которых за развитие литературной критики не менее велика, чем роль органов Союза писателей).

Каждый из нас, причастных к литературной критике, должен спросить себя: а что сделал я за этот год? Вопрос такого рода закономерен, потому что постановление ЦК КПСС заметно способствовало росту общественного авторитета литературной критики. Использовать серьезные возможности, предоставляемые этим постановлением, для осмысления сложных проблем современного литературного процесса, для борьбы против антиисторических концепций, против недобросовестной, поспешной работы и спекулятивного истолкования «злободневности», для утверждения эстетических требований искусства социалистического реализма — так я понимаю главные наши задачи.

Что касается своей личной работы, то, естественно, вначале ждешь оценки своих товарищей, читателя. Вскоре в издательстве «Художественная литература» должна появиться моя книга «На дорогах века. Актуальные вопросы советской литературы», которая обращена преимущественно к современному литературному процессу. Мне хотелось раскрыть в ней своеобразие сложнейшего взаимодействия искусства и времени. Значительное место в книге занимают проблемы методологии современной литературной критики, проблемы метода социалистического реализма. Много я размышлял над вопросами взаимодействия и взаимовлияния, над теми критериями, которые определяют качественно новое единство многонациональной и многоязычной советской литературы.

Усложнившееся представление о мире, поиски, которые идут в нашей литературе, требуют и от литературной критики того, что определено постановлением ЦК КПСС как наша важнейшая задача: «глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса, всемерно содействовать укреплению ленинских принципов партийности и народности, бороться за высокий идейно-эстетический уровень советского искусства, последовательно выступать против буржуазной идеологии».

ДНЕВНИК И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Алексей МЕТЧЕНКО

Владимир ОГНЕВ

Нина РОСТОВЦЕВА

Юрий СУРОВЦЕВ

Андрей ТУРКОВ

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

А. Н. ТОЛСТОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

10 января в Институте мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР состоялась научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения А. Н. Толстого.

Со вступительным словом выступил председательствовавший на сессии заместитель директора ИМЛИ имени А. М. Горького профессор В. Щербина.

Корреспондент «ЛГ» обратился к В. Щербине с просьбой рассказать о том, как проходила сессия. Вот что он ответил:

— Общественно-культурное и творческое значение литературной деятельности А. Н. Толстого трудно переоценить. В высшей степени значителен путь его, характерный для многих представителей старшего поколения советских писателей. Наиболее чуткие к движению времени закономерно пришли к революции, к идеям социализма. А. Н. Толстой — классик советской литературы, произведения которого вошли в золотой фонд советской художественной культуры. Писатель огромного художественного мастерства, устремленный к исследованию величайших переломов в истории нашей страны, он является выразителем больших гражданских, общечеловеческих идей.

Мастерству А. Н. Толстого как одного из зачинателей и выдающихся художников советского исторического романа был посвящен доклад А. В. Алпатова. Докладчик особенно подчеркнул новаторский характер, жанровое и стилистическое разнообразие советской литературы на темы исторического прошлого.

Крупные масштабы воплощения А. Н. Толстым целых эпох нашли освещение в докладе Н. Н. Воробьевой «Историзм А. Н. Толстого и проблемы становления романа социалистического реализма». Отмечая своеобразие произведений писателей братских республик на историко-революционную тему, докладчик вместе с тем поковала единство основных общих принципов литературы социалистического реализма. В частности, чрезвычайно интересными оказались наблюдения над творческими взаимосвязями А. Н. Толстого и А. Упита.

Особенности и яркую индивидуальность произведений А. Н. Толстого, жанрово и тематически различных, охарактеризовал В. И. Баранов в докладе на тему «Хождение по мукам» — «Петр Первый» (идейно-эстетические взаимосвязи)».

М. В. Чарный в докладе «Творческая лаборатория писателя» говорил о необычайной взыскательности писателя, о его напряженной работе над совершенствованием своих произведений.

«Замыслы и планы академика А. Н. Толстого» — озаглавлен доклад Ю. А. Крестинского. Особенно детально освещена в нем деятельность писателя по научному изданию полного свода русского фольклора.

Ряд новых материалов, относящихся к ранней биографии А. Н. Толстого, был представлен в докладе Ю. М. Оклянского.

О своих встречах с А. Толстым в течение многих лет рассказал И. Л. Андроников. Из этих воспоминаний встает образ А. Н. Толстого — большого самобытного художника, общественного деятеля, человека тонкой наблюдательности, глубокого проникновения в революционное движение жизни.

***

18 января в большом зале Центрального Дома литераторов состоялся вечер, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося русского советского писателя А. Н. Толстого.

Вечер открыл Константин Симонов.

Непреходящую значимость творчества художника подчеркнул в слове об А. Толстом А. Л. Дымшиц. На вечере выступили В. В. Шкловский, Г. Я. Бакланов, режиссер Г. Л. Рошаль, редактор газеты «Красная звезда» в годы Великой Отечественной войны Д. И. Ортенберг, капитан теплохода «Алексей Толстой» В. П. Синьченко.

ЮНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

Улица Воровского, 52... Этот адрес хорошо знаком многим пионерам и комсомольцам, ибо уже доброй традицией стали организуемые Советом по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР встречи юных читателей с писателями.

Так, в дни, когда вся страна отмечала 50-летие Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, совет нам дорогих гостей, принимал пионеров — представителей всех братских союзных республик страны.

Недавно состоялись еще две встречи. Одна из них была посвящена победителям Всесоюзного смотра школьных сочинений на тему «О Родине, о дружбе, о себе...», в второй — участникам Всероссийского слета юных следопытов, совершивших экспедицию «Мое отечество».

На встречах выступали и юные гости, и писатели, создающие для них повести, поэмы, рассказы, — Я. Аким, А. Аренштейн, З. Воскресенская, Н. Добронравов, А. Кузнецова, М. Коршунов, Г. Ладощикиов, А. Лиханов, В. Медведев, А. Некрасов, В. Разумнеович, Ю. Яновлев.

Ирина Николаевна ЛЕВЧЕНКО

18 января 1973 года после тяжелой и продолжительной болезни скончалась известная советская писательница Ирина Николаевна Левченко.

В первые же дни Великой Отечественной войны десятиклассница-комсомолка Ирина Левченко добровольно вступила в ряды Советской Армии. В феврале 1943 года она стала коммунисткой.

И. Н. Левченко участвовала в боях на Западном фронте, в Крыму, за освобождение Румынии, Болгарии, Венгрии. Свой боевой путь она закончила в Германии. За мужество и отвагу, проявленные в годы войны с немецко-фашистскими захватчиками, И. Н. Левченко награждена тремя орденами «Красная Звезда» и многими медалями. Ей было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Жизненный путь И. Н. Левченко характерен для многих писателей, вошедших в советскую литературу в послевоенные годы. Пройдя суровую школу Великой Отечественной войны, писательница с большой теплотой и любовью говорит в своих произведениях о советском человеке, вставшем на защиту Родины. Такие книги И. Н. Левченко, как «Повесть о военных годах», «В скором поезде», «Бессмертие», «Чтобы яблони цвели», «Хозяйка тайги», и другие получили признание широкого круга читателей. Произведения писательницы, овеянные горячим дыханием войны, с большой жизненной достоверностью раскрывают величие подвига советского народа в годы борьбы с фашизмом.

Помимо литературной деятельности, коммунистка И. Н. Левченко активно участвовала в общественной и политической жизни. Будучи членом Советского комитета ветеранов войны, членом Комитета советских женщин, она много ездила по стране и за рубежом. Ее очерки, статьи взволнованно рассказывали о самоотверженном труде советских людей, о борьбе за мир.

От нас ушел замечательный товарищ, талантливый писатель, чьи книги учат любить Советскую Отчизну. Память об Ирине Левченко, человеке щедрой души, навсегда останется в наших сердцах.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ И ПАРТКОМ
МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Когда умирают такие люди, как Ирина Николаевна Левченко, вдруг с волнением осознаешь: все меньше и меньше остается товарищей на братской перекличке писателей-фронтовиков. Годы делают свое дело. А может, не годы — война. И — все то непомерно огромное, грозное, что ложилось на плечи бойцов, а тем более девушек-фронтовичек. Такой была и Ирина, добровольно ушедшая на фронт и ставшая там настоящим солдатом.

Сотни девушек в то суровое время Великой Отечественной приходили в дивизию, в полк, еще ничего не умея, но чувствуя одно: Родина в опасности!

Жизнь Ирины Левченко в этом смысле типична. Можно и позавидовать ее фронтовой, солдатской судьбе — оружие у Ирины было грозное: прославленная советская «тридцатьчетверка». Не менее грозным было у нее оружие и после войны, когда она сменила свой танк на перо журналиста, писателя. С подлинным мужеством писала Ирина Николаевна свои репортажи из самых горячих точек планеты.

Думается, это высшая воинская почесть, когда писателя, женщину, называют солдатом. Ирина Николаевна Левченко была настоящим солдатом всю свою недолгую, но такую яркую, полную мужественной борьбы, жизнь.

Ольга КОЖУХОВА

Секретариат правления Союза писателей СССР и правление Союза писателей Грузии с глубоким прискорбием извещают о смерти писательницы

Фатьмы Антоновны
ТВАЛТВАДЗЕ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сердечно благодарим все партийные, советские, общественные организации, друзей и товарищей, искренне разделивших с нами безмерное горе — преждевременную кончину дорогого и любимого Андрея Васильевича Головко.

Семья А. В. ГОЛОВКО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ имени А. М. ГОРЬКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР объявляет творческий конкурс 1973 года. На дневное и заочное отделения прозы, поэзии, драматургии и критики принимаются лица, творчески одаренные, не старше 35 лет, имеющие законченное среднее образование и стаж практической работы не менее двух лет.

На конкурс представляются рассказы, повести, пьесы, стихи, поэмы, критические статьи в объеме: проза и драматургия — 1,5—2 авторских листа (35—50 машинописных страниц), поэзия — не менее 0,5 авторского листа (350—400 строк), критика — не менее одного авторского листа (25 страниц). Неопубликованные произведения должны быть напечатаны на машинке. Произведения, написанные не на русском языке, сопровождаются подстрочным переводом.

Произведения на конкурс принимаются до 15 мая. О решении Конкурсной комиссии абитуриенты уведомляются до 1 мая. Отзывы на творческие работы не высылаются и рукописи авторам не возвращаются.

Уведомление об успешном прохождении конкурса является одновременно вызовом на вступительные экзамены, которые проводятся: на дневное отделение — с 1 августа, на заочное — с 15 августа.

По вопросам о поступлении в институт обращаться по адресу: Москва, 103104, Тверской бульвар, 25, Конкурсная комиссия.

ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ, ПОЭЗИЯ ПЕРЕВОДА

В ОБМЕНЕ МНЕНИЯМИ ПО ВОПРОСАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» УЖЕ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ПОЭТЫ Ю. РЯШЕНЦЕВ И С. ГОЛОВАНИВСКИЙ, КРИТИК Л. МКРТЧЯН, ПОЭТ Я. ХЕЛЕМСКИЙ, ЛИТЕРАТУРОВЕД В. КОПТИЛОВ, ПОЭТ Б. РАХИМЗАДЕ, КРИТИК В. КУБИЛЮС, ПОЭТ Р. ЗАСЛАВСКИЙ, КРИТИК Р. МУСТАФИН, ЛИТЕРАТУРОВЕД Г. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ, КРИТИКИ М. БРУХИС, И. ДЖУСОЙТЫ, Г. МИТИН.

СЕГОДНЯ РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Лев ГИНЗБУРГ

КОГДА ГАМЛЕТ ГОВОРИТ ПО-РУССКИ...

ДИСКУССИЯ о переводе, начатая статьей Ю. Ряшенцева («ЛГ», № 24, 1972), явилась хорошим поводом для того, чтобы не просто напомнить о накопленных советскими переводчиками богатствах, но и как следует разобраться в переводческом хозяйстве, взыскательным глазом обнаружить пробелы. Стало ясно, что потребность в переводе иногда превосходит возможности, «технологию» да и те методы, которые еще недавно считались вершиной удачи, нуждаются в обновлении и совершенствовании. Сегодня даже самый крупный поэт едва ли «осчастливит» автора подлинника только благозвучием или «крепостью» своего перевода. Нет, требовательный и уважающий себя автор непременно захочет, чтобы перевод, становясь фактом иной литературы, сохранил при этом национальное обличье и нутро подлинника. И только поэт, равнодушный к своей национальной культуре и к собственному творчеству, легко согласится на то, чтобы ценой утраты «исконной субстанции» стихотворение приобрело популярность у читателей перевода.

Иногда задумываешься: что же это за тайна, за чудо такое — перевод, когда, к примеру, немецкий читатель «Бориса Годунова» воспринимает как нечто совершенно естественное, что русские бояре разговаривают между собой по-немецки, а русский читатель «Вертера» ничуть не смущен тем, что Вертер изъясняется в своей любви к Лотте по-русски? И ведь процесс этот не иллюзия, и нет здесь сходства с кинематографом, когда под артикуляцию актера искусно подгоняют новый текст «дубляжа». В литературе происходит иное «переозвучивание», иное перенесение читателя из одной языковой стихии в другую...

«Перевод поэзии, поэзия перевода» — называется наша дискуссия, и только власть поэзии, ее магия, ее чары могут заставить Гамлета произносить свои монологи на языке Пушкина или Тараса Шевченко, а Кобзаря — думать вслух свою думу на языке Шекспира, и на языке Навои, и на языке Руставели...

Все эти мысли бродили у меня в голове во время недавнего международного форума переводчиков советской литературы, состоявшегося в Москве, где, помимо других проблем, естественно, вставал вопрос о переводимости нашей поэзии за границей. В этой связи разговор зашел о Некрасове, которого иные участники форума еще знают только по именп.

Между тем среди шедевров мировой любовной лирики, на тех же вершинах, где находятся сонеты Петрарки, «Мариенбадская элегия» Гёте и пушкинское «Я вас любил...», существуют строки, даже у нас многими почти забытые. Речь идет о том отрывке из «Коробейников», где Катя мысленно обращается с заклинанием к своему любимому:

Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Нан другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? нан засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердца падает:
«Ты женись, женись
на мне!
Ни тебе,
ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей
матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою.
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей-женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу
пьяненький —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи,
румяненький!»
Больше слова ни скажу».

Думаю, никто не сможет остаться равнодушным к пронзительной лирической силе этих строк, исступленности этого чувства. Внутренний мир простой крестьянки, ее психология благодаря гениальным стихам оказались ничуть не беднее, чем внутренний мир «интеллектуальных» героинь самых известных произведений литературы.

И все же, читая эти строки, мы не можем избавиться от горькой мысли, что этого сокровища многие иностранцы до сих пор лишены и не нашелся для него переводчик ни у немцев, ни у англичан, ни у французов, ни у итальянцев. А ведь жаль, и не только из соображений познавательных: ведь открыть такого поэта, как Некрасов, в лучших его стихах — значит свою литературу сделать богаче, новые привнести в нее интонации, звуки, новые, неведомые прежде миры.

Что мне до того, что я знаю немецкий язык и, естественно, читал «Erlkönig» Гёте в подлиннике? «Лесной царь» Жуковского для меня существует и сам по себе, не только как перевод из Гёте: сам по себе, может быть, в первую очередь.

...Итак, возвращаясь к Некрасову, можно сказать, что вся трудность перевода этих строк, очевидно, состоит в их сугубо национальной окраске, и я уже предвижу, как мне скажут, что это — лад настолько русский, что его просто-таки невозможно донести, допустим, до англичанина или испанца... Ведь не зря же беспокоился Достоевский (да и почти все русские классики), станет ли «узнаваемо для Европы» все «характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное),..»?!

И все-таки перевести можно! Можно так же, как смог Жуковский перевести шиллеровскую «Орлеанскую деву», как смог Маршак подобрать ключ к «сугубо шотландскому» Бернсу и этого шотландца до мозга костей сделать каким-то чудесным образом одним из самых любимых в России поэтов, как усвоил Б. Пастернак «книттельферз» — раешный стих нюрнбергских масленичных действ Ганса Сакса, — работа, подготовившая и проложившая дорогу к его переводу «Фауста»...

Как перевести?.. Нелепо и трудно советовать. Ясно только одно. Единственный способ в переводе воссоздать стихотворение — это перевести не столько его «текст», сколько — с помощью текста (да, да, с помощью текста, а не игнорируя текст!) воссоздать мир произведения, весь его психологический, этнографический, исторический, лексический комплекс, который образует творение литературы.

Ради этой задачи вы мобилизуете и свое знание языка подлинника, и понимание заложенного в нем национального начала, и соотносите свое слышание текста с законами своего стиха, и свой собственный, с годами накопленный «опыт чувств», и личное, собственное отношение к жизни...

Поэтому я только могу вновь присоединиться к призыву профессора Гиви Гачечиладзе, высказанному им в его превосходной статье («ЛГ», № 44, 1972): «...окончательно признать присутствие творческой индивидуальности переводчика в его переводе». Важно только определить степень этого присутствия, а главное — понять, что же именно, какие конкретные свойства, сумма каких качеств дают на такое присутствие законное право.

Не лучше ли честно отказаться от перевода и напечатать грубый, но отдающий самобытностью оригинала подстрочник, чем пользоваться услугами стихотворца-посредника, если его «творческая индивидуальность» или чересчур незаметна, или, напротив, чересчур назойлива?

Я недавно перевел на русский язык поэму знаменитого миннезингера XII века Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих». Ну где мне было взять в современном русском языке лексические соответствия для перевода этой древней поэмы, написанной на средневерхненемецком, как было установить душевный, почти интимный контакт с героем и героиней: феодалом, заболевшим проказой, и двенадцатилетней крестьянской девочкой из Швабии, одержимой глубоконародными представлениями о милосердии и самопожертвовании, не лишенными при этом известной мистической средневековой окраски?

Конечно же, я обратился к тексту, но для того, чтобы из этого текста взять все, что можно для воссоздания «мира», а также и для разговора с читателем о том, что меня как человека волнует и сегодня. При этом я не мог не вложить в перевод то, что я назвал бы «чувством Германии».

Не знаю, удалось ли мне добиться «вдохновенной точности», на которой справедливо настаивает в своей статье В. Коптилов («ЛГ», № 32, 1972), но скажу: неизменно заглядывая в текст, переводя его строку за строкой, сопереживая «моему» бедному Генриху, я не мог не думать и о чем-то лежащем за текстом, касающемся меня, моих близких, всех нас...

Я соблюдал форму подлинника, поскольку музыка поэмы мне в моей задаче не мешала, а помогала: «чувство Германии» неотрывно от «немецких» ритмов. Попробуйте изменить мелодию гейневской поэмы «Германия. Зимняя сказка» — и вы тотчас же лишите «Германию» мелодии Германии.

Но зачем я говорю о себе? Есть примеры классические, где перевод — оригинальнейшее явление родной литературы и в то же время — перевод.

Вот несколько строк из монолога Жанны д'Арк Шиллера — Жуковского:

Ах! почто за меч
воинственный
Я мой посох отдала
И тобою, дуб таинственный,
Очарована была?
Мне, владычица, являла ты
Свет небесного лица;
И венец мне обещала ты...
Недостойна я венца.

Зрела я небес сияние,
Зрела ангелов в лучах...
Но души моей желание
Не живет на небесах.
Грозной силы повеление
Мне ль, бессильной,
совершить?
Мне ли дать ожесточение
Сердцу, жадному любить?..
...Мне ль сокрушествовать
в сражении?
Мне ль решить судьбу
царей...
Я пасла в уединении
Стадо родины моей...

Здесь — все немецкое, шиллеровское и все — русское, и вот она — правда, вот оно — столкновение двух языков и двух национальных стихий: немецкое начало, понятое русским поэтом. Вот она — суть явления, именуемого переводом!..

Гоголь писал: «...Мы сами никак бы не столкнулись с немцами, если бы не явился среди нас такой поэт, который показал нам весь этот новый, необыкновенный мир сквозь ясное стекло своей собственной природы, нам более доступной, чем немецкая. Этот поэт — Жуковский, наша замечательнейшая оригинальность!»

Переводчик - оригинальность!..

И уже самое последнее. Надо выступить против несостоятельных ссылок на то, что произведение в переводе должно быть так препарировано, чтобы оно «не беспокоило» читателя, не выходило за рамки его привычных представлений и восприятий формы стиха, стиля и пр.

Но если мы так будем подходить к делу, никакого взаимообогащения литератур у нас не получится. Ничем мы друг друга не обогатим, разве только несколько новых сюжетов друг другу подкинем. Представления надо обогащать, привычки ломать, кругозор читателей, их способность к восприятию расширять.

Когда-то гекзаметр был совершенно чужд русскому уху, а каким органичным сделали его переводы Жуковского, Пушкина, Гнедича! Как прижился в России александрийский стих французских классицистов или гейневский дольник, казавшийся сперва «диким и варварским»! А как у нас — в самое недавнее время — замечательно зажили на русском языке, в русской поэзии стихи древних японцев, переведенные В. Марковой и А. Глускиной!..

Сейчас на Западе русскую поэтическую классику обычно переводят верлибром, без рифмы, без ритма, говорят: современный читатель привык именно к такому стиху. Это аргумент шаткий, капитулянтский, а перевод здесь — подлог. А у нас переводят порой рифмованным, традиционным русским стихом XIX века стихи, где в оригинале нет и не может быть рифмы, где внутренняя мелодия, лирико-психологическая и ритмическая структуры совсем иные. Это тоже не лучший путь.

...Когда появились первые французские переводы «Войны и мира», Тургенев в своем письме Толстому писал об этом романе: «Весь его склад далек от того, что французы любят и чего они ищут в книгах: но правда в конце концов берет свое»...

Правда в конце концов берет свое...

Но, представьте себе, что было бы, если бы Толстого стали в переводе приспосабливать и подгонять под то, что «любят» и к чему привыкли французы или немцы? Могли ли бы мы после этого говорить о мировом значении Толстого, о его влиянии на мировую литературу?

Будем надеяться, что нынешняя наша дискуссия будет способствовать тому, чтобы «правда в конце концов взяла свое»!..

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

ВОЛЬНОСТЬ ВО ИМЯ ТОЧНОСТИ

Почему-то довольно часто, обсуждая проблемы перевода, мы обходим молчанием вопросы художественного перевода произведений, предназначенных детям. Мне могут возразить, сказав, что детские стихи переводятся в основном по тем же законам, что и «взрослые». Это так, но тем не менее, поскольку в нашей стране ежегодно выходят тысячи переводных детских книг, теоретикам и критикам художественного перевода давно пора обратить на них внимание. Скажу о некоторых переводах поэзии для детей с белорусского на русский и наоборот.

Известно, что мастерство переводчика состоит в том, чтобы наиболее полно, глубоко передать не только мысль, идею, содержание произведения переводимого автора, но и своеобразие его поэтического почерка. Какими путями это достигается? Бывает, что переводчику отдельные строки, а то и целые строфы трудно передать средствами родного языка. Зато другие образы он может несколько усилить, сохраняя при этом характер первоисточника. В доказательство приведу талантливый перевод И. Бурсовым стихотворения Рыгора Бородулина «Веселый поезд». Сравним. В оригинале:

Спавалі дружна коны.
Імчау цягнік вясёлы.
Імчау цягнік,
А праваднік —
Казёл белабароды —
За дысцыплінаю сачыў
На кяжнай станцыі лічыў
З капустай агароды.
І цягніку з пяшанаю
Салютавалі шчыра
Шлагбаўмы,
Бо спяшаліся
Занадта пасажыры.
На ферму парасяты!
Без пересадкі...

В интерпретации И. Бурсова:

Колеса пели в голос,
Спешил веселый поезд.
Мчал напрямик.
А проводник —
Козел белобородый —
За дисциплиной наблюдал
Да за разъездами считал
С капустой огороды.
Летел веселый поезд,
И отставались вслед
Дымы
И кланялся в пояс
Шлаг-ба-у-мы.
А паровоз —
Чумазый нос —
Смотрел на рельсы в оба:
Он не когда-нибудь там вез,
А вез народ особый.
Домой без пересадки
Спешили поросятки...

Нельзя сказать, что И. Бурсов дословно передал оригинал. Но и никак не назовешь его перевод вольным. Бурсов отлично знает своеобразие поэтической лаборатории Р. Бородулина. Не случайно он, заменив, дополнив отдельные фразы, нисколько «не подавил» при этом творческой индивидуальности белорусского поэта.

Вот и Алесь Якимович, знаком самых маленьких белорусов с замечательной сказкой К. Чуковского «Федорино горе», заменил в ней немало образов. Но сделал это так тонко, так артистично, что ничуть не нарушил ни чрезвычайно своеобразной поэтики, ни идеи сказки.

Но бывает и так, что переводчики обезличивают автора. Так, цикл стихов С. Маршака «Круглый год» почти не узнать в переводе В. Шахсуца. Искусно-простые и выразительные образы Маршака в белорусском тексте исчезли. Вместо них — трафаретные, стертые фразы с усложненными, труднодоступными для детского восприятия синтаксическими конструкциями.

Открывая дискуссию, Ю. Ряшенцев писал: «В конце концов русская поэзия, получив... хорошие переводные стихи, пусть и не совсем точно передающие оригинал, стала богаче. Сотни людей будут читать их, не задумываясь — оригинал или перевод перед ними». Но есть ли смысл переводить стихи Янки Купалы или Якуба Коласа, Максима Танка или Василя Янчи на русский язык так, чтобы русские мальчишки и девчонки не чувствовали самобытности белорусского поэтического слова? Переводные книги должны воспитывать у маленьких читателей чувство любви и уважения и литературе и искусству других народов. А произведение, о котором читателю трудно судить — перевод перед ним или оригинал, — воспитать этих чувств не сможет, ибо оно лишено национального своеобразия.

Р. ЛИТВИНОВ

ГОМЕЛЬ

ТРУД ОДНОГО — ШКОЛА ДЛЯ МНОГИХ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВЛАДИМИРА ДЕРЖАВИНА

РОЛЬ художественного перевода в нашей многонациональной стране поистине огромна. Он служит благородному делу сближения народов, создает возможность взаимного общения литератур, является важным средством интернационального воспитания. Без переводов, особенно переводов на русский язык, трудно представить дальнейшее развитие единой советской литературы. Вот почему мне, представителю древней, обретшей молодость благодаря Октябрю узбекской литературы, хочется выразить чувство глубокой признательности славной когорте русских переводчиков. Своим вдохновением и мастерством они сделали творчество наших классиков и современных писателей достоянием всесоюзного читателя, отдали много сил и энергии делу пропаганды успехов братских литератур.

Одним из первых в этой связи по праву должно быть названо имя замечательного поэта-переводчика, большого и верного друга литератур Советского Востока Владимира Державина. Своими переводами он обогатил и значительно расширил представления всесоюзного читателя о классическом наследии и современных достижениях литератур Средней Азии. Можно без преувеличений сказать, что Владимир Державин явился, по сути, основоположником принципиально новой, советской школы художественного перевода поэзии Востока. В чем отличительные черты этой школы, в которую вслед за В. Державиным вошли многие прекрасные русские поэты-переводчики уже двух или трех поколений?

На этот вопрос я отвечу словами самого же В. Державина: «Художественный перевод — не калька, не фотография, а многокрасочный портрет, написанный живой кистью художника. От художника требуется не только разительное сходство с оригиналом, но и раскрытие его духовного мира. То же требуется и от переводчика».

В этом В. Державин видит сверхзадачу переводческого дела, и в этом сущность его творческого принципа, который он утверждает всей своей более чем сорокалетней литературной деятельностью.

В последнее время у нас много говорилось и писалось о языке литературы. Каким он должен быть, как надо относиться к новым словообразованиям, к различным обиходным речениям, как совместить верность традиции с чутким вниманием к живому языку современников? Высказано на этот счет немало. Были и крайние, взаимоисключающие суждения. По-моему, самый точный и верный ответ на этот волнующий, хотя отнюдь и не новый для литературы вопрос дал в свое время А. С. Пушкин: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».

В языке поэтических переводов Владимира Державина органически и плодотворно совмещается приобретенное «в течение веков» с тем, что постоянно рождается в разговоре. Для В. Державина главное и самое существенное в слове, в стихотворной строке, в произведении в целом — их смысл, идея, глубинное содержание. Продолжая традиции Пушкина, Гнедича и Жуковского, он стремится точно и вдохновенно воссоздать в русских стихах великие творения Фирдоуси, Низами, Хаганн, Хайяма, Рудаки, Саади, Хафиза, Джами, нашу гордость — Навои.

Алишер Навои — бессмертная, неувядающая весна узбекской поэзии, создатель нашего литературного языка — воплощен в переводах В. Державина так, словно он сам, великий поэт и мыслитель Востока, писал по-русски:

Несутся грозовые облака,
Раскатывая гром издалека.
И львиным ревом
содрогают степь,
И синих молний
разрывают цепь.
Весенний дождь сравни
с живой водой,
А струи с жизнью —
вечно молодой.
...А в том, кого не радует
весна,
Жизнь не жива,
душа омрачена.
(«Стена Искандера»)

В основе переводческого мастерства В. Державина лежит исключительно уважительное отношение к оригиналу, внимательное, скрупулезное изучение особенностей духовной культуры народа, которому принадлежит данный художественный памятник, умение проникнуть в историческую суть мироощущения автора, воссоздать самобытные интонации, неповторимые краски его поэтического мира — словом, умение дать почувствовать русскому читателю аромат поэзии, рожденной на другом языке.

Так, переводя «Шах-намэ», В. Державин, вооружась обширными знаниями, сумел подняться поистине до уровня подлинника. Глубокая верность оригиналу способствовала раскрытию сложного внутреннего мира людей той эпохи, что отстоит от нас на тысячу лет. Вместе с тем переводчик приблизил к нам великий памятник древности. Фирдоуси заговорил со своими сегодняшними русскими читателями, будто живой.

Сказал Симург: «Люби тебя
открою
Я ныне тайну неба
пред тобою:
Кто кровь Исфандиаровy
прольет
Того раздавит мстящий
небосвод
...Коль примешь это
страшное решенья —
Спасешь свой дом
избегнешь унижения»
Ему Рустам: «На все
согласен я,
И воля да исполнится твоя!
Мир только вечен.
Наша жизнь мгновение,
Но имя остается
во вселенной:
Лишь добрые деяния героя
Прославит. Остальное —
все умрет».

Сейчас в издательстве «Художественная литература» уже шестым изданием вышли рубаи Омара Хайяма в переводе В. Державина — филигранная работа большого мастера. Чуткой кистью воспроизведены здесь тончайшие нюансы мыслей и чувств великого ученого и поэта XI века. Счастливо избегая буквализма, удивительно точно и выразительно передает Владимир Державин хайямовские образы:

В чертогах, где цари
вершили суд,
Теперь молочаи пыльные
растут;
И с башни одинокая
кукушка
Взывает горестно: «Кто тут?
Кто тут?»

Здесь точно переданы не один только смысл, но и само звучание подлинника!

Основоположник золотого века персоязычной литературы, бессмертный Низами, которого Навои считал своим учителем и шейхом, ожил в переводе В. Державина в центральной поэме пятерицы «Семь красавиц» всей красочностью образов, глубиной мысли, неподражаемой игрой и музыкой стиха. Вот с какой выразительностью звучит в переводе В. Державина утверждение Низами величия человеческого разума:

Хочешь, чтоб тебе
подвластно стало небо, —
встань
И, поправ его пятою,
над землей воспрянь
...Но хоть ты от ощущений
звезд всегда далек, —
Дух твой, разум твой
навеки светы их зажег.
Кроме точки изначальной
бытия всего,
Все иное — только буквы
свитка твоего.
...Ты гляди на добродетель,
только ей внемли,
Не уподобляйся гаду,
что ползет в пыли.
Помни: все, чем обладаешь,
— тени свет и тьма;
Помни: все, чего желаешь,
— яркий луч ума!

Первооткрытием для русской и других европейских литератур стал в переводе В. Державина гениальный Хаганн — современник Низами.

Благодаря вдохновенным переводам Владимира Державина русским читателям и всем, кто владеет русским языком, стали близкими и родными героический латышский эпос «Лачплесис», эстонский «Калевипоэг», армянский «Давид Сасунский», лучшие поэты Грузии и Армении. Недавно им завершен перевод древнейшего якутского эпоса «Олонхо».

Принципы художественного перевода, столь успешно утверждаемые творческим опытом В. Державина, унаследованы и органически освоены большой школой переводчиков-ориенталистов. Да, именно школой, потому что сегодня мы уже с полным правом можем говорить о русской школе художественных переводов восточной поэзии. Через нее прошли и ныне обрели творческую самостоятельность мастера старшего и среднего поколения. В ней обучается высокому искусству перевоплощения слова, мысли и образа творческая молодежь — те, кому предстоит еще взять из сокровищницы восточной поэзии — классической и современной — ее драгоценности, ее сверкающие жемчужины и бережно донести их до русского читателя. Сохранить всю глубину философской мысли, все яркое многоцветие красок, силу страстей, блеск формы — это ли не благородная и благодарная задача, которая стоит перед переводчиком!

В раннем отрочестве пришедший с берегов Волги, неся в своей душе богатство и многозвучность русского народного языка, Владимир Державин щедро отдает свой талант, опыт и знания делу сближения национальных культур нашей социалистической Родины, воплощению идей дружбы и братства народов.

Камиль ЯШЕН

ТАШКЕНТ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. П. КОНЧАЛОВСКОЙ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Натальи Петровны Кончаловской секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас со славным юбилеем. Ваш многолетний талантливый труд в разных жанрах литературы заслуживает самого высокого уважения. Сборники стихов, поэмы, популярная у миллионов юных читателей книга «Наша древняя столица», романтическая быль «Дар бесценный», посвященное Вашему великому деду Василию Ивановичу Сурикову, циклы поэтических переводов, новые тексты классических оперных произведений — пятое далеко не полный перечень того, что сделано Вами. Ваш вклад в литературу отмечен правительственными наградами, золотой почетной медалью «Борцу за мир». Вам присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Желаем Вам здоровья и большого творческого счастья».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

■

Наталья Кончаловская... Поэт, прозаик, общественный деятель, яркая личность, человек щедрой души.

Неповторимость — вот что точнее всего определяет Кончаловскую как писательницу и человека. Неповторимо ее особенное, свое умение «видеть слово в его объемности и цвете, ощутить бумагу, как палитру. Неповторима ее способность удивляться жизни: людям, природе, искусству, и потом точно и зримо превращать увиденное, встреченное в образы, а стихи, а прозу, а устный рассказ-импровизацию.

Талант Н. Кончаловской многогранен: известная «Наша древняя столица» — поэтическая история Москвы, «Дар бесценный» — романтическая быль, книга о великом художнике В. И. Сурикове, роман, в котором отображен, раскрыт творческий процесс создания бессмертных полотен. Этот роман не только портрет художника, но и сам по себе широкая картина России — от сибирских просторов до Петербурга и Москвы.

Лирические стихи... Они пластичны, живописны. В них тонкая акварель лирики и скульптурная выпуклость портретов. Поэтические интонации И. Кончаловской тонки и проникновенны. Кончаловская-поэт все время ощущает себя в нерезрывной связи с природой.

Выросшая в семье Суриковых-Кончаловских, Наталья Петровна впитала в себя дух великой русской культуры. О впечатлениях юности, о встречах с интереснейшими людьми России, такими, как Шаляпин, Горький, Коненков, писательница написала в книге «Кладовая памяти». Это собрание портретов-рассказов, каждый из которых воспринимается, как живая встреча.

Наталья Кончаловская всегда в поиске неоткрытых сокровищ в литературе, живописи, музыке... Музыка занимает особое место в творчестве писательницы: либретто «Дон Жуана» Моцарта, «Фальстафа» Верди, «Фра Дьяволо» Обера. Кончаловская открывает «Медею» Керубини, «Пелеаса и Мелисанду» Дебюсси. Ее стихи удивительно слиты с музыкой, поэтесса умеет донести до слушателя национальный дух произведения.

Неповторимость Натальи Кончаловской — в ее постоянном интересе не только ко всему, что может обогатить русскую культуру, но и к незнакомым у нас иностранным поэтам, артистам, музыкантам. Именно Кончаловской наш читатель обязан открытием великого французского поэта Мистраля. Поэтическим подвигом можно назвать сделанный ею недавно перевод поэмы Мистраля «Мирей» (шесть тысяч строк!). Этот труд хранится теперь на почетном стенде в музее Мистраля в Провансе.

Наталья Кончаловская... Когда будете в Третьяковской галерее, остановитесь у портрета девушки в розовом платье, вполоборота смотрящей на вас темными глазами, полными такой радости жизни, что вам не захочется расставаться с ней... Это портрет Натальи Петровны, написанный ее отцом П. П. Кончаловским почти полвека тому назад. И сейчас у той, что позировала отцу, так же весело и живо блестят глаза, так же полна она неизбывной радости жизни.

Елена ГАЛЬПЕРИНА

Ата АТАДЖАНОВУ — 50 лет

Ата Хаджиевичу Атаджанову исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по туркменской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного писателя Советской Туркмении, с пятидесятилетием со дня рождения.

Произведения Ваши пользуются большой популярностью у читателей республики и всей нашей страны. В Ваших книгах стихотворений «Соль дорог», «Степь — колыбель моя», «Лейся, листвены» и других воссозданы образы наших современников — преобразователей Каракумов, хлопкоробов, славных нефтяников, покорителей целинных земель.

Немалая заслуга принадлежит Вам и в развитии реалистических традиций туркменской прозы. Ваш роман «Кремнии» — заметное явление в туркменской литературе. В нем Вы мастерски показали сплоченность и дружбу советских людей.

Ваша пьеса «Кушкинская крепость», в которой впервые в туркменской драматургии воссоздан образ В. И. Ленина, с большим успехом шла на сцене республиканского Академического театра имени Молланепеса.

Вашему перу принадлежат переводы на родной язык стихотворений русских, азербайджанских, узбекских, татарских, немецких поэтов — классиков и современных.

Вы находитесь в расцвете творческих сил, и многочисленные читатели ждут от Вас новых произведений о нашей социалистической действительности, о строителях коммунизма.

Больших творческих удач Вам!»

■

Полвека жизни, три десятилетия творческой работы — это, конечно, немало, это внушительно... Но, право, дорогой Ата, Вы относитесь к тем моим, ныне пятидесятилетним, друзьям, в солидный возраст которых не верится. Убавить седины в волосах — и передо мной словно тот же человек, с которым я познакомился я первой командировке в Ашхабаде, тот же молодой поэт, кого я просил тогда прочитать стихи по-туркменски, чтобы вслушаться в звучание, а ту пору столь для меня необычное. Это было семнадцать с лишком лет назад.

За эти годы Вы, разумеется, изменились. Тверже стала рука поэта, внимательнее и многообразнее жизни взгляд. Кроме стихов и песен (их в республике поют, а не только издают в сборниках), Вы стали писать прозу, пробовать силы в драматургии, — и пробовать успешно, о чем я свидетельствую как читатель многогеройной историко-революционной драмы «Кушкинская крепость» и как зритель, видевший в Ашхабаде спектакль, поставленный по пьесе «Я вам верю». Значительнее становились проблемы Ваших произведений, ответственнее замыслы (в туркменской Лениниане Атаджанову-драматургу принадлежит роль одного из пионеров, зестрельщиков); в 60-е годы Вы много поработали как поэт-переводчик.

Рост человека, литератора... Он, этот рост, предполагает и приобретение новых качеств, движение к новым горизонтам, и в то же время верность тому хорошему, что было достигнуто, открыто, прочно завоевано уже в годы молодости. Ата Атаджанов! сохранив содержанию прямоту лирического высказывания, доброжелательную улыбку, умение ненавязчиво соединить в строке впечатляющую деталь с серьезным нравственным выводом.

Первое стихотворение Атаджанова, напечатанное в ташкентской районной газете, было новогодним. «Тэзе йыл гелди» — «Новый год пришел». Новый, пятьдесят первый год пришел и Вам, Ата. Пусть их будет много-много, этих новых годов, а с ними новых стихов, пьес, романов.

Ю. СУРОВЦЕВ

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемый редактор!

Разрешите через Вашу газету выразить сердечную благодарность всем партийно-советским организациям, читателям и друзьям, поздравившим меня с 90-летием со дня рождения и награждением орденом Октябрьской Революции.

Абуталиб ГАФУРОВ

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Н. УШАКОВА

ЯЗЫКОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

К МОЕМУ очень большому огорчению, я, человек часто и много думающий о жизни языка, написавший о ней несколько книг, ни разу не встретился с крупнейшим филологом-русистом, членом-корреспондентом Академии наук СССР, профессором Дмитрием Николаевичем Ушаковым.

Мне повезло, потому что я близко знал нескольких очень крупных и интересных советских языковедов — Л. В. Щербу, Б. А. Ларина, В. В. Виноградова... У каждого из них — а это и предопределяет масштабность людей науки — был свой взгляд на объект их разысканий — язык.

Все они были разными, к одним и тем же проблемам подходили каждый со своей, особенной точки зрения, и вот отсюда, из столкновения этих точек зрения, из происходившей на наших глазах борьбы их и возникало то, что называется наукой. Научной истиной...

Мне повезло бы еще больше, если бы среди тех, кого я коротко знал, я мог бы назвать и Дмитрия Николаевича Ушакова. Через общение с ним предмет моего вековечного интереса и заботы — язык вообще и русский язык в особенности — сделался бы для меня еще многомернее, еще загадочнее и одновременно еще понятнее... Но, что поделаешь, встретиться с Д. Н. Ушаковым мне не привелось...

Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, а чаще и обиходнее—«ушаковский словарь» иной раз сравнивают со знаменитым словарем В. И. Даля. Сравнения эти — в которую сторону они ни клонились бы — никчемны и неправомочны: это труды принципиально разные по самому типу своему. Различий множество, начиная с главного: словарь Даля составлялся на протяжении многих десятилетий одним человеком—моряком, медиком, чиновником, писателем, фольклористом и языковедом-любителем. Лексикографом — талантливейшим самоучкой.

Словарь же ушаковский создан за несколько лет небольшим, но редким по своей языковедческой и словаристской эрудиции, по специфической ученой мощи коллективом, в который входили два москвича — Г. О. Винокур и Д. Н. Ушаков и четверо тогдашних ленинградцев—В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и Б. В. Томашевский.

И вот уже сам тот факт, что такие «столпы» языковедной науки нашей согласились сказать «владей нами», будь нашим руководителем и редактором Дмитрию Николаевичу, показывает, каким авторитетом пользовался он в ученом кругу своих коллег как лексиколог.

Порою с досадой и огорчением слышу я, как люди, обычно имеющие к словарному делу косвенное (а то и никакого!) отношение, сравнивают два известнейших за последние сто лет «четырехтомника» — далевский и ушаковский, воспевая непомерные хвалы первому и кисло отзываясь о втором. Словарь Даля — так выходит по их словам — поэтичен, проникнут глубокой любовью не только к русскому слову, но и к тому, что стоит за ним,—к быту, к жизни, к национальному характеру русского человека. А в словаре Ушакова не почувствуешь этакого медового запаха русских полей, дымка русской печи: суховато, сжато, слова толкуются как бы вне их национальной принадлежности, как слова некоего международного языка. И вещей за ними не увидишь...

В самом деле: вот слово «изба». Даль отвел на него 80 строк. Он знает сборную, черную, белую, красную избы. Он пишет где-то на середине статьи: «Старинная изба делилась на три части: на шолнуш, или кухню и спальню; избу, столовую и жилую; горенку, чистую, без печи или с голландскою; горенка украшалась картинами и ставилась иногда отдельным пристроем...» Это — 5 строк из 80! А в словаре Ушакова?

Изба, избы, вин. ёзбу, мн. ёзбы

1. Деревянный крестьянский дом в деревне. ПЯТИСТЕННАЯ ИЗБА. 2. В Московской Руси — канцелярия, присутственное место (истор.). [Даны два примера и приведено постоянное словосочетание: ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ.]

И все. Действительно, на первый взгляд, сравнение получается не в пользу нового словаря. Но хотелось бы мне, чтобы недовольные его сухостью и сжатостью капризники представили себе, в каком положении оказался бы В. И. Даль, если бы вздумал теми же приемами и с той же гомеровской неторопливостью своей написать для нового словаря XX века статью самолет. Или домна. Слова «самолет» у Даля, естественно, в значении «аэроплан», просто нет; а вот статья домна занимает у него ровно 5 строк, к нацело лишена каких бы то ни было стилистических и этнографических украшений, какими полна статья изба.

Да оно и естественно. Время идет; в русском языке происходят чрезвычайные изменения; работа лексикографов становится в XX веке совсем не той, какой была столетие назад.

За заголовком словаря, изданного под редакцией Д. Н. Ушакова, слышатся не напечатанные на его обложке слова: «Толковый словарь правильного русского литературного языка».

Вне всякого сомнения, и сам Дмитрий Николаевич, и коллектив составителей его словаря имели в виду создание словаря именно такого характера. Заранее отказались они и от той, приятной при чтении, но затрудняющей лингвистическую работу над словом **энциклопедичности** Даля, которая заставляла его в значительном числе случаев описывать в своих статьях не только и не столько слова, сколько вещи, названные этими словами.

И можно, не забывая о поразительной одаренности, любви к русскому языку, знаниях и феноменальной трудоспособности В. И. Даля, сказать, что Дмитрий Николаевич Ушаков создал словарем под своей редакцией памятник, может быть, не совсем того масштаба и совершенно иного типа, чем далевский, но обеспечивший и ему как лексикографу научное бессмертие.

Итак, первое: Ушаков — лексикограф. Но, помимо этого, он был славен в лингвистических и — шире — в филологических кругах еще и как совершенно своеобразное «явление», как своего рода живой эталон правильного русского литературного произношения. Чистоты живой русской речи... Когда возникал орфоэпический, касающийся тонкостей литературной устной речи вопрос, конечной инстанцией для его разрешения всегда почитался Ушаков.

Все очень хорошо знали — он является упорным проповедником именно чисто московского (и оно несколько отличается даже и от ленинградского) произношения и выговора, и тем не менее охотно прибегали к его суду и его совету, ибо в этой области, пожалуй, не было знатока вопроса, более осведомленного и более влюбленного в самое его существо, чем Д. Н. Ушаков. Да ведь к тому же, если он иногда и утрировал несколько свое пристрастие к чистым, освященным главным образом театральным говором «московизмам», он сохранял прекрасную объективность ученого, и все охотно шли к нему на суд и поучение и выносили из этих бесед, насколько известно нам, младшим, великую пользу.

Дмитрий Николаевич Ушаков родился в 1873 году, скончался в дни Великой Отечественной войны — в году 1942-м. Как всегда происходит с людьми больших дел, он мог бы сказать про себя: «нет, весь я не умру...» Вот я заканчиваю эту статью, и взгляд мой падает на книжную полку: да, там стоят четыре тома его словаря рядом с четырьмя томами словаря Даля — две соседние ступени на подъемном пути русской лексикологии. Они ежедневно нужны нам сейчас; они долго будут нужны историкам русской лексики. Об этом с особенным чувством благодарности думается в дни столетней годовщины со дня рождения большого советского языковеда, Языковых дел мастера.

Лев УСПЕНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Юрий ОЛЕША:

«ВИДЕТЬ МИР КАК БЫ ВПЕРВЫЕ...»

К Юрию Олеше часто приходили за советом начинающие авторы. Юрий Карлович очень любил беседовать с молодыми литераторами, охотно делился с ними своими мыслями о художественном творчестве, писательском мастерстве...

В архиве Ю. Олеши сохранилась стенограмма одной из таких бесед, дополненная и выправленная писателем. Она не вилючалась а сборники произведений Ю. Олеши и не известна широкому читателю.

ВОПРОС. Как вы работали над «Завистью»?

ОТВЕТ. Законы творчества — чрезвычайно мало освоенная вещь. Трудно дать себе отчет, как это делается. Как рождается образ, как возникает идея...

Детские впечатления играют огромную роль в формировании художественного интеллекта. Я когда-нибудь напишу статью о детских впечатлениях в творчестве Льва Толстого...

Например, в «Войне и мире». В описании Бородинского сражения. Там описывается Наполеон, когда он наблюдает сражение в бинокль. И вот что пишет Толстой (цитирую, конечно, неточно, приблизительно): когда он подносил бинокль к глазам, то он видел, где находятся синие мундиры войск Мюрата. Когда он опуская бинокль, то он уже не мог определить места, где эти мундиры находятся... и т. д.

Здесь, конечно, детское воспоминание об игре с биноклем. Вспомните, когда берешь бинокль впервые, то действительно не сразу постигаешь эту механику. Довольно трудно определить, где, скажем, находится тот балкон или то окно, которое только что во всех подробностях являлось вам, когда вы смотрели в бинокль.

Однако нельзя поверить, что Наполеон не умел смотреть в бинокль. Но Толстому нужно было дискредитировать Наполеона, и, чтобы придать его действиям несерьезный характер, он ввел их в ДЕТСКИЙ РЯД.

ВОПРОС. Значит, по-вашему, детские впечатления имеют большое значение?

ОТВЕТ. В некотором смысле — решающее. Я приведу известный пример. Это слова Гёте. Он сказал о Петре Первом, что тот построил Петербург на каналах, потому что в детстве его поразила картинка, изображавшая голландский город. Это, конечно, слова поэта, очень красивые, но, может быть, не совсем справедливые, однако мне кажется, что доля правды в них есть.

Умение видеть мир как бы впервые является свойством поэта. А это умение идет от детства, когда человек действительно видит мир впервые.

ВОПРОС. Вы писали «Зависть», имея определенный план?

ОТВЕТ. Я писал без плана. Некоторые, работая, говорят себе: это место мне не удалось, я его пока оставлю, буду писать дальше, потом вернусь и обработаю. К сожалению, я так работать не умею. Я могу продвигаться дальше только тогда, когда все, что осталось позади, кажется мне сделанным хорошо. Если я ощущаю, что в написанном какое-либо выражение или отдельное слово неудачно, то я все-таки вернусь и буду сидеть над тем, что кажется мне неудачным, до тех пор, пока не добьюсь удовлетворяющего мой вкус результата... Конечно, это неправильно. Оттого так много времени я и трачу на свои произведения. Но что ж делать! Манера каждого чрезвычайно индивидуальна.

Золя не только план составлял, но и расписывал точно сроки, когда какая страница будет закончена. И по календарю обыкновенно и заканчивал всю работу — в точности, как наметил...

Пушкин сказал, что единый план Дантов... «Ада» уже есть гениальное произведение.

Таким образом, все говорит за то, что нужно, прежде чем писать, составлять план. Однако Алексей Толстой в одном из своих высказываний замечает, что в то время, когда составлен план и уже пишешь по этому плану, вдруг происходит бунт персонажей. Стало быть, возможна и такая вещь! Стало быть, творчество самого события может продолжаться еще и тогда, когда событие уже происходит. И в этом — одно из замечательных свойств творчества. Творчество радиоактивно. Одна мысль излучает другую. Поэт импровизирует. Я, например, заметил, что для меня лично очень полезно рассказывать свои замыслы.

Получается нечто вроде импровизации. Неожиданно для меня самого рождаются новые не то чтобы детали или краски, а целые куски, целые катастрофы...

ВОПРОС. Как вы понимаете форму художественного произведения?

ОТВЕТ. Есть два рода писателей. Одни — у которых видно, как вещь написана, видна фактура вещи. И есть другие, читая которых, не замечаешь языка и видишь только те картины, которые этим языком описаны.

Когда я пишу, я думаю только о том, чтобы передать с максимальной явственностью то, что я вижу.

Для того чтобы заставить увидеть другого, я прежде всего должен увидеть сам. Это — основное и самое важное. Я должен передать читателю свое чувство. Если продумана идея, если хорошо знаешь, что ты хотел бы изобразить, то о языке заботиться нечего. Он является сам.

Гюго сказал, что всякая хорошая мысль приобретает форму стиха.

Главное — мысль, содержание. Форма приходит потом. Форма есть граница содержания.

ВОПРОС. Вы часто ссылаетесь на Гюго. Вы его, видно, любите.

ОТВЕТ. Да, я очень люблю его. Но вообще — постановка вопроса неправильная. Я не знаю, что мне ответить, когда меня спрашивают: кого вы любите больше — Пушкина или Лермонтова? А между тем очень часто слышишь этот вопрос. И начинается обсуждение: знаете, у Пушкина то-то, а у Лермонтова то-то. Это несерьезный разговор. Что это значит: любовь к писателю? Великие писатели велики. Как можно любить или не любить Бальзака, Шекспира, Гёте? Можно говорить о некоем другом отношении к писателю. Это другое отношение возникает, когда находишь в том или другом писателе нечто близкое самому себе, нечто свое. Это свое можно найти и в шедевре Бальзака, и в каком-либо ничего не стоящем произведении. Ладно, назовем это любовью к писателю. С этой точки зрения я больше всего «люблю» Уэллса. Для меня это поистине великий писатель. Он описывает фантастические события. То, чего никогда не было. На Землю спустились марсиане. Завоевание Земли марсианами. Или путешествие на Луну. Двое людей на Луне. Или невидимый человек. Страшная жизнь невидимки... Но в Уэллсе я ценю как раз не фантастику, хотя она поразительна в нем, — я считаю, что в Уэллсе ценно то, что он, применяя художественные приемы, умеет превращать фантастику в эпос. Невероятное событие приобретает настолько убедительные и конкретные черты, что фантастический роман становится как бы документом, как бы свидетельством о совершившихся событиях, которые в свое время потрясли человечество. «Борьбу миров», роман о марсианах, прилетевших на Землю, я воспринимаю как роман исторический. Я не хочу сомневаться в том, что это было на самом деле. Фантастика Уэллса — фантастика с подробностями, с бытом.

Его приемы сродни тем приемам, которыми пользуется Лев Толстой, скажем, в «Войне и мире», когда исторические лица низводятся им до бытовой конкретности...

Уэллс эпичен, как никто. И главное: он изображает поток событий и одинокую человеческую судьбу в этом потоке. Война, столкновение огромных масс, катастрофа, и сквозь это проходит человек: живой, разнообразный, одинокий, несчастный и до последнего предела борющийся человек. В этом—необычайная взволнованность, человечность этих фантастических романов. Это та взволнованность, которая есть в романе Ремарка «На западном фронте без перемен». Там тоже одинокая человеческая судьба в потоке событий. Художественная сущность одна и та же.

ВОПРОС. Вы говорите, что любите тех писателей, у которых находите «свое». Что же своего вы находите у Уэллса?

ОТВЕТ. «Невидимка» Уэллса—именно эта вещь, а не французские писатели, не Жан Жироду, как утверждают критики, оказала на меня наибольшее влияние. Я, например, знаю точно, что внешний облик Ивана Бабичева, те черты, которые я вдруг увидел, когда обдумывал этот образ, наружность опустившегося, набрякшего от нечистой жизни человека в странной шляпе, нищего, бродяги и философа, этот образ есть не что иное, как воспоминание мое о том бродяге—мистере Марвеле, который похитил у Невидимки волшебные книги. Там есть место, где мистер Марвел убегает от Невидимки — задыхающийся толстяк на коротких ножках... Зеленая мурава, летний день, и бежит толстяк... Кто помнит «Зависть», тот согласится со мной, что Иван Бабичев очень похож на этого толстяка... Образ, о котором я говорю, как видно, сильно поразил меня. Кроме «Зависти», он возникает у меня еще в одной вещи. В рассказе «Цепь».

ВОПРОС. Как вы добивались выдержанности стиля «Зависти» и других ваших произведений? Как работали над отточиванием фразы, диалога, образа?

ОТВЕТ. В «Зависти» есть фраза... Кавалеров говорит девушке: **вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев.** Эта фраза всем нравится, ее цитируют. И мне она нравится, а между тем она не совсем грамотна. Этой неграмотности никто не заметил. Почему? Потому, что она стоит в том месте, где читатель испытывает волнение. Эта фраза всплывает на **лирической волне.** Она продиктована целым рядом предварительных событий, приводящих к очень важному конфликту. В чем ее неграмотность? Ветви, полной цветов и листьев, не может быть. Ветвь не объем, а линия. Линия не может быть полной. Линию нельзя наполнить, ее можно обставить со всех сторон, на ней можно построить, но заполнить нельзя. Тут получается не то что неграмотность, но какая-то стилистическая неточность. Этого никто не заметил. Не заметили потому, что эта фраза была произнесена с большим чувством. Я не собираюсь оправдывать неграмотность и неряшливость, однако в искусстве самое главное: чувство. Художник должен передать свое чувство другому. Лев Толстой называет это **заразить чувством.** Без этого заражения искусства нет. Разумеется, и форма имеет колоссальное значение.

Марсель Пруст сказал, что для вечности от искусства остается только метафора.

С этим крайним мнением согласиться нельзя, но вот возьмем выражение — **глаза, как звезды.** Кто первый применил это сравнение? И где оно было применено впервые? В песне? В молитве? В сказке? Неизвестно. Осталось только сравнение.

Совершенно необходимо, чтобы художник был взволнован каким-нибудь чувством, для того чтобы волнение охватывало и тех, кто воспринимает произведение искусства. Чувство, мысль... форма придет сама. Опять возвращаемся к удивительно правильной формуле Гюго о том, что **всякая хорошая мысль приобретает форму стиха.**

О заражении чувством. Лев Толстой указывал неоднократно на то, что «Отверженные» Гюго произвели на него огромное впечатление. И можно сказать, что чувства Гюго заразили Толстого. В «Отверженных» главным действующим лицом является Жан Вальжан, который был каторжником и стал праведником. Что было причиной этого превращения? Некое обстоятельство. А именно: человек, которого каторжник хотел убить, **простил каторжника...** Человек простил своего врага и пожалел. В результате этого акта произошло **чудо.** Каторжник стал святым.

Этой темой Гюго заразил Толстого. Ею пронизан целый ряд вещей Толстого. Причем формально эти вещи наиболее совершенны. Так что можно заключить, что эта тема — **тема прощения, жалости** — более чем другие волновала Толстого, вызывала в нем наибольший подъем творчества. И еще одно характерно: чаще всего эта тема посещала Толстого **в старости,** то есть тогда, когда он слабел. Потому что, когда читаешь о том, что кто-то кого-то простил, появляется **умиление.** А умиление есть все-таки проявление **слабости.** Однако, читая «Фальшивый купон», мы поддаемся художественному воздействию Толстого и, сами того не желая, умиляемся в тех местах, где прощают врага. Это очень сильный момент в искусстве — когда **прощают.** И есть еще только один момент, равный ему по силе, это — **когда мстят.**

О внешности героя.

Сообщать внешности черты, противоположные внутреннему облику, всегда интересно. Это усиливает яркость фигуры. Меня ругали за то, что Андрея Бабичева я сделал «колбасником»! Дескать, коммунист, положительный тип — и вдруг колбасник! Но я нарочно дал положительному герою эксцентрическую профессию. Если бы он был не «колбасником», а, скажем, заведующим издательством, — это было бы пресно. Поскольку же он «колбасник», то вокруг него появляются зрительно, чувственно интересные вещи. У заведующего издательством — бумаги, картон... Получается невкусно. А пищевые продукты — это гораздо «живописней»...

ВОПРОС. Если бы вы теперь писали «Зависть», то что бы вы изменили в ней?

ОТВЕТ. Все от начала до конца. Будем говорить честно: вещь хорошая, но я думаю, что писать все-таки надо иначе.

Писать надо сухо, скупо, просто. Лучше всех, мне кажется, писал Стендаль. Он тоже применял метафоры, но посмотрите, как он это делал. В одном месте он жалуется на то, что женщина, которую он любил, не понимала его, потому что была поверхностна, глупа. Я слишком высоко ставил сеги, говорил Стендаль; она летела гораздо ниже.

Писать просто — это не значит писать бедно. Вот место из «Крейцеровой сонаты» Толстого: «Только тогда, когда я увидал ее мертвое лицо, я понял все, что я сделал. Я понял, что я, я убил ее, что от меня сделалось то, что она была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная и что поправить этого никогда, никак, ничем нельзя».

Это написано очень просто. Начинающему писателю, возможно, покажется плохим выражение — **от меня сделалось то, что она была живая...** Пожалуй, это даже неграмотно... Однако какое страшное впечатление производит этот кусок!

Нужно правильно, экономно распределять краски, крупные и мелкие планы. **В «Театральной истории» А. Франса идет спокойное повествование на нескольких страницах — и вдруг сцена самоубийства. Пуля разбила череп, виден мозг, и МОЗГ БЫЛ ПОХОЖ НА АФРИКУ — пишет Франс!**

Я не скажу ничего нового, если скажу, что метафора, сравнение, украшающий эпитет должны быть неожиданными. И ни в коем случае они не смеют быть «замечаниями» от автора. Они не должны выпирать из ткани повествования. Когда, встречая метафору или какое-нибудь определение, видишь сквозь ткань повествования подмигивающий глаз автора, — это отвратительно! Вот, мол, как я хорошо придумал... Что ты скажешь, читатель!

Сравнение должно быть точным, научно правильным. Вы должны почти вскрикнуть, натолкнувшись на сравнение. И затем, оглянувшись на него, вы должны удивиться, как это вам самому не пришло в голову, что именно бывает так, как это сказал поэт. Пожалуй, и вам это приходило в голову, но неясно, вы недодумали, вы ходили около, и когда поэт говорит вам: вот! — вы немедленно узнаете: да, совершенно верно, это именно так! Метафора должна облегчать мышление, а не усложнять его.

Если вы обнаружили сходство, то это еще не значит, что сходство существует. Сходство должно существовать не только в вашем глазу. Оно должно существовать (неосознанное) в представлении каждого человека, знании каждого человека о мире. Эти равно для всех понятные сходства и самого художника заставляют вскрикнуть, когда он их обнаруживает! Тут и художник испытывает потрясение! Открытие такого сходства доставляет художнику необычайное удовлетворение, и, естественно, удовлетворение это передается читателю. И наоборот: когда сравнения и метафоры надуманные, читателя охватывает почти физиологическое уныние.

Неожиданная краска не является чем-то служащим только для украшения. Она должна исполнять «объяснительную» роль.

Например, я «Фальшивом купоне» Толстой говорит о сановнике, что САНОВНИК ТАК СИЛЬНО СМЕЯЛСЯ, ЧТО У НЕГО СМОРЩИЛАСЬ ЛЕНТА НА ЖИВОТЕ. До этого о наружности сановника и о том, как он одет, ничего не говорилось. И только когда он рассмеялся, мы увидели и ленту, и живот.

Нужно, чтобы слово в художественном произведении было **достаточным** и **необходимым...**

Публикация **О. СУОК-ОЛЕШИ**

Печатается в сокращении.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Д. А. ГАЧЕЧИЛАДЗЕ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«От всей души поздравляем Вас с семидесятилетием со дня рождения.

Вы прошли большой жизненный и творческий путь. Ваши стихи, пьесы, переводы, исполненные на высоком художественном уровне, всегда покоряли сердца читателей, помогали людям строить новую жизнь, любить ее, видеть в ней прочный фундамент нашего сегодня и устремленность в будущее. А Ваши детские поэмы, баллады и стихи, такие, как «Ложь не живуча», «Разведчик Ким Эн Вам», «Глупый волк», и другие воспитывают чувство любви к Родине, ко всему хорошему и светлому в жизни.

Ваше прекрасная, мужественная лирика в годы войны вдохновляла защитников Родины на ратные подвиги, воспитывала чувство прекрасного у молодежи. Сборники стихов «Зов бессмертия», «Аспиндзский родник» и другие создали Вам имя подлинного мастера, взыскательного творца.

Ваши переводы Кальдерона, Софокла, Крылова, Лермонтова, Исаковского получили высокую оценку литературной общественности и критики.

Желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов».

Э. Г. АНАНИАШВИЛИ — 60 лет

Грузинскому писателю Элизбару Георгиевичу Ананиашвили исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, одного из видных мастеров художественного перевода, с шестидесятилетием. Благодаря Вашим переводам обрели долгую жизнь в многонациональной советской литературе произведения таких замечательных грузинских писателей, как прозаики М. Джавахишвили, К. Гамсахурдиа, Л. Качели, Д. Шенгелая, Н. Лордкипанидзе, А. Белашвили, поэты А. Абашели, П. Яшвили, Г. Леонидзе, драматурги С. Шаншашвили, П. Канабадзе. Вы в полной мере владеете языковым богатством и арсеналом изобразительных средств как языка подлинника, так и языка перевода. Своим творческим трудом Вы способствуете достижению высокого художественного уровня в практике перевода с языков братских республик, утверждению реалистических принципов советской школы художественного перевода. Ваше поэтическое мастерство нашло свое отражение также в переводах из англоязычной поэзии. Мы высоко ценим Вашу активную общественную деятельность. Вы являетесь одним из руководителей Совета по художественному переводу правления Союза писателей СССР, а также Московского творческого объединения переводчиков.

От души желаем Вам доброго здоровья, новых успехов на благо нашей многонациональной советской литературы».

Е. С. КОКОВИНУ — 60 лет

Исполнилось 60 лет Евгению Степановичу Коковину. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас, одного из признанных детских писателей, самого любимого юными читателями среди писателей Советского Севера, со славным 60-летием и 25-летием пребывания в рядах советских писателей.

Десятки хороших книг подарили Вы детям и юношеству, и почти каждая из них пронизана пафосом революционной тематики, отличается остротой сюжета, занимательностью, учит читателей правде жизни, воспитывает в них высокие патриотические чувства.

Мы ценим в Вас и важные черты личного примера в выполнении общественного долга, Вашу долгую и безупречную работу по руководству писательской организацией Архангельска, Вашу кропотливую и неустанную работу с молодыми литераторами.

Желаем Вам еще долгих и долгих лет творческой молодости и новых творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Е. Ф. БОГДАНОВУ — 50 лет

В связи с 50-летием со дня рождения Евгения Федоровича Богданова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Поздравляем Вас в день 50-летия и 20-летия литературно-творческой деятельности.

Обращение к современности, живой интерес, проявленный Вами к жизни и быту рядовых колхозников, лесорубов и сплавщиков леса, снискали Вам первое признание. Но Вы сумели проявить свои творческие силы и в жанре исторических повестей, рассказывающих о стойкости и мужестве, трудовых буднях людей русского Севера...

Желаем Вам дальнейших творческих успехов и доброго здоровья. Мы высоко ценим Ваши усилия, проявленные в годы Вашего руководства писательской организацией и сейчас — на посту уполномоченного Литфонда СССР по Архангельской области».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Пулату МУМИНУ — 50 лет

Узбекскому писателю Пулату Муминовичу Мумину исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится:

«Сердечно поздравляем Вас со славным пятидесятилетием. Много лет творческой жизни отдали Вы благородному делу развития узбекской детской литературы. Юные читатели любят Ваши стихи, сказки, поэмы. Вы дарите детям Узбекистана переводы творений классиков русской литературы, произведений современных детских писателей России. Дети же Российской Федерации читают Ваши стихи и рассказы в переводе на русский язык.

От всей души желаем Вам здоровья, счастья, новых творческих свершений».

М. С. ЛЕБАНИДЗЕ — 50 лет

В связи с пятидесятилетием со дня рождения Мурмана Силовановича Лебанидзе секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«От души поздравляем Вас с пятидесятилетием со дня рождения. Вы прошли интересный, богатый событиями путь в жизни и творчестве. Участник Великой Отечественной войны, тяжело раненный в боях под Краснодаром в 1943 году, Вы взялись за перо, чтобы продолжить сражение с немецко-фашистскими захватчиками художественным словом. Ваши пламенные патриотические стихи вдохновляли наших воинов на ратные подвиги. Своей свежей, оригинальной военно-патриотической лирикой Вы сразу же заявили о себе как о талантливом, самобытном поэте.

Искренность чувств и глубина содержания Ваших стихов, принципиальность поэта и гражданина вызывают уважение и Вам многочисленных читателей, в особенности молодежи и детворы.

Много сил отдали Вы общественной деятельности в писательской организации, в редакциях газет и журналов. Ваши заслуги перед Родиной достойно отмечены орденом Трудового Красного Знамени.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья и успехов в литературе».

Н. Д. НАВОЛОЧКИНУ — 50 лет

Николаю Дмитриевичу Наволочкину исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем с 50-летием со дня рождения и 20-летием творческой деятельности. Герой Ваших поэтических книг — наш современник, строитель нового общества в условиях Советского Дальнего Востока. Коммунист, фронтовик, один из активных работников писательской организации. Вы пришли к своему юбилею с заслуженными успехами.

Желаем Вам доброго здоровья и больших творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым пожеланиям.

РАБОЧИЙ ХАРАКТЕР

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Предоставляя редакции свою рукопись, Вадим Кожевников рассказал, что основная тема нового его произведения «В полдень на солнечной стороне» — становления личности главного героя романа Григория Петухова. Мальчишкой, прямо от ученической парты, он попал на фронт, и суровые условия героической борьбы с фашизмом послужили первой школой воспитания молодого человека. Армейский коллектив, крайние обстоятельства и благородный дух мужественной борьбы народа, поднявшегося на защиту своего Отечества, укрепляли и развивали нравственные качества советского человека-воина, выявляя все то хорошее, что было в нем.

В самом конце войны Петухов попадает на один из оборонных заводов, разместившийся в Средней Азии. Заводской коллектив, рабочая среда, их принципы жизни и отношения к труду как бы довершают воспитание героя романа. Впоследствии Петухов станет одним из руководителей производства.

О тех, кто служил ему примером, о высоких мастерах своего дела, о кадровых рабочих, славных представителях своего класса, о рядовых нашей армии труда рассказывается в этом фрагменте.

Полностью роман будет напечатан в журнале «Молодая гвардия».

Рис. В. КРАСНОВСКОГО

НА ФРОНТЕ Петухову было проще угадывать характеры людей и потому, что все всегда вместе, и потому, что в бою ярко вспыхивает все скрытое, незамеченное доселе в человеке. В бою все наружу — и низшее, и высшее, и такое наивысшее, чему нет меры.

Сходясь вплотную, один на один, со смертью, в человеке гибнет любое притворство, и он становится таким, каким себя даже не знал, и другие иногда тоже его таким не знали.

Мера человека была — поведение в бою. А здесь, на заводе, на первый взгляд, все буднично, однообразно, как и сам труд.

После работы у людей начиналась другая, своя жизнь — дома. Малоизвестная Петухову в силу того, что, приходя домой, он оставался вдвоем с Соней, и это ему всегда казалось, как ежедневный праздник — быть с Соней.

И бытовые трудности, которые испытывали все семейные, лично для Петухова проходили мимо него и казались не трудностями, а вполне нормальными условиями жизни, потому что другой не знал, кроме армейской, и сравнивать мог только с армейской, где властвовал равный для всех порядок, нарушаемый только боевой обстановкой.

Но вот что стал замечать Петухов. Приходя в цех, самые сварливые и строптивые, малообщительные, но охотно и раздраженно высказывающие всяческие справедливые и несправедливые неудовольствия и обиды, ядовито поносящие заводские непорядки во время перекура, на обеденном перерыве, эти люди, как только становились к станку или слесарному верстаку, делались совсем иными. Лица обретали умиротворенное выражение и самоуглубленное, сосредоточенное спокойствие, исполненное воли и решительности.

Все это было общей чертой людей, тонко владеющих своей профессией, открывающих в ней своим мастерством столько потаенного, что их следует считать личностями незаурядными. И поэтому, как бы ни были они неудобны своими колючими характерами в общении, к ним относились всегда терпеливо и даже с некоторым благоговением, из уважительности к их мастерству.

Когда такие собирались кучкой вместе, вся колючесть, строптивость, грубость и пренебрежительность ко всем иным исчезали бесследно.

Они становились чрезвычайно благовоспитанными, тщательно вежливыми, взаимно почтительными, о политике рассуждали строго, серьезно, как политики. О неполадках заводских и жизненных судили соразмерно с теми трудностями, которые переживает в послевоенное время страна. В таких беседах равных с равными считалось неприличным сетовать на собственные неурядицы.

И чтобы войти в доверие к этим высоким мастерам, нужно постигнуть на их уровне свое дело.

Петухов слышал, как однажды конструктор Клочков сказал молодому инженеру-механику:

— Важнейшее свойство внимания — концентрация и устойчивость, способность отключить сознание от всего несущественного и сосредоточить его на главном.

Вот это свойство внимания он видел воплощенным в работе таких мастеров, как Зубриков, Золотухин, и иных других, им подобных.

Когда их настигал обеденный перерыв или даже конец смены, умиротворенное, самоуглубленное выражение сменялось другим. Словно очнувшись, они сначала озирались недовольно и недоумевающе: чем вызваны наступившая тишина выключенных станков, суета в цехе, разговоры? Похожее недовольство Петухов замечал в клубе, если спектакль хороший, увлекший людей, и вдруг — антракт.

Когда приносили заготовку сложного профиля и к ней чертежи, и сам технолог, зябко поеживаясь, говорил сердито:

— Конструктора навыдумывают черт те какую конфигурацию, а как ее резцом взять, на нас взваливают.

— Ладно, — объявлял Золотухин. — Поколдую! — Долго смотрел на чертежи, объявлял решительно: — Бумага! — И потом, медленно ворочая заготовку, ощупывал ее пальцами внимательно, чутко, словно слепец. Собирал инструменты, по-своему обтачивал. Долго налаживал станок. Потом снова щупал заготовку, и на лице его при этом сменялось множество выражений, обозначающих разного рода переживания: горечь, недоумение, хитрость, подозрительность, радость и сомнение и, наконец, высокомерную самоуверенность. Тогда он устанавливал заготовку и впервые осторожно касался ее режущей кромкой специально подобранного инструмента.

Такую же быструю и богатую смену чувств, мыслей Петухов запомнил на лице хирурга Ивана Яковлевича Селезнева, когда тот озабоченно обследовал его ранение, прежде чем приказать сестре подать ему нужный инструмент.

Когда Золотухину поручали сложную и ответственную деталь, обедал он наскоро, не утратив и не ослабив рабочего выражения лица, поспешно возвращался в цех, ни с кем по пути не останавливался, не разговаривал, становился нелюдимым, озабоченным. Прежде чем опять подойти к станку, с такой же тщательностью, как хирург Иван Яковлевич, мыл руки. И весь станок его был особо чисто прибран.

Он вынимал закрепленную деталь, уже полуобработанную, снова ее ощупывал, оглаживал, будто кто-то в его отсутствие мог ее потревожить.

И если закуривал, то не у станка. Отходил в сторону, жадно курил, глядел на него и на блестевшую в нем деталь я издали о ней думал.

Закончив обработку, он не позволял забирать деталь, а сам после смены относил в кладовую и тревожно следил, как кладовщик кладет ее на стеллаж, предупреждая: «Я тебе стукну!» — и показывал увесистый кулак. После этого лицо Золотухина обретало потерянное, унылое, скучающее выражение, словно кто-то его обидел или кто-то из близких уехал из дому.

И никакие похвалы и посулы большой премии за исполненную работу не могли его сразу вывести из такого удрученного состояния. Потому что никто, кроме него самого, не мог понять, сколько душевного тщания он отдал этому изделию. Но когда равные ему по мастерству замечали: «Глядели твой кроссворд, хитро справился»,— скулы Золотухина розовели. Поперхнувшись, он долго откашливался, замечал смущенно:

— Помудровал маленько...

Получая потом рядовую работу, Золотухин долго не расставался со скучающим, унылым выражением на лице.

Как-то он строго заметил:

— И на войне тоже без рабочего умения, сознания и мастерства много не навоюешь. Давали вам технику, понимали — кому даем, старались, чтобы получше, безотказнее, прочнее.

И Петухов вспомнил, как на приданной его батальону батарее бойцы орудийных расчетов, получив новые системы, тщательно обследовав их, восхищались меньшим весом, но при этом увеличенной дальнобойностью и полуавтоматическими заряжающими устройствами.

— Вот это нам угодили! — ликовали солдаты.— Из таких воевать одна красота, удобство и сила. И совсем безотказная. Бей, как из винтовки, с одного прицела, очередями. А ведь орудие..

И когда на батарее сначала разбомбили стоявшие в канонирах тягачи, а потом на нее пошли танки, сопровождаемые автоматчиками, Петухов повел свою роту на выручку и в страшном рукопашном бою отбил орудия. Полуживые, израненные, истекающие кровью артиллеристы, обессиленные, изнемогающие, отругиваясь слабыми голосами от санинструкторов, подползали к орудиям, чтобы осмотреть их повреждения, и жалобно, сердито осведомлялись:

— Где орудийный мастер? Почему не привели? А то отвезут на ремонтный завод — жди, когда наше обратно получишь. Могут и в другую часть сдать. Надо бы летучку вызвать, чтобы на месте восстановить.

А то, что два вздыбленных подорванных танка почти нависли над огневой позицией, метра на два не достигнув орудий, этот свой подвиг они не считали особым подвигом. Их волновало то, что один из стволов почернел от спаленной краски. И сейчас было видно, как прозрачные струи горячего воздуха источались над ним, хотя замок был открыт для остужения и на стволе висели мокрыми тряпками их облитые водой гимнастерки. Артиллеристы беспокоились, не повредился ли он от чрезмерного количества за столь короткое время выпущенных снарядов, и виновато объясняли:

— Позабылись, уж больно удобно было с полуавтоматом заряжающего устройства работать. Лупим и лупим, а может, по инструкции так нельзя, без передыха. Любой металл, он тоже строгую свою возможность имеет.

Понятие овеществленного труда у пожилых кадровых рабочих жило глубоко и широкозахватно. Они уважали в металле не только сработанные из него собственноручно изделия, но сам металл как таковой. Они уважали и ценили его как нечто очеловеченное, как вещество, исполненное тяжестью труда, в него вложенного. И новоприбывшему на завод не сразу было постижимо, почему пожилой солидный рабочий высшей квалификации, увенчанный орденами, вдруг багровеет до синевы и орет в гневе и ярости на этого новоприбывшего, который, запоров копеечную заготовку, чтобы не подвергаться сраму, исподтишка забрасывает ее под инструментальный шкафчик. Они не брезговали ходить на складской двор и копаться там в металлоломе, как мусорщики. Обнаружив еще годную шестеренку, втулку, обломок легированной стали, приносили в цех и отдавали ремонтникам. Они вели давнишний бой против излишних припусков в заготовках. Собирая стружку после обработки детали в бумажный сверток, клали его на весы против обработанной детали, вызывали технолога, конструктора, спрашивали зловеще:

— У вас совесть есть? За это, что всем нам надо? Получки на руки давать только половину, чтобы прочувствовали, если по-другому не доходит.

Обучающемуся внушали рыдающим голосом:

— Ты заготовку не грызи, не долби резцом, а стругай ее, ну, как карандашик кожичком затачивают. Говорят: снимай стружку. Что значит? Не дери, а снимай осторожно, не на силу бери, от души. Чувствуй поверхность, как кожу свою чувствуешь. Металл, он на грубость, на силу не поддается. Он отвечает на мягкое обращение, с пониманием.

Хорошие мастера, получив в кладовой режущий инструмент, заново, по-своему его затачивали, доводя углы до той геометрической точности, которая подвластна только лекальщикам.

Подобрав после тягостных сомнений себе сменщика, такой мастер не только привередливо принимал у него станок, но задерживаясь после своей смены, искоса, мнительно где-нибудь со стороны наблюдал, как он справляется.

Это были самые влиятельные люди на заводе. Избранники заводского коллектива не только на почетные места разного рода президиумов, но и на ответственное положение в партийных, общественных и государственных организациях. По существу, это была власть завода, хотя и без персональных кабинетов, без табличек с именованием звания и высокой должности. Потому что должность оставалась при всех обстоятельствах неизменно рабочей.

Вот, к примеру, Золотухин. Работает он всегда со скорбным выражением, озабоченно поджав губу, — взгляд напряженный, как у снайпера. Дают ему на вечерний сеанс билет от завкома. А он отказывается, говорит брюзгливо: «Неприятностей у меня и на работе, и дома хватает, зачем же я на них еще буду в кино смотреть?» Малорослый, тощий, а держится со всеми надменно. Махорку он держал всегда в бутылке, чтобы не сырела. Просился обычно в ночную смену, говорил строго: «Ночью работается лучше, беспокойства мыслей по текущим личным жизненным делам нет». Отказывался надевать защитные очки, сердился: «У меня стружка не брызжет — стекает. Это у кого резец, как долото, так тем и проволочный намордник не поможет».

Когда Алексей Сидорович Глухов остановился, чтобы полюбоваться его артистически виртуозной работой, Золотухин оглянулся, спросил:

— Ты что, директор? Если делать нечего, пошел бы хоть в козла, хоть в шашки во дворе играть, а под руку зыркать мне нечего.

И Глухов, смущенно извинившись, отошел.

Золотухина спросили, кого он хотел бы поставить себе в сменщики. Он буркнул:

— А я вам не кадровик. Ставьте, кого хотите, пускай станок ломает. А мне все равно, за кем его чинить. — Сказал сердито: — Была бы моя воля, никого бы за свой станок не допускал.— Потом спросил: — А сколько он стоит? Ну, станок, понятно!

Узнав стоимость станка, вытирая руки о паклю, объявил:

— Могу внести не сразу, а по полполучки, в рассрок.

— Да ты что?..

— Ничего, — оборвал Золотухин. — За полтанка в войну заплатил, взяли. А теперь, что ж, за станок нельзя? Чтобы к нему никто после меня не касался. Домой же не поволоку.

Петухову он сказал как-то укоризненно:

— Ты вот с фронта целым пришел. А мои трое не вернулись. Тебе не чета, мастера высшего класса. Непьющие, некурящие. Всегда до начала смены свое рабочее место приберут, станок блестел, как только что с завода. А вот — убили. Всегда вчетвером мы на завод идем и с завода тоже. А теперь один. И жена вот по ним болеет, слегла. А лечиться не хочет.

Вдруг прикрикнул грубо:

— Ну чего стоишь, руки, как плети, развесил! Давай калечь заготовку, раздалбливай станок. А я погляжу, какой ты громила...

Две недели обучал Золотухин Петухова, потом вдруг так же внезапно грубо объявил:

— Ну хватит, кое-чего нахватался, а теперь сгинь насовсем. Нет в тебе дара, как у моих. — Пожевал усы. — Скажешь бригадиру, на разряд тебя одобряю. А то гляжу, сапоги совсем растоптаны. Возьми пока мой промтоварный талон на ботинки. Мои вечные, смены не требуют.

Но вот двух местных девушек, прибывших из дальнего кишлака, застенчивых и плохо говоривших по-русски, Золотухин обласкал, взял на обучение, вселил к себе в дом, обращался не иначе, как со словом «дочки». Вместе с ними приходил и уходил с работы. Стирал их белье вместе с бельем жены, уступив комнату, спал на кухне на раскладушке. Водил регулярно в клуб, хотя дремал там во время сеанса.

Если кино было про войну, говорил сипло:

— Вы сидите, глядите, а я выйду наружу, покурю.

И ждал на улице, пока картина не кончится.

Найти подход к такому человеку, как Золотухин, Петухову было непросто. Да и мало ли было подобных ему трудных людей и в цехе, и на заводе. Когда Петухов на партийном собрании предложил, чтобы каждый рабочий-коммунист взял себе на обучение по одному из новоприбывших из местной молодежи, в порядке партийного поручения, и все проголосовали за это предложение, Золотухин сказал с места сердито:

— А как быть с теми партийцами, которых самих учить еще надо, а то есть такие — только металл резцом колупают, глядеть на них тошно. Значит, не все в учителя годятся. И ты сам, Петухов, говоришь складно и правильно, а по разряду ты уже не лейтенант, а больше сержанта не тянешь.

Конечно, услышать такое было обидно и неловко.

Хорошо, что Петухов нашелся и сказал, обращаясь к собранию:

— Правильно товарищ Золотухин сказал. Надо, чтобы каждый коммунист взял обязательство повысить квалификацию.

И это предложение тоже единогласно приняли.

Но Золотухин после собрания сказал Петухову:

— Ловко ты вывернулся, хваткий.—Пожевал ус, подумал: — Ладно, хрен с тобой. Моя Зульфия пока хворает, становись, буду дрючить, на смех перед Фатьмой выставлять. Видал, малютка, пальчики, как у птички, тонюсенькие, а хваткие, аккуратненькие, в кишлаке дома ковры ткала, а за металл хорошо, твердо держится и по-женски ловко, бережно, не как вы, дуболомы.

— Спасибо! — сказал Петухов.

— А я не за спасибо тебя беру. — сказал Золотухин. — Надо бы этих моих Зульфию — в комсомол, а Фатьму — в партию. Рекомендации собираю. Значит, дашь?! — Добавил, конфузясь: — А жена-то моя обезноженная уже встает и даже ходит. Горе-то ее послабже стало, все-таки не одни теперь, а вроде семейство, по материнской линии о них в заботе и ожила, воспрянула. — Сказал сердито: — А ты что думал, я только, чтобы кадры растить, о себе тоже думал, заботился.

Когда Золотухин увидел Петухова с Соней, спросил бесцеремонно:

— Твоя, что ли? Ничего оторвал — красивая. На фронте нашел? Ну, значит, трофей подходящий.

Произнес нежданно ласково:

— Ну, раз вас фашисты не убили, вы теперь уж живите хорошо, ладно, без грубостей, а то навидались в боях, как людей убивают. Теперь соображайте, как надо всякое человеческое оберегать — в себе возвышать. — Согнул ус, прикусил: — И запомните — повторимых, заменимых людей нет, каждый сам по себе — редкость...

Соня сказала протяжно и радостно:

— Какой хороший!

Петухов промолчал, помня, как его поносил Золотухин за всякую ошибку и неловкость в работе.

А Соня продолжала говорить живо и увлеченно:

— Я как хорошего, интересного человека узнаю, так мне сразу хочется, чтобы у тебя тоже такое было.

— Вот, — сказал Петухов, — выходит, моего во мне для тебя недостаточно, у других я, что ли, занимать должен?

— А что тут плохого, я же хочу, чтобы ты самый лучший из всех был.

— А мне вот тебя, какая ты есть, вполне на всю жизнь достаточно, — обиженно сказал Петухов.

— Ну и неправильно, — заявила Соня. — Я вот все время думаю, как для тебя быть получше. А как — не всегда знаю.

— Надо бы курсы открыть совершенствования человеческих личностей, — усмехнулся Петухов. — И без вступительного экзамена не принимать.

В общем-то Петухов не ожидал, что Соня займет такое большое место в его жизни, когда все — и дела свои, и помыслы, и тревоги, и мысли он привык соотносить с мнением Сони, он жил и работал как бы на нее, то есть возвысится от этого он в глазах Сони или нет. Она стала главной мерой у него во всем.

Конечно, не всегда это было в радость. Уж очень Соня была как-то чрезмерно правдивой. Он сообщил с удовольствием:

— Прошло мое предложение на партсобрании насчет подготовки кадров.

— Что значит — твое? — спросила Соня. Пожала плечами укоризненно: — Если единогласно приняли, значит, каждый так думал. А ты только огласил то, что все думали.

— Но инициатива моя!

— Неправда! — сказала Соня. — Сам же говорил, Золотухин давно двух местных девушек на обучение взял. Только он учил их, а не заявлял всюду, что учит. Делом пример подал, а ты только словами.

— Что ж, по-твоему, слово—это только звук? Оно — мысль!

— Но мысль твою тебе Золотухин своим делом подсказал. Так вот по-честному и надо было сказать: поддержим пример товарища Золотухина, и все. А ты минут восемь говорил, и все от себя: «Предлагаю!», «Долг!», «Призываю!». Не надо так, Гриша, выставляться, коммунистов агитировать в том, что они коммунисты.

— Но ведь аплодировали!

— Не тебе, а тому, за что единогласно проголосовали. Учить-то будут в нерабочее время. Значит, в партию делают взнос добавочный своей рабочей жизнью, за счет домашней. Обрадовались, что все на такую самоотверженность без разговоров согласились, по-партийному...

И вдруг, когда еще обида кипела у Петухова, Соня прижалась к нему и, снизу вверх заглядывая в глаза, призналась шепотом:

— Но мне, знаешь, было так приятно, гордо. Ты выступал, все на тебя смотрят, потом хлопают, что согласны. Я даже не утерпела, толкнула соседку, сказала ей: «Это мой муж». Она мне: «Ничего, подходящий, в точку клюнул». И я даже покраснела, засовестилась, что тобой расхвасталась. Но все равно приятно.

— А сама ругаешь!

— Я не ругаю, я обдумываю на дальнейшее, чтобы у тебя дальше получше получалось, а не так вот... Сказать то, что все думают, и считать — это твое!..

Кадровые рабочие и те, кто усвоил обычаи рабочей морали, брали у кассира свою получку уважительно и даже с благоговейным достоинством, с оттенком заметной гордости, если денежная стопка была потолще, а купюры побольше, и медленно, не спеша пересчитывали, как рекомендовалось табличкой, «не отходя от кассы». Те, кто работал на заводе только по необходимости, а не по призванию души, хотя и у таких бывали получки не меньше, забирали свою зарплату пренебрежительно, не считая, сгребая ее ладонью с кассовой полочки, и, кривя губы, совали в карман, словно это лишь бумага.

Конечно, деньги в ту пору имели скорей условную, относительную ценность. При нормированном распределении продуктов — карточной системе существовало большое различие между низкими пайковыми ценами и высокими, в так называемой коммерческой торговле, и еще выше цены были на колхозном рынке.

Поэтому рабочая карточка сама по себе составляла главную реальную ценность — обеспеченность трудящегося. А деньги, что ж, они скорее символизировали количество и качество затраченного труда, потеряв свою возможность быть его эквивалентом.

Все, кто работал, как выдающиеся мастера, и те, кто старался в меру своих сил, и кто только вытягивал норму, получали равное и главное вознаграждение — рабочую карточку. Она и была чем-то вроде твердой валюты, обеспечивающей жизнь. А сама денежная получка относилась, пожалуй, больше к моральной категории, чем к материальной.

Но, вопреки всем этим реальным обстоятельствам и даже пренебрегая ими, те, у кого было развито чувство рабочего достоинства, с радостным удовлетворением брали свою получку и гордились тем, что она побольше, чем у других, как безусловным показателем своего трудового усердия и мастерства.

Петухов отвык от денег на фронте. Там их и некуда было употребить. По своей рабочей карточке и по Сониной служащей он, как и на фронте, без заботы получал полное обеспечение и снабжение. Объединенную получку они спускали в коммерческом магазине в первый день, приобретая то, без чего можно было жить. Но получая в кассе свои не очень большие деньги, он заметил на себе косой, пренебрежительный взгляд Зубрикова, который тщательно и озабоченно пересчитывал на виду у всех купюры из своей толстой, рыхлой пачки, задерживая других у окошечка, чтобы все видели, сколько заработал он, выдающийся мастер Зубриков. И потом, когда Зульфия и Фатьма стыдливо и смущенно, поспешно хотели, не считая, взять свои получки и отойти от кассы, он остановил их и сам взялся, не торопясь, пересчитывать их деньги. Окончив считать, объявив сумму, сказав кассиру: «Все точно!» — оглянулся на ожидавших, сказал громко, во всеуслышание:

— Слыхали, сколько? — Выждал, произнес внушительно: — Кто классно работает, тот и есть рабочий класс. И у того соответственно дензнаками труд обозначен. — Потряс девическими пачками. — Вот как оно фактически. А у кого тощевато, тот и работает, выходит, маловато. — Крякнул и повел подруг в промтоварный.

Такие рабочие, как Зубриков, Золотухин, составляли не только рабочий кадровый костяк завода. По существу, это был заводской начальствующий состав как бы всеобщего руководства всеми здесь и всем. Они были хозяевами завода и в прямом, и в самом широком смысле. Начальствовали они тем, что в мастерстве своем обрели независимость. Им никто не мог ни скомандовать, ни приказать.

Джансуг ЧАРКВИАНИ

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

■

Лазоревый напев твой — вот награда
Моим делам и всей моей судьбе.
Я должен жить, я буду жить, ведь надо
Свершить зарок, который дал тебе.

Я должен гнать не только мельтешенье
Полузнакомцев, но и хор друзей.
И если жизнь сулит мне пораженье,
И если мне не хватит жизни всей,

И если я не сделая то, что думал,
И если я уже не встану вновь —
Ужель ты скажешь:
«Как легко он умер»?! —
Иссякло ведь не мужество, а кровь!

Неужто был бахвалом в некий день я,
Коль мне зарок исполнить не судьба?
Пасть за тебя — да это ли паденье,
Да это ли пустая похвальба?

■

Когда в тиши заговорит родник,
Когда коснется солнца клич оленний,
И всю природу озарит на миг
Всех вишен взрыв,
Когда без промедлений
К желанной песне припадут уста,
Когда олени замелькают в чаще
И ласточки дождется высота,
И снизойдет веселый луч скользящий,
Когда олень направит на апрель
Удар рогов, нет — персиковых веток,
И серый снег, незыблемый досель,
Уступит луг коврам иных расцветок,
Когда олень оленю клок травы
Протянет, чтобы чокнуться рогами,
Когда лоза зелеными руками
Обнимет колья,
стойкие, увы, —
Тогда взгляну на волшебство камней,
Там, в небесах,
И засмеюсь, заплачу!
И старожил услышит шорох дней.
И вдруг пойму:
И я здесь что-то значу!
И возгордясь и вместе возгорясь,
Начну светить,
Как келептари* ночью,
И россыпь лет и мудрую их связь,
Их вечный смысл увижу вдруг воочью.

■

Ветер и солнце, и щебетанье
Скоро ль вдохнешь ты?
Путь твой нескор.
От ожиданья,
от ожиданья
Так истончились слух мой и взор.
О ожиданье — плач журавлиный,
Ты ли начало вечных страниц?..
Мысли — как птицы — сели вдоль линий
Проволок,
веток
и черепиц.
О ожиданье, поиск великий!
К лебедю — лебедь, к суше — вода...
Птенчик-надежда ждет земляники —
Ветка ль под лапкой
иль провода...
Напоминаю
Бледную тень я.
Но во спасенье души
Произойди же, чудо прозренья,
Дай обрести мне голос в тиши.

Перевел с грузинского Ю. РЯШЕНЦЕВ

* Келептари — светильник.

Анатолий АЛЕКСИН

...РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

О фильме «Горячий снег»

ОЦЕНИВАЯ произведения литературы и искусства, мы порою боимся впасть в «максимализм», опасаемся слов истинного восторга или категорического неприятия. Вступает в действие унылая тормозная система, и в результате возникает этакая «среднекомнатная» температура критических оценок.

Хочу сразу же сказать, что роман Юрия Бондарева «Горячий снег» и фильм того же названия меня до глубины души взволновали. Летописец эпохи ратного подвига вписал в свою летопись (а летопись у него, в самом деле, своя!) еще одну яркую главу.

Я буду говорить о фильме. И говорить о нем, как о произведении самостоятельном, то есть живущем в искусстве собственной, независимой жизнью. Хотя это, разумеется, экранизация — в том смысле, что на экране действуют, умирают и побеждают те же люди, что и в романе. И ситуация та же самая. И выстроилось это произведение на том же фундаменте, что и роман.

Разные могут быть точки зрения на то, что в художественном произведении является главным, основополагающим. На мой взгляд, это — создание или, точнее сказать, воссоздание человеческих характеров, без которых ни одно событие, ни один сюжет (даже самый, по сути своей, сверхволнующий) не может ожить ни в книге, ни на сцене, ни на экране.

Когда в титрах возник длинный перечень фамилий героев кинокартины, я забеспокоился: «А запомнят ли те зрители, которые еще не читали романа, «кто есть кто», отличат ли они одного человека в шинели от другого в такой же шинели?»

Но когда фильм кончился и зрители, утирая (кто тайком, а кто в открытую) слезы гордости и печали, стали подниматься со своих мест, они уже могли бы говорить обо всех участниках того жесточайшего сражения, как о людях лично знакомых и более того — бесконечно близких. Значит, рассказывая о победе, одержанной на берегу реки Мышкова, создатели фильма и сами одержали победу!

...Это было сражение исторической важности. Армия генерала Бессонова должна была преградить путь танкам Манштейна, которые рвались на выручку группировке Паулюса, окруженной под Сталинградом. В фокусе внимания создателей фильма — одна из дивизий армии, и прежде всего — батарея лейтенанта Дроздовского, принимающая на себя главный танковый удар. Мне кажется, что батарея, о которой рассказано в «Горячем снеге», войдет в историю не только литературы о минувшей войне, а словно бы в историю самой войны, как вошла не только в историю литературы о войне 1812 года, а в историю самой этой войны легендарная батарея капитана Тушина.

Сутки... Двадцать четыре часа... Быть может, чуть чуть больше или немного меньше. Но это были те сутки, в течение которых характеры воинов проявились полностью, до конца и, вероятно, так подлинно, как не смогли бы проявиться в иных условиях за годы и десятилетия. Не смогли бы потому, что это была самая беспощадно-взыскательная проверка на верность Родине. И потому, что не оказалось в запасе у героев годов и десятилетий: почти все они погибли, решая главную задачу боя: выбивать танки врага, выбивать танки, выбивать танки...

И они выбили! И победили. Ценой крови, ценой своего будущего, которое они отстояли ради других.

Способность не думать о себе, о своей собственной судьбе в те минуты и часы, когда решаются судьбы народа, — это великое свойство героев. Тех, которым посвятил Юрий Бондарев свое творчество... А ведь у каждого из этих людей есть не только свой характер, но и свои надежды, и мечты, и любовь. Пожертвовать всем этим — величайший из подвигов. Но жертвенности-то и нет в облике героев кинокартины. Остановить врага, разгромить врага — это не только их долг, это в те часы и минуты было главной и единственной целью жизни их всех: лейтенанта Кузнецова, бескомпромиссно честного, покоряюще человечного; санинструктора Тани: весельчака и несгибаемого жизнелюба Нечаева; мягкого, лирически доброго Сергуненкова, идущего с гранатой на бронированное чудовище...

Генерал Бессонов... Его воля кажется подчас сверхчеловеческой. Но она такова лишь во имя человека и человечности! На время боя Бессонов заковывает сердце в броню. Но вот он вручает немногим из оставшихся в живых ордена Красного Знамени и тихо приговаривает: «Все, что могу... Все, что могу...» Это голос отца. И сердце уже без брони: она была нужна лишь в бою.

Вообще фильм, как и книга (хотя не так подробно, как она), размышляет об ответственности тех, кому дано «великое и опасное» право распоряжаться жизнью людей на войне. «Право великое и ответственность — тоже великая!» — вслед за романом утверждает картина. Гибель тысяч не только не должна породить хотя бы минутного ощущения, что одна жизнь, одна судьба не имеют существенного значения, а напротив — должна возбудить отчаянное стремление не прибавить к жертвам необходимым, неизбежным ни одной лишней, ни одной неоправданной. Этим стремлением одержимы герои фильма. Но этого не осознает командир батареи лейтенант Дроздовский, который в законах войны видит лишь параграфы, выкованные из железа.

Поэт Сергей Орлов, герой войны, шедший в танке на танки врага, сказал мне, что фильм «Горячий снег» раскрывает великий, героический смысл фразы, которая была одним из главных лозунгов первого этапа войны: «Стоять насмерть!» И в том, что фильм сумел это сделать, большая заслуга писателя Юрия Бондарева, а также его соавтора по сценарию Е. Григорьева и режиссера Г. Егиазарова, показавшего себя в этой картине крупным художником-реалистом. Могу упрекнуть его лишь в некоторой растянутости «завязки», экспозиции фильма.

Есть французская поговорка: «На войне, как на войне». Она подчас звучит иронически и даже игриво. Но все имеет свой первоначальный, истинный смысл. Герои Юрия Бондарева ведут себя на войне так, как и вели себя на войне те герои, что были их прообразами, прототипами. И так же, как это было в действительности, война в произведениях писателя и в фильме «Горячий снег» являет собой жесточайшее испытание, в котором человек, выросший на нашей земле, проявляет такие душевные качества, перед которыми сама история сионяет голову в знак уважения.

Фильм «Горячий снег» воспевает и проклинает. Воспевает героев сражений и проклинает войну, которая заставляет матерей переживать сыновей и дочерей своих, детей становиться сиротами, а жен — вдовами...

По ходу своей статьи я мог бы в скобках рядом с фамилиями героев фильма назвать, как это положено, фамилии артистов Б. Токарева, Г. Жженова, Ю. Назарова, А. Кузнецова... Но я не стал этого делать: нет в фильме «ролей» и вроде бы нет «исполнителей», а есть пришедшие прямо с полей минувших битв Кузнецовы, Бессоновы, Ухановы, Веснины...

Слава им всем. Вечная слава!

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ, заслуженный деятель искусств РСФСР

ПОЛЕ ДУШИ ТВОЕЙ

АФИША ЯНВАРЯ

«ДУША — это то же поле, на котором ничего хорошего не вырастет, если сам же не посеешь... Сумей противостоять всему, что чуждо этому полю, и только тогда, только такой ценой будет зеленеть и цвести нескончаемое поле души твоей».

Так говорит в финале драматической поэмы Иона Друцэ «Птицы нашей молодости» его мудрая героиня. Конечно же, когда тетушка Руца говорит о сеятеле, что бросает зерна на поле души человеческой, она имеет в виду и искусство. Ведь она сама слышала в своей деревне знаменитого скрипача Габулика. И Габулика так играл на свадьбах «Прощание» невесты с домом, что вокруг стояли люди и плакали.

Театр тоже сеет драгоценные семена, и они нередко дают добрые всходы. И о трех таких всходах я хочу рассказать сегодня, ибо в них, как и в некоторых других явлениях нашей многоязыкой сцены, нашел, как мне кажется, отражение новый, повышенный уровень нашей нравственной требовательности к самим себе, определяемый поступательным движением советского общества.

«СТАЛЕВАРЫ» Геннадия Бокарева, поставленные в Московском Художественном театре его главным режиссером Олегом Ефремовым, — спектакль, который не только ввел нас в сложную полифонию духовного мира большого Завода (что само по себе событие примечательное и, увы, не частое), но и стал одним из самых значительных явлений нашей театральной жизни последнего времени.

Спектакль начинается с увертюры огня: гудит в мартеновских печах рыжее пламя, клубы дыма окутывают людей и громаду цеха, по сцене разъезжают электрокары, по воздуху плывут плиты, несомые краном... Однако это впечатляющее начало (художник Н. Сумбаташвили) понадобилось постановщику отнюдь не для создания эффектных иллюзий. О. Ефремову важно было сразу же определить ту высокую температуру, тот рабочий порыв, то напряжение, что живут не только в законах плавки металла, но и неминуемо скажутся в столкновении характеров, позиций, страстей всех персонажей спектакля.

Нельзя участвовать в этом огневом сражении и забыть о нем с концом смены. Патетическая панорама мартеновского цеха вскоре сменится будничностью рабочих столовых, комнатами общежитий, каким-то, любимым рабочими, неприметным закутком в цехе, автоматом с газировкой, — а мы за всем этим будем по-прежнему слышать гудение незримого огня в печах, и огонь время от времени будет снова заполнять сцену, освещая те человеческие отношения, которые исследует театр.

Исследование исключает всякого рода преднамеренность и заданность. Исследователь должен быть готов к любым неожиданностям и открытиям, хотя они зачастую опровергают его предположения и расчеты. Для ученого это само собой разумеющееся правило. В театре нередко бывает иначе. Мы не раз бывали свидетелями: люди на сцене вели себя не так, как им полагалось бы в силу своих характеров, жизненной логики или поэтической правды пьесы, а так, как они должны были бы поступить согласно концепции авторов спектакля.

В «Сталеварах» театр готов принять и осмыслить истину такой, какой ее откроет ему жизнь.

Ну в самом деле, разве не отличный парень сын потомственного рабочего Виктор Лагутин (в этой роли с успехом дебютирует во МХАТе В. Расцветаев)? Он входит в спектакль, как рыцарь: защищает в неравной драке совершенно незнакомого ему человека. Вернувшись в свой город после окончания института, Виктор хочет пройти путь своего отца, начиная с азов, и просит его, инженера, принять на завод подручным сталевара. Наконец, обнаружив, что заслуженный мастер, у которого он работает, не желая подводить цех, выдает из печи холодный металл, не боится высказать при всех эту жестокую правду прямо в лицо заводскому ветерану. И здесь тоже невозможно усомниться в нравственной правоте Лагутина.

В чем же дело? Почему не там уж радует его моральная победа? Почему таким яростным противником его становится молодой сталевар Алексей Шорин (арт. Е. Киндинов), еще так недавно от души желавший ему счастливой плавки? Почему об этой правоте как-то хмуро, опустив глаза, говорит друг его покойного отца начальник смены Варламов? Этому внешне неброскому, вечно занятому, но душевно располагающему к себе человеку как-то очень веришь (его прекрасно играет Ю. Леонидов). Почему же он не рад лагутинской прямоте?

Прежде всего потому, что ему и заводу приходится расставаться сейчас с опытнейшим мастером, сталеваром Сартаковым, который трудился у печей всю свою жизнь. Не для себя забыл о своей рабочей совести мастер. Он привык так понимать честь бригады. Ложное понимание чести? Ложное! И властная гордость хозяина плавки помешала ему прислушаться к предупреждающим справедливым словам. С этой трагической своей виной и бедой уходит с завода Сартаков — В. Давыдов. Но не только потому хмурится Варламов, что теряет Сартакова. Он начинает понимать, что уж слишком прямо лагутинская прямота. Прямота — хороша. Прямолинейность — опасна. Особенно когда она бьет по человеку. «Помни, к человеку запасных частей нет» — огромными буквами выведено на заводской стене. Таков девиз спектакля. Все, кто пишет сейчас о «Сталеварах», цитируют его. Без него не обойдешься. Пусть он лучше запомнится, пусть приживется, пусть станет заповедью — вреда не будет.

Пройдет немного времени — и у Виктора Лагутина, когда он займет место ушедшего мастера, возникнет острый конфликт со своими товарищами. Естественно, что недостаточная опытность Лагутина сразу же сказалась на работе, ударила и по заработкам: стало не до премий. И тогда Лагутин, тяжко оскорбив товарищей, окажет, что глаза их закрыты медяками корысти и что думают они лишь о рубле, в то время как думали они о своем рабочем достоинстве, а глаза были слепы у него самого.

Лагутин вламывается в сложность любых проблем, как бульдозер в стену. Недаром он однажды действительно сядет за руль бульдозера и вдребезги разнесет знаменитую «Гайку» — ларек, торгующий пивом и водкой, где царствует монументальная продавщица-спекулянтка Клава (арт. А. Георгиевская).

Человек — не бульдозер. Он может делать иногда правильные вещи неправильными способами, он может быть прав и в то же время не прав. Не нужно спешить называть его героем, но и не нужно списывать в «брак».

«Птицы нашей молодости». В ролях—Р. Нифонтова и А. Локтев

Так вот чуть не уволил с завода один из цеховых администраторов талантливого сталевара, который, быть может, пока еще и не годится в качестве образцово-показательного рабочего для телевизионного интервью, но несет в себе, так же как и Виктор Лагутин, все задатки завтрашнего вожака рабочего коллектива. Я говорю о Петре Хромове—Е. Евстигнееве. В нем, пожалуй, яснее всего ощутимы требования О. Ефремова к актеру в этом спектакле, которые мне легче всего выразить строчками Пастернака: «И должен ни единой долькой не отступаться от лица, но быть живым, живым и только, живым и только до конца».

Вот таким «живым до конца» мы и видим подручного сталевара Петра Хромова. Как бы ни было порой скверно на душе, Хромов не прочь выкинуть какую-нибудь штуку полабористей, из цеховой солидарности он не сразу скажет о вине мастера, но работает он так, что никто за ним не угонится у печи, и умеет, проглотив обиду, помочь товарищу, хотя Лагутин занял место сталевара, по праву принадлежавшее ему самому. Он всегда готов на честное соревнование с товарищем в работе, да и в любви тоже.

Финал спектакля органически становится его вершиной. До собрания, которое должно судить «партизанские» действия Лагутина со злосчастной «Гайкой», обернувшиеся двумя тысячами рублей убытка, остается несколько минут. И тогда Петр Хромов снимает свою сталеварскую, похожую на рыцарский шлем каску и пускает ее по кругу, чтобы погасить эти две тысячи и снять с товарища, что был прав по существу, уголовное обвинение. И те, о ком Лагутин недавно говорил, что у них медяки корысти лежат на глазах, бросают в этот шлем трудовые рубли, ибо на свете есть такое святое, великое слово, как солидарность, как нравственная сила содружества вместе живущих и вместе работающих людей.

«Женщина за зеленой дверью». В ролях — Н. Гриценко и В. Лановой

И, наверное, эта нравственная сила рабочего братства и есть то самое главное, во имя чего поставили Олег Ефремов и его товарищи свой спектакль, давший, как это кажется из зала, новое внутреннее единство и самой труппе Художественного театра...

СРЕДИ сталеваров не было равнодушных. Но бывает и по-другому.

Двор как двор, каких много в Азербайджане: здесь и работают, и философствуют, и бранятся, и весело справляют семейные праздники под деревьями. На каменном заборе, отделяющем один двор от другого, резко очерченным зеленым прямоугольником виднеется дверь. Она всегда закрыта. И за этой зеленой дверью у соседей время от времени страшно кричит женщина. Ее избивает муж, и она кричит. А во дворе продолжают работать, философствовать и принимать гостей. Привыкли!

«Женщина за зеленой дверью» — так и назвал свою пьесу, показанную в Москве Вахтанговским театром, драматург Рустам Ибрагимбеков, и если бы даже в ней не было ничего больше, кроме этого пронзительного, ранящего душу образа нравственной глухоты, что порою, как тяжелая болезнь, поражает людей, — он бы уже сделал немалое дело.

Мне кажется, что само название — «Женщина за зеленой дверью» — может войти отныне, как сигнал, призывающий к действию нашу общественную совесть. Естественно, что сигнал этот не слышит в своей комнате, сплошь обитой дорогими коврами, такой человек, как Габиб Дашдамиров, бывший когда-то в юности хорошим сапожником и ставший никудышным руководителем. Талант Николая Гриценко, естественно соединяющий в себе тонкость психологической наблюдательности с театральной иронией, объясняет нам «историю болезни» этого «героя» давно забытых дней.

Настанет время, и он, отставленный естественным ходом событий от всех своих постов, придет к своему старому другу, сапожнику Нури, и готов будет заплатить ему сколько угодно, лишь бы тот воскресил в его руках память об утраченном ремесле. Но слишком поздно: он уже никогда не сможет делать для людей красивые, полезные вещи. То, что он не слышит, как кричит женщина за зеленой дверью, вполне понятно. Но к ее крику привык и такой добрый человек, как работяга Нури (арт. В. Покровский), привыкла и его жена Зейнаб — «главнокомандующий» всего двора (ее с азартом, с удивительным чувством национальной пластики, но, пожалуй, слишком уж напористо и поэтому несколько однокрасочно играет Лариса Пашкова). Чужая беда, как ни странно, не вызывает желания вмешаться и у их дочери, в исполнении Н. Руслановой, обладающей и женской гордостью, и достоинством, и внутренней силой. Хорошие люди, а привыкли!

И только один юноша Мансур вырос в этом дворе с какой-то мгновенной и безотказной реакцией на несправедливость. Мальчишкой он был тимуровцем, потом, защищая девушку друга, из-за судебной ошибки попал в заключение, а когда вернулся и услышал, как кричит женщина за зеленой дверью, забыл обо всем и взломал эту проклятую дверь. Мансур — В. Лановой, поэт, сочиняющий умные сказки и притчи о том, что доброта должна вести бой, сам представляется мне скорее персонажем из притчи, чем из бытовой драмы. Впрочем, за малым исключением, притча—и сама пьеса Рустама Ибрагимбекова. Мне кажется, что она значительно выиграла бы на сцене, если бы театр не привнес в нее, с одной стороны, так сказать, «фламандской школы пестрый сор» и не насытил таким количеством жанровых подробностей и красок, а с другой — не затруднил ее дыхания тяжеловатыми ритмами бытовой психологической драмы. Притча более прозрачна, певуча и лаконична. Впрочем, то, что я говорю, лишь одно из возможных художественных «измерений» этой пьесы, которое, быть может, оказалось бы менее убедительным, чем то, что предложил нам Е. Р. Симонов. Во всяком случае, это бесспорный знак силы нашей национальной драматургии!

КАДР ПЕРВЫЙ — КАДР ПОСЛЕДНИЙ

«СКВОРЕЦ И ЛИРА»

Л. Орлова в будущем фильме

...В одном из павильонов «Мосфильма» построены для картины «Скворец и Лира» внутренние помещения респектабельного генерального особняка. Обширная столовая, винный погреб, отделанный в стиле «модерн», соответственно вкусу хозяина дома, бомбоубежище в подвале, наконец, маленькая комната экономки. Сейчас в эту комнатку втиснулась, нежится, вся съемочная группа. Ждут первого кадра фильма «Скворец и Лира».

Фильм станет народный артист СССР Григорий Александров. Его кинокомедии «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» до сих пор пользуются любовью зрителей. Несколько лет Г. Александров при участии А. Лапшина работал над сценарием «Скворец и Лира». На сей раз избранная им тема отнюдь не комедийна. Художника заинтересовала судьба советских разведчиков, работавших в годы Великой Отечественной войны в логове врага. В основу сценария легли реальные биографии наших людей, однако фильм, как и любое произведение искусства, содержит элементы обобщения и творческого домысла. Но случайно сами авторы определили жанр своего сценария как документальную легенду. Картина будет состоять из двух частей: «Операция «Страсбург» и «Совет богов». В последней серии действие происходит уже в наши дни. Герои ленты: Федор Греков, Скворец, он же Курт Эггерт, и его жена Людмила Грекова — Лира, имеющая еще два конспиративных имени — Катринхен и Мадлен. Их роли исполняют Петр Вельяминов и народная артистка СССР Любовь Орлова. В фильме также заняты Р. Зеленая, В. Сошальская, Н. Гриньо, В. Зайденберг и другие.

...Вошла экономка Катринхен — Любовь Петровна Орлова. Она в строгом полувоенном костюме, в галстуке, к которому приколот значок нацистской партии, в очках-кругляшках — образец аккуратности и педантизма.

Раздается команда: «Полный свет. Репетиция. Тишина в павильоне».

Катринхен с наушником напряженно слушает разговор, который ведут внизу, в гостиной, аванпост. Раздается звонок телефона. Женщина вздрагивает от неожиданности, но тут же спокойным, уверенным голосом отвечает в трубку:

— Катринхен у аппарата.

— Два кофе, пожалуйста,— подбрасывает реплику за актера Григорий Александров.

— Слушаю, генерал.

Потом экономка снова принимает к наушнику, торопливо делает пометки на бумаге.

— Все было отлично, — говорит оператор Н. Олоновский.

— Что ж, давайте снимать, — соглашается Александров и добавляет: — У меня сегодня двойной праздник: во-первых, начало съемок. Во-вторых, в этот день ровно пятьдесят лет назад я подошел к съемочной камере. Помню только, что сам снимался и играл какого-то Бурмуйского сынка. Кажется, было все совсем недавно. А теперь вот — семьдесят...

Юрий БЕЛКИН

Редакция «ЛГ» сердечно поздравляет Г. В. Александрова с семидесятилетием, которое он встречает в разгар съемок нового фильма.

У кинокамеры — Г. Александров

РЕПЛИКА

«КТО КУДА, А Я В КИНО»

Реклама сделала заметный шаг навстречу потребителю. Уже не только Аэрофлот, но даже когда-то таинственная нототения воспеты в стихах... А в то же время иногда думаешь с грустью: когда станет правилом яркая, броская, содержательная, завлекающая зрителей КИНОРЕКЛАМА?

Не могу сказать, что ее стало меньше. Выросла реклама и по габаритам. Как только где-то сносится дом, площадку окружают громадными щитами: «Смотрите на экранах». Но число квадратных метров растет, а качество оставляет желать лучшего. Например, недавно в самом центре нашего города, в проезде Художественного театра, рекламировался фильм «Вой после победы...». Кто там изображен — понять было невозможно. Честное слово, я с трудом догадалась, что это не кто иной, как хорошо мне известный Г. Жжёнов. Да что говорить, иной раз на этих грандиозных панно не только товарищей по искусству трудно узнать, но и свою личность удостоверить довольно сложно...

А ведь нам есть что вспомнить, есть у кого поучиться. Наша, советская, кинореклама имеет и славные традиции, и богатую историю: назову только замечательного художника А. Родченко, чьи киноплакаты были знаменитыми в свое время во всем мире. Да и сейчас есть у нас отличные мастера этого дела. Время от времени устраиваются конкурсы и выставки киноплаката, например, в Доме кино, — там бывает совсем не так уж мало настоящих образцов рекламного искусства. Вот и хорошо бы создавать отличные киноплакаты не только для выставок...

Когда съемочный коллектив заканчивает многомесячный труд, всем, естественно, хочется, чтобы премьера прошла празднично. И на последнее слово принадлежит здесь рекламе. Нужны и вовремя сделанные фотомонтажи, и многоцветные плакаты, из которых зрителю должно быть ясно, о чем рассказывает фильм. Хорошо бы заранее демонстрировать в кинотеатрах рекламные ролики, которые обычно сдаются вместе с фильмом, но оседают на складах мертвым грузом.

Производство кинокартин год от года растет. В рекламе кинопродукции прокату могло бы оказать реальную помощь телевидение.

Почему бы не сделать еженедельную программу, которая послужит своеобразным путеводителем по кинозалам? Для этого можно использовать рекламные ролики, о которых я уже упоминала, выступления кинозвезд, режиссеров, сценаристов и актеров. Верю, что это будет популярная передача, приносящая пользу и кино, и телевидению — союзникам, а не конкурентам.

Когда-то был популярным плакат «Кто куда, а я в сберкассу». Мне кажется, кинореклама обязана выдать у зрителя столь же быструю реакцию — «Кто куда, а я в кино»!

Клара ЛУЧКО, заслуженная артистка РСФСР

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

ОТВЕТЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГДР ОТТО ВИНЦЕРА НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Специальный корреспондент «Литературной газеты» В. Сырокомский обратился с рядом вопросов к министру иностранных дел ГДР товарищу Отто Винцеру. Ниже публикуются полученные ответы.

ВОПРОС. Товарищ министр, процесс признания ГДР другими государствами неуклонно нарастает. Какие выводы можно из этого сделать?

ОТВЕТ. Сейчас мы переживаем период, когда процесс всеобщего международно-правового признания ГДР как независимого и суверенного государства находится в разгаре. Процесс этот развивается ускоренным темпом. Это успех согласованной миролюбивой политики стран социалистического содружества, которые в январе 1972 года в Пражской декларации не только определили основное содержание своей единой позиции в отношении общеевропейского совещания по вопросам безопасности, но и сказали свое веское слово относительно необходимости обеспечить равноправие ГДР на международной арене. Было бы и полезно, и справедливо рассматривать современную «волну признаний» под этим углом зрения.

На состоявшейся в Берлине 23 ноября 1972 года конференции в Министерстве иностранных дел ГДР, посвященной 50-летию образования СССР, я говорил, что число государств, которые нормализуют свои отношения с нашей республикой, в самом ближайшем будущем увеличится вдвое и втрое*. В начале 1973 года я с удовлетворением констатирую, что число стран, поддерживающих дипломатические отношения с ГДР или договорившихся об установлении таковых, уже сейчас стало вдвое больше. Если же мы прибавим к этому государства, с которыми уже согласованы переговоры об установлении дипломатических отношений, а также страны, заверившие нас в аналогичных намерениях, то останется лишь добавить, что и предсказанное «утроение» тоже не заставит себя долго ждать. Едва ли есть основания ожидать, что раздающиеся кое-где сетования по поводу «недостойной гонки» на пути в Берлин смогут как-либо повлиять на ход событий.

В достижении этого успеха важную роль сыграло превращение ГДР в крепкое, жизнеспособное социалистическое государство. Необходимо учесть также активную поддержку Советского Союза и других социалистических стран, которые помогли нам пробить первую брешь в организованном империалистическими державами кольце международной изоляции. Это произошло в 1969 году**. С тех самых пор идет процесс нормализации взаимоотношений ГДР с другими государствами. К исходу 1971 года он достиг такого уровня, что в странах, к тому времени установивших дипломатические или иные государственные отношения с ГДР, проживало большинство населения земного шара. И, бесспорно, новый сдвиг обозначился в 1972 году, когда четыре крупных, многонаселенных азиатских государства — Бангладеш, Индия, Пакистан и Иран — нормализовали свои отношения с нашей республикой.

Это не могло не оказать определенного воздействия на Европу, где уже имевшие место в прошлом переговоры и беседы свидетельствовали, что для многих европейских государств настало время восстановить дипломатические отношения с нами. В конце концов и в Европе тоже сказалось влияние таких событий, как принятие ГДР в ЮНЕСКО; аккредитация официальных наблюдателей ГДР при ООН; парафирование соглашения о дипломатических отношениях с Финляндией; участие ГДР в многосторонних консультациях по подготовке общеевропейского совещания по вопросам безопасности; заключение Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ. Все это привело к тому ускорению процесса международного признания, которое радостно приветствуют все патриоты Германской Демократической Республики и ее друзья и по поводу которого сокрушаются ее враги. Не рискуя впасть в преувеличение, можно провести известную параллель между процессом международного признания, который пережил в 20-е годы Советский Союз, и тем, что спустя полвека, в совершенно иных условиях, переживает ГДР.

Есть, однако, и различие.

В ту пору Советскому Союзу приходилось вести борьбу за международное признание, будучи единственным в мире социалистическим государством. Между тем Германская Демократическая Республика, как прочная составная часть социалистического содружества, могла опираться на активную солидарность Советского Союза и других социалистических государств. ГДР никогда не забудет постоянную поддержку, которую оказывали ей Советский Союз и другие братские страны в прорыве организованной капиталистическим миром политико-дипломатической блокады, о которой говорил на VIII съезде СЕПГ товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Из процесса признания для Германской Демократической Республики вытекает и такой важнейший вывод: принадлежность к возглавляемому Советским Союзом социалистическому содружеству государств, тесное координирование нашей внешней политики и сотрудничество в различных областях и в новых условиях равноправного участия ГДР в международной жизни являются залогом всех внешнеполитических успехов ГДР. Вот почему мы столь решительно выступаем за еще более тесное сплочение социалистических государств вокруг главной революционной силы нашего времени — Советского Союза и делаем все, что в наших силах, для укрепления единства и монолитности социалистического содружества.

ВОПРОС. Берлинцы шутят, что самой большой проблемой для ГДР становится подбор послов и других дипломатических кадров для работы в многочисленных зарубежных представительствах...

ОТВЕТ. «Волне признаний», бесспорно, прибавила нам работы. Однако в сравнении с теми проблемами и трудностями, которые приходилось преодолевать на протяжении двух с лишним десятилетий «холодной войны» империалистических держав против Германской Демократической Республики, данный

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-й СТР.

* В ноябре 1972 года дипломатические отношения с ГДР поддерживали 33 государства. — *Прим. ред.*

** В 1969 году ГДР впервые была признана семью несоциалистическими государствами. — *Прим. ред.*

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

Аверелл ГАРРИМАН: «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ МУЖЕСТВО»

30 лет назад Советская Армия одержала историческую победу в битве под Сталинградом...

Если в наши дни заглянуть в подшивки крупнейших американских газет тридцатилетней давности, легко увидеть, как тогда оценивала буржуазная пресса бои советских войск на Волге. «Нью-Йорк таймс», например, писала, что «именно такими боями выигрываются войны».

Но общественность в США не только восхищалась мужеством советских воинов. Нет, такие видные деятели культуры и политики, как Чарли Чаплин, бывший посол в Советском Союзе Дэвис, художник Рокуэлл Кент, сенатор Пеппер, конгрессмен Мариантонио и многие другие, требовали «действенной помощи русским», открытия второго фронта.

Сейчас, спустя три десятилетия, за океаном нередко можно услышать высказывания, которые намеренно принижают значение великой битвы на Волге. Само собой разумеется, что объективные оценки прошлого, даже, к примеру, признания, сделанные в то время газетой «Нью-Йорк таймс», для историографов, занимающихся фальсификацией, как бы не существуют вовсе.

Там убедительнее звучат правдивые свидетельства тех, кто считает, что победа советских войск и поражение гитлеровского вермахта на Волге сыграли решающую роль в жизни нынешнего и будущих поколений.

По просьбе редакции «Литературной газеты» собственный корреспондент АПН и «ЛГ» в Нью-Йорке Геннадий Герасимов взял интервью у известного американского политического деятеля, дипломата и финансиста Аверелла Гарримана. Назначенный американским послом в Советском Союзе, Гарриман прибыл в нашу страну вскоре после победы на Волге. Вот что он говорит сейчас:

«Сталинградская битва относится к числу решающих сражений второй мировой войны. Красная Армия и весь советский народ проявили в те дни исключительное мужество. Падение Сталинграда вызвало бы самые серьезные последствия, но благодаря стойкости Красной Армии и всего народа он выстоял».

Гарриман посетил Сталинград в ноябре 1943 года, город лежал в руинах.

«Я смог тогда, — продолжает он, — лучше представить себе те трудности, через которые пришлось пройти защитникам Сталинграда, прежде чем Красная Армия перешла в контрнаступление, окружила и уничтожила войска Паулюса.

В Сталинграде я был с Уинстоном Черчиллем, который передал защитникам города меч, ныне хранящийся в городском музее.

Я вновь посетил Сталинград в 1959 году и был поражен необычайной красотой города и тем умением, с которым было запланировано и осуществлено его восстановление.

Сталинградское сражение останется в истории второй мировой войны как ее поворотный пункт».

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В ЯНВАРЕ...

ФОТООБВИНЕНИЕ

КОГО ОНИ БОМБЯТ

Ни на день не прекращаются провокации израильской военщины против Ливана и Сирии. Особенно часто атакуют израильские летчики лагеря палестинских беженцев. Люди, изгнанные Израилем со своих земель, лишенные элементарных условий для существования (см. фото), вынуждены к тому же ежечасно опасаться налетов.

ТЕЛЕКС

МНЕНИЕ МЭРИ МАККАРТИ

Известная американская писательница Мэри Маккарти публично выступила в защиту американского летчика, которому угрожает военный трибунал за отказ бомбить Северный Вьетнам. В письме, напечатанном в «Интернэшнл геральд трибюн», мисс Маккарти назвала 30-летнего капитана ВВС Майкла Хока «настоящим патриотом». «Я написала капитану Хоку и его родителям, выразив свое восхищение его поступком, — говорится в письме, — и поблагодарила его от имени всех тех, кто ненавидит эту войну и хотел бы сказать «нет» Пентагону столь же решительно и недвусмысленно, как он».

ФРАНС ПРЕСС

ПРИТЯЗАНИЯ ОТВЕРГНУТЫ

Ливанская печать, комментируя встречу премьер-министра Израиля Голды Меир с папой Павлом VI, отмечает, что глава католической церкви не поддержал притязаний Израиля на весь Иерусалим. Ватикан по-прежнему считает, пишет газета «Аль-ливаа», что Иерусалим является международным городом с особым статусом и не может быть признан столицей государства Израиль. Газета «Аль-анвар» обращает внимание также на то, что Ватикан выразил озабоченность не только по поводу святых мест в Иерусалиме, но и относительно бедственного положения палестинских беженцев.

РЕЙТЕР

БРАЗИЛИЯ ЗАКУПАЕТ... КОФЕ

В 1973 году Бразилия произведет 15 750 тысяч мешков кофе, считают экономисты. Для удовлетворения внутреннего спроса потребуется 8 миллионов мешков этого продукта, для выполнения международных обязательств — 18 миллионов. Таким образом, Бразилии придется импортировать (впервые в истории страны) 10,2 миллиона мешков кофе. Первые закупки уже сделаны в Сальвадоре.

ТАСС

ПРОБЛЕМЫ БОМБЕЯ

Самая большая проблема крупнейшего города Индии Бомбея — приток населения из сельской местности. Темпы увеличения населения намного опережают темпы расширения общественных служб. Эксперты подсчитали, что каждые семь минут в город приходит человек, чтобы остаться в нем.

ЮПИ

ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

70-тысячный военный гарнизон Большой Джакарты приведен в состояние полной готовности накануне открытия сессии Народного консультативного конгресса Индонезии, назначенного на начало марта. Как заявил командующий полицией Большой Джакарты Будидармо, основной задачей войск джакартского гарнизона является «обеспечение безопасности и порядка» накануне и во время проведения сессии.

ТАСС

НА СОБСТВЕННОМ ОПЫТЕ

Группа бывших советских евреев, добивающихся разрешения вернуться в СССР, устроила беспорядки во время пресс-конференции министра по делам иммиграции Израиля Натана Пеледа в Вене. Эта группа евреев до переезда в Вену провела некоторое время в Израиле. Во время пресс-конференции выступление министра несколько раз прерывалось жалобами на условия жизни в Израиле и обвинениями в нарушении обещаний. Эти люди говорят, что для них было невозможно приспособиться к условиям капиталистической системы.

ВИ-ВИ-СИ

* * *

Присутствовавшие на пресс-конференции в Вене израильского министра по делам иммиграции Натана Пеледа бывшие советские граждане еврейской национальности, выехавшие в свое время в Израиль, пытались взять слово, чтобы доказать на собственном примере лживость сионистской пропаганды. Однако им было отказано в этом. Пелед подтвердил в своем выступлении, что лица, выезжающие из Израиля, вынуждены выплачивать суммы, исчисляющиеся десятками тысяч шиллингов, но заявил, что для некоторых делаются исключения. Это заявление встретило возмущение среди бывших советских переселенцев в Израиль. Они предъявили документы, показывающие, какую большую сумму вынуждены были уплатить, прежде чем выехать из Израиля. Ряд из них был вынужден фактически тайно покинуть Израиль.

«Фолькесштимме» (ВЕНА)

КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Согласно данным опроса Гэллапа, один из каждых пяти американцев — жителей городских районов стал в прошлом году жертвой мелкого хулиганства, ограбления или актов вандализма по отношению к их собственности. Данные опроса показывают, что 4 из каждых 10 американцев, опрошенных по стране, боятся ходить пешком в районах, где они проживают. Один из каждых шести сказал, что он не чувствует себя в безопасности дома.

ЮПИ

СТРАНИЦЫ КЛЕВЕТЫ

В прошлом номере «Литературной газеты» мы рассказали о некоторых деталях работы радиостанции «Голос Америки». Но в механизме американской радиопропаганды есть еще один важный элемент — обосновавшаяся в Мюнхене станция «Свобода». Австрийская газета «Фольксштимме» недавно сообщила, что располагает подробными сведениями о секретных документах, подготовленных руководством радио «Свобода» к 50-летию СССР. Эти «директивные» представляют собой довольно пространный документ, в котором содержатся указания по обработке советских слушателей. Альфой и омегой радиомиссионеров, ведущих психологическую войну против нашей страны, по-прежнему остаются подрывная пропаганда, клевета на советский строй. Естественно поэтому, что в первую очередь «директивы» направлены всем подразделениям радиостанции «Свобода». Но, как подчеркивает «Фольксштимме», у них есть еще один адресат — та часть средств массовой информации в западноевропейских странах, которая время от времени не прочь «провернуть» антисоветскую акцию в духе антикоммунизма и «холодной войны»; для них радиостанция «Свобода» хотела бы стать «направляющей силой»... Ознакомившись с публикациями в газете «Фольксштимме», мы сделали перевод одного отрывка, который предлагаем вниманию читателей.

В специальной главе, озаглавленной «Наставления о политике радиостанции «Свобода», содержатся указания относительно тех слоев населения в Советском Союзе, на которые должны быть «нацелены» передачи. Слушатели подразделяются на три основные категории: «социальные группы и лица определенных профессий», «национальные группы» и «психологические разновидности слушателей».

К «социальным группам и лицам определенных профессий» причислены следующие девять групп населения: 1) молодежь, 2) члены партии, 3) научная интеллигенция, 4) творческая интеллигенция, 5) прочие группы интеллигенции, 6) персонал партийного и государственного аппарата, а также депутаты законодательных органов, 7) колхозники, 8) квалифицированные рабочие и их непосредственные начальники, 9) неквалифицированные рабочие.

Инструкции о том, как с помощью радиопередач «обрабатывать» лиц, относящихся к этим группам, занимают не менее 12 страниц. Главная цель, которую ставят перед собой авторы инструкций, — подрыв политической сознательности перечисленных групп. Радиопровокаторы из «Свободы» хотели бы посеять недоверие к Коммунистической партии и правительству и сломить морально-политическое единство советского народа. Венцом их желаний по-прежнему остается «крах» советской системы — заветная мечта реакционеров всех мастей со дня основания Советского государства.

В третьем разделе «Наставлений» говорится о «центральной миссии» радиостанции «Свобода», а именно — свержении рабоче-крестьянской власти, и ее «ближайших целях». Многие изложенные здесь положения звучат прямо-таки смехотворно. Ведь это, как говорится, зрелище для богов, что именно американская радиостанция «Свобода» собирается убеждать слушателей в «извращении марксистско-ленинского учения» при Советской власти. Или же стремится внушить советским людям, будто революционные преобразования, которые происходят в мире, не соответствуют их интересам.

В четвертом разделе «Наставлений» излагается «методика» деятельности радиостанции «Свобода» — как «основные методы», так и «основная техника» ведения психологической войны. В пятом разделе сообщается, что передатчики радиостанции «Свобода» находятся «на территории различных стран», а это дает «возможность вести передачи на СССР и доводить их до советских слушателей», — возможность (заметим мы от себя), ни в коей мере не способствующую укреплению мира и разрядке напряженности в Европе.

«ТРЕТИЙ ПУТЬ» О. ШИКА

Нет нужды представлять читателю О. Шика. Этот человек сыграл немалую роль в организации антисоциалистических сил и в подготовке «тихой контрреволюции» в кризисные месяцы 1968 года. Он — инициатор авантюристической политики «рыночного социализма», нанесшей ущерб экономике Чехословакии. Ныне Шик находится на положении жреца в храмах буржуазной науки и только что подарил человечеству пухлый том (500 страниц) своих откровений.

Не желая заставлять публику ждать появления книги, Шик опубликовал обширные выдержки из нее в западногерманской газете «Цайт».

Автор без лишней скромности уведомляет читателя, что его книга — «резюме долголетних теоретических изысканий».

Но — увы! — резюме это не выходит за пределы набивших оскомину банальных измышлений, хорошо известных по заявлениям других ренегатов, вроде Джиласа, Фишера, Гароди и прочих.

Еще недавно Шик выдавал себя за марксиста. А теперь... Маркс? Шик ополчается против его «прославления». Маркс для него лишь «один из многих» экономистов XIX века. Шик не скупится на перечисление предвидений Маркса, якобы не оправдавшихся в условиях развития современного капитализма. Извольте:

1. Вопреки Марксу удельный вес рабочего класса в обществе, дескать, не возрастает. И это говорится в то время, когда реальные факты свидетельствуют о прямо противоположном: научно-технический прогресс повсюду ведет к росту рабочего класса, в том числе за счет новых профессий, порождаемых современным производством; происходит пролетаризация всех слоев трудящегося населения, в том числе работников умственного труда; многочисленная армия лиц наемного труда, которая, по данным официальной статистики, составляет около 80 процентов самодеятельного населения, возглавляется в борьбе за свои коренные жизненные интересы именно рабочим классом, что имеет важное значение для повышения его роли в обществе.

2. Хотя Шик и признает наличие противоречий в капиталистическом обществе, он считает «не оправдавшими себя» слова Маркса относительно развития главного противоречия капитализма, то есть противоречия между производительными силами и производственными отношениями. А о чем же, если не об обострении этого противоречия, говорят социальные конфликты, порожденные научно-технической революцией, валютные и торговые войны, все учащающиеся следы производства и всякого рода кризисы, «стагфляция», как в экономической прессе стали называть сочетание стагнации и инфляции — двух процессов, которые по «классическим» кейнсианским догмам должны были бы исключать друг друга, и прочие явления, которых сегодня никто не может игнорировать?

3. Строгие Марксовы понятия классов и классовой борьбы Шик пытается подменить путаными рассуждениями о том, выразителями каких интересов являются различные группы населения. Перемешав все в общую кучу, он фактически старается внушить читателю, будто никакого обострения классовых противоречий и классовой борьбы на Западе не происходит, что безработица уже, дескать, не играет той роли, какую она играла во времена Маркса, и т. п. И это в то время, как волны стачечной борьбы все нарастают, как нищета железной хваткой держит в своих объятиях миллионы людей!..

Впрочем, обвиняя марксизм, коммунизм во всех смертных грехах, Шик не говорит прямо, что он за капитализм. Он утверждает, будто придерживается некоего «третьего пути», что подчеркивается и названием книги: «Третий путь».

Кто только не твердил о «третьем пути», который всегда на поверку оказывается путем в лагерь буржуазии! О. Шику изрядно потрепанное знамя «третьего пути» служит прикрытием для столь же не блещущей новизной «теории конвергенции», подлинный смысл и роль которой в острой идеологической борьбе нашего времени давно разоблачены марксистско-ленинской наукой. Повторяя своих предшественников по «теории конвергенции», Шик пускается в рассуждения о том, что неплохо бы соединить «хорошие стороны» капитализма и социализма, отбросив «дурные стороны» того и другого. Как тут не вспомнить авторитетное свидетельство таких чемпионов антикоммунизма, как З. Бжезинский и С. Хантингтон, которые еще несколько лет тому назад писали с полным знанием дела: «Большинство так называемых теорий конвергенции в действительности постулирует не конвергенцию, а поглощение противоположной системы» (то есть социализма)!

Поистине ничего нового Шик не придумал. И все же в этой книге есть два признания, заслуживающих внимания.

Признание первое. Шик сообщает, что еще в 1957 — 1958 годах он начал «поиск новых идей и путей», о котором на первых порах знали только его «ближайшие друзья». «Вместе со все большим числом единомышленников, — продолжает Шик, — я мог все более открыто и целеустремленно бороться за коренное изменение системы. Это движение приобретало все больше почвы под ногами и потрясло бюрократический режим». Таким образом, один из антрепренеров пресловутой «пражской весны» признается в существовании заговора против «системы», в своем десятилетнем двурушничестве.

И признание второе. Шик повторяет маоистскую выдумку о том, будто «великие державы» добиваются осуществления своих интересов «против и за счет интересов малых народов». Что ж, в этой несколько неожиданной солидаризации апостола «демократического социализма» с маоизмом есть своя логика: если отрицать решающее значение для нашей эпохи противоречия между социализмом и капитализмом, то остается лишь пробавляться отходами антисоветской идеологической кухни нынешних пекинских лидеров.

Л. ЛЕОНТЬЕВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

ИХ ИДОЛЫ

«ЧЕГО ВЫ ЖАЛУЕТЕСЬ?»

Контрасты Нью-Йорка...

«Хотите быть богатым? Чего же проще! Следуйте примеру истинных американцев, семьи Баттестонов — отца и сына. Они стали миллионерами, как говорится, не отходя от кухонной плиты».

Именно так рекламируется сейчас за океаном «ресторанное дело» Баттестонов из штата Калифорния, сумевших на ресторанных счетах нажить приличный капиталец.

Широко рекламирующий американский образ жизни «Голос Америки» также не поскупился на похвалы. В одной из передач, предназначенных для зарубежных, в том числе и советских, слушателей, радиостанция поведала «типичную» и «трогательную» историю обогащения семьи Баттестонов. По словам станции, это «рассказ о том, как однажды молодой человек побывал на кухне, а через несколько лет стал миллионером». Вот этот рассказ.

...С 10 лет Самюэль Баттестон, сын владельца скромного кафе в штате Калифорния, начал помогать отцу в его небольшом бизнесе: мыл посуду, убирал, помогал готовить на кухне, работал до и после занятий в школе, в выходные дни. Затем по совету отца Самюэль стал копить деньги. Через некоторое время сынишка открывает собственный доходный ресторан в Сакраменто. И вот теперь Баттестоны являются счастливыми владельцами более 200 ресторанов, которые приносят им миллионы...

Итак, усердный труд, предприимчивость, воздержание — и вы станете миллионером!

Увы, «Голос Америки» допустил явный просчет. В конце передачи рассказано о таком эпизоде. Однажды на открытии нового ресторана Самюэль решил «вспомнить молодость» и пошел на кухню «помочь» своим работникам помыть посуду. Однако этот «демократический жест» обернулся для него не совсем приятным разговором. Один из работников, молодой человек, не знавший, что перед ним хозяин, пожаловался:

— Я четыре года учился в университете и теперь, смотрите, закончил тем, что мою посуду: другую работу найти не могу...

Самюэль, чуть подумав, покровительственно ответил:

— Я тоже ведь мою посуду и, начав с такой работы на кухне, смог открыть сеть своих ресторанов у нас, в Америке! Чего вы жалуетесь?..

«Чего вы жалуетесь?» — говорят миллионеры простым американцам, с тревогой следящим за вздорожанием жизни и ростом цен в США. «Чего вы жалуетесь?» — говорят «жирные коты» миллионам «неудачников», которых капиталистическая система выбрасывает на улицу пополнять армию безработных, насчитывающую уже 4,5 миллиона человек.

В богатейшей стране капиталистического мира насчитывается 26 миллионов человек, доходы которых ниже установленной черты бедности, которые недоедают, лишены средств на оплату жилья, врачебной помощи и образования детей. А им говорят: «Чего вы жалуетесь?»!

Л. КРЮКОВ

Фото А. ЗУБЦОВА, А. УЗЛЯНА, Л. УСТИНОВА, В. ЯКОБСОНА

СОРЕВНОВАНИЕ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

К ЧИТАТЕЛЯМ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

1973 ГОД — решающий год пятилетки! В постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1973 год» сказано, что особое внимание нужно уделить внедрению передового производственного опыта, регулярной проверке и подведению итогов выполнения обязательств, обеспечению широкой гласности и сравнимости результатов соревнования.

Соревнование выработало свой богатый словарь. Мы взяли из него только пять ключевых слов и приглашаем читателей «Литературной газеты» — рабочих и служащих, специалистов народного хозяйства, ученых, партийных, советских и профсоюзных работников, писателей и журналистов — коллективно осмыслить их, вснять заставить заново».

Слова эти:
новатор...
почин...
обязательство...
стимулы...
итоги...

Они неразрывно связаны с соревнованием, касается ли оно строителей или обувщиков, железнодорожников или сталеваров, земледельцев или ткачей. Эти слова примелькались в газетных статьях и радиопередачах, на собраниях, совещаниях, конференциях. Слова-спутники, слова-символы... Какое реальное содержание стоит за ними? Какие конкретные понятия они сегодня выражают? Каким новым смыслом должны быть обогащены в третьем, решающем году пятилетки? Каково истинная ценность каждого из них в том или ином конкретном трудовом коллективе!

Иначе говоря, всегда ли и везде выражают они суть соревнования: гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения опыта?

«Бывает у нас и так, что иные много шумят, когда принимают обязательства, но помалкивают, когда подводят итоги их выполнения, особенно когда эти итоги не очень хорошие. Вот и получается, что победителей у нас знают, а побежденных вроде бы и нет. Тем самым выхолащивается самая суть соревнования — фактическая трудовая состязательность, фактическое трудовое соперничество, то есть факторы, которым придавал особое значение В. И. Ленин», — говорил в докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования Союза ССР, Леонид Ильич Брежнев.

Социалистическое соревнование — могучая сила, это в полном смысле слова живое творчество масс. Однако, помимо подлинных новаторов, в соревновании по-своему «участвуют» и люди, равнодушные к делу, разного рода формалисты, мастера бюрократических ухищрений. Они иной раз превращают новаторов в дежурных «свадебных генералов», почины — в средство втирания очков и видимость инициативы, обязательства — в пустые бумажки, моральные и материальные стимулы — в неработающие, заржавелые механизмы, подведение итогов — в парадную шумиху.

Предполагая широко публиковать письма читателей, «Литературная газета» намерена уделить серьезное внимание проблемам теории и практики социалистического соревнования, в том числе и дискуссионным вопросам, требующим коллективного обдумывания.

Новатор и коллектив...

Сегодня, в условиях научно-технической революции, коллективу принадлежит решающая роль. Современный уровень развития экономики предъявляет особые требования к качеству управления. Новаторство коллектива проявляется в применении прогрессивных методов организации дела, обеспечении высокой эффективности хозяйствования не база новейшей техники. Каково в этом процессе место индивидуальных трудовых рекордов!

Побежденные... Это тоже интересная проблема. Обычно о них молчат, что, видимо, неправильно. Но что и как нужно о них говорить? А главное: что нужно делать? Когда-то, помимо «красной доски», существовала еще и «черная доска» — на нее заносились имена отстающих. Жизнь давно отбросила такую форму подведения итогов соревнования. Но, быть может, целесообразно «наказывать» отстающих рублем, лишением премии? Применимы ли к ним вообще какие-либо материальные «санкции» или дело должно ограничиваться общественным осуждением? Понятно, что самое главное — тщательно разобраться в причинах отставания, с тем чтобы добиться более эффективной работы всего коллектива.

Первоочередным нам представляется и вопрос об обязательствах. Часто принимают новые, забывая о старых. И никто за это не отвечает. Какова должна быть степень ответственности за данное обязательство? В какой именно форме лучше всего контролировать выполнение обязательств? Каково должно быть в этом участие самих обязавшихся? Много формализма наблюдается и в процессе разработки и принятия обязательств. Всегда ли соответствуют они экономическим возможностям? Как координируются с производственными планами и материальным обеспечением? Как увязаны с подлинными потребностями страны в той или иной продукции? Можно ли, скажем, принимать повышенные обязательства на обувной фабрике, изделия которой не пользуются спросом? Или в обязательствах здесь должна идти речь только о повышении качества продукции?

Мы назвали лишь несколько очевидных проблем. В действительности их гораздо больше.

Ждем ваших писем, дорогие товарищи!

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании Всесоюзного социалистического соревнования в числе ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ названа и всемерная экономия сырья, материалов. Основное внимание хозяйственников, говорится в постановлении, должно быть направлено: «...В СНАБЖЕНЧЕСКИХ И СБЫТОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ — на улучшение материально-технического снабжения предприятий и строек, усиление контроля за использованием материальных ресурсов, выявление имеющихся в народном хозяйстве резервов для вовлечения в хозяйственный оборот сверхнормативных запасов сырья, материалов и оборудования...».

При обсуждении тех или иных актуальных экономических проблем «ЛГ» неоднократно затрагивала и сферу снабжения. В частности, недавняя статья «Едут, едут «толкачи»...» («ЛГ» от 13 сентября 1972 г.) вызвала оживленные отклики читателей — снабженцев, экономистов и хозяйственных руководителей, близко знакомых с проблемами снабжения. Мы попросили главного специалиста Госплана СССР, кандидата экономических наук А. Сидорова и заведующего отделом Научно-исследовательского института планирования и нормирования при Госплане СССР С. Воронина проанализировать читательскую почту. Их размышления, на наш взгляд, представляют особый интерес в связи с тем, что остро ставят вопрос о развитии оптовой торговли материальными ресурсами, имеющий огромное народнохозяйственное значение, но, к сожалению, не нашедший никакого отражения в официальном ответе Госснаба СССР.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У «ДОЛГОГО ЯЩИКА»

ДОРОГО яичко к христову дню. У каждого завода есть не только план, но и договоры о поставках ему сырья, материалов, деталей к такому-то и такому-то сроку. Увы, эти сроки нередко еще нарушаются, и вот, чтобы добыть все необходимое, едут, едут «толкачи», по выражению В. Калинкина, едут, и конца им не видно... А сколько же их все-таки ездит?

На восьмидесяти пяти предприятиях - поставщиках, где была устроена проверка, в позапрошлом и за четыре месяца прошлого года их побывало шестьдесят восемь тысяч! Чуть ли не тысяча ходоков на каждом заводе! «Институт толкачей», как видим, действительно не сидит на месте. Если даже принять, что каждый из них выезжает в вояж не более чем на неделю, то вместе это — около полумиллиона человеко-дней, что в свою очередь равносильно потере восьми с половиной миллионов рублей!

Впрочем, остается еще под вопросом, что приносят хлопоты «толкачей» — потери или пользу?

Само слово «толкач» вольно или невольно вызывает горькое ощущение иронии — словно бы путаются люди под ногами, сеют неразбериху на предприятиях, носятся из конца в конец, прокатывают государственные средства. Но ведь с другой стороны... Как говорят иногда производственники, хороший «толкач» дороже десяти инженеров. Худо ли, бедно ли, так или иначе, а они выручают, исправляют ошибки в планировании и организации снабжения. Разве не так? И не вина «толкача», что полулегальная его деятельность требует жертв, обязывает терпеть неудобства, заискивающе улыбаться, когда хочется грохнуть кулаком по столу, подносить «сувениры», чтобы получить положенное. Быть может, перед нами просто недоработка финансовых органов, которые до сих пор не ввели и не узаконили «толкача» как штатную единицу, жизненно необходимую в современных условиях нашим заводам, фабрикам, организациям?

Необходим-то он необходим, «толкач», да только в современном механизме хозяйственного управления выглядит как крайний примитив и архаизм — подобно тому как выглядела бы немудрящая веревочка, связывающая детали дорогой и сложной машины.

Все это очень живо и достоверно было показано в статье экономиста В. Калинкина.

Редакция «ЛГ» предоставила нам возможность ознакомиться с почтой откликов на эту статью. Авторы их, опираясь на свой практический опыт, разглядывая фигуру «толкача» со всех сторон, высказывают множество различных наблюдений и идей. Здесь есть над чем поразмыслить!

Все поступившие в редакцию предложения можно разделить на две категории: усовершенствования юридического и организационно-экономического характера. Сторонники юридических санкций предлагают, например, «считать применение их за нарушение поставок не правом, а обязанностью» (Ю. ГЕНБЕЛЬМАН, Киев), — настаивают на том, чтобы штрафы были «чувствительными», вычитались из фонда материального поощрения, а виновные в нарушениях руководители полностью или частично лишались премии (С. ГОРОХОЛИНСКИЙ, Москва).

Достаточно ли этого? Особой уверенностью проникнуты строки начальника юридического бюро Челябинского завода металлоконструкций А. ПЕРОВА, заявившего: «...искать каких-то новых путей в укреплении договорной дисциплины не следует». В отличие от этого москвич Н. Н. АНТОШИН полагает, что «упорядочить взаимные поставки можно лишь в том случае, если в корне пересмотреть существующую систему премирования и показателей социалистического соревнования». А полтавчанин инженер С. КАМУЗ и ленинградец М. КОМАРОВ возлагают надежды на совершенствование методов и форм планирования материальных ресурсов. К этому выводу убеждение, — а на наш взгляд, и вполне обоснованно, — приходят многие читатели.

Как же ее усовершенствовать, систему снабжения?

«Кардинально!» — в один голос отвечают доктор юридических наук Ю. Х. КАЛМЫКОВ из Саратова и экономист Г. ВЯТКИН из Краснодара и сосредоточивают внимание на вопросе действительно кардинальном: на замене фондированного распределения ресурсов оптовой торговлей ими. «Нужны не мелкие довески к существующей системе материально-технического снабжения, а коренная ее реорганизация, точнее — ее замена оптовой торговлей».

Не лишены целесообразности многие мысли в читательской почте, но эта — в самую точку.

Современное развитие промышленности, строительства, сельского хозяйства нашей страны характеризуется высоким уровнем, огромными масштабами, выпуском миллионов видов различной продукции. А сложившиеся традиционные формы материально-технического снабжения все заметнее противоречат глубоким изменениям в хозяйственной практике, вызванным научно-техническим прогрессом и экономической реформой. Как осуществляется снабжение сегодня? С помощью принудительного централизованного распределения ресурсов. Из-за своей скрупулезнейшей, мелочной методики такая система вызывает то фиктивный недостаток, то относительные излишки продукции. Из жара в озноб, из одной крайности в другую — только так, и не иначе поддерживается «относительное равновесие». В период так называемой заявочной кампании запросы предприятий и строек на планируемый год сплошь и рядом мало еще обоснованы, так как «не подработан» сам план будущего производства во всем его объеме и номенклатуре. В последующем ресурсы корректируются порой на добрых тридцать — сорок (!) процентов. Возникают болезненные несоответствия между производством и потреблением.

Чего сегодня не хватает? На многих предприятиях и в организациях скажут: металла. В то же время проверкой установлено, что в главснабах Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии запасы дефицитных металлоконструкций накоплены по 548 позициям — сроком на 2 года, по 231 позиции — на 3 года, по 83 позициям — на 4 года, по 92 позициям — на 5 лет. Предусмотрительность более чем дальновиднее. Но это еще не все! Дальше и того чище: по 42 позициям те же «снабы» запаслись на 10—15 лет, а еще по 20 позициям — больше чем на четыре пятилетки! Прогнозы не без осторожности заглядывают в такую отдаленную перспективу, а снабженцы, как видим, «обживают» ее запросто... И это в то время, когда другим остро не хватает металла сегодня!

Факты такого рода лишний раз подтверждают объективную необходимость отказаться от фондовой системы распределения ресурсов и заменить ее оптовой торговлей.

Хорошо известно, что это условие составляет один из краеугольных камней нынешней экономической реформы, о нем подробно говорилось на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК партии. Уже в плане развития народного хозяйства на 1966—1970 годы Директивами XXIII съезда было предусмотрено: «...подготовить постепенный переход к плановому распределению оборудования, материалов и полуфабрикатов путем оптовой торговли». На важность этой задачи еще раз обратил внимание и XXIV съезд партии.

Встал вопрос: какие теоретические посылки должны быть положены в основу перестройки снабжения? Это вызвало поначалу значительную дискуссию среди экономистов — как ученых, так и практиков.

Некоторые ведущие специалисты полагают: прежде чем перестраиваться, надо обзавестись достаточным количеством материальных ресурсов для полного удовлетворения потребностей общества, иначе говоря, изжить какие бы то ни было «дефициты».

К сожалению, эта точка зрения и возобладала в споре и повела за собой практику. В печати появилось много работ, авторы которых ратовали за постепенность перехода к оптовой торговле ресурсами — по мере, мол, все более полного удовлетворения потребностей общества. Теперь, по прошествии ряда лет, можно воочию убедиться: такое понимание постепенности приводит к самой настоящей ползучей медлительности.

На самом деле. С 1966 года удельный вес мелкооптового (через магазины) товарооборота к объему складского оборота увеличился с 1,4 до 12 процентов; число магазинов возросло примерно в шесть раз, количество обслуживаемых предприятий — в два раза. Если судить по групповой номенклатуре продукции производственно-технического назначения, распределяемой территориальными «снабами», то уже в 1970 году она преобладала над централизованной контролируемой номенклатурой. Казалось бы, какие значительные перемены!.. Однако проанализируем внимательнее ту продукцию, снабжение которой децентрализовано. Окажется, что и в стоимостном, и в натуральном выражении она составляет ничтожную долю по отношению к объемам централизованно распределяемой части материальных ресурсов. Вот хотя бы один пример. Централизованно Госплан СССР контролирует всего около двадцати процентов групповых наименований нефтепродуктов, однако по стоимости это 94 процента, а по натуральному объему — 98 процентов всех нефтепродуктов, поступающих в обращение. На первый взгляд, идет бурный процесс изменений в материально - техническом снабжении, а фактически в общем объеме товарооборота системы Госснаба СССР оптовая торговля составляет немногим более... одного процента и к 1975 году увеличится до 3—4 процентов.

Нетрудно убедиться, что если дела пойдут и дальше в таком же темпе, то в полном объеме оптовая торговля развернется не раньше, чем... через пятьдесят — семьдесят лет. Нелепость такой, с позволения сказать, «перспективы» совершенно очевидна. Мыслимо ли в наш динамичный век всерьез говорить о какой-то практической перестройке, подразумевая при этом подобные сроки?

Законом сегодня становится нетерпимость ко всем и всяким фактам бесхозяйственности. Когда годами ржавеет купленное за золото оборудование, когда медленно осваиваются новые производственные мощности — это, разумеется, вопиющее безобразие и такого рода факты бросаются в глаза первыми. Но та же самая бесхозяйственность — может быть, не столь «адресная», но зато куда более тяжелая по своим следствиям — видится нам и в черепашьих темпах решения поставленной партией и правительством задачи о реорганизации материально-технического снабжения.

В принципе ясно — да ясно было и всегда! — что абсолютный достаток всякой и всяческой продукции производственно-технического назначения — теоретическая утопия, противоречащая самой диалектике вещей и явлений. Даже и при коммунизме невозможно обеспечить абсолютно полное насыщение потребностей общества, потому что не успеет производство удовлетворить одни потребности, как возникают новые. Это объективное противоречие, в сущности, и является двигателем хозяйственного роста.

Другой вопрос, что растущие потребности общества могут быть максимально удовлетворены на каждом историческом этапе развития, хотя в каждый данный момент ресурсы и технические знания людей ограничены.

Преходящие «дефициты» следует понимать именно как подобную ограниченность ресурсов — и не иначе. В этом смысле мы никогда и никуда от них не денемся. Следовательно?.. Ограниченность материальных ресурсов или дефицитность той или иной продукции не годится как «теоретическое оправдание» установленных темпов перестройки материально-технического снабжения и развертывания оптовой торговли. Альтернатива состоит в том, чтобы оптовую торговлю средствами производства развертывать, несмотря на некоторые «дефициты», именно потому, что они неизбежны, и для того, чтобы достичь оптимального снабжения предприятий в текущих реальных условиях.

Постепенность, разумеется, нужна и в этом случае, но только постепенность, равнозначная наступательной последовательности, а не волоките, утрачивающей связь с реально приемлемыми сроками.

В нашей стране все средства производства принадлежат народу. Не приходится опасаться того, что одно предприятие приобретает «больше», а другое — «меньше». На рынок оптовой торговли направится столько товарной массы, сколько будет установлено государственным планом развития народного хозяйства. Произвольный рост одних предприятий в ущерб другим полностью исключается благодаря планированию, оптимизации которого и призвана способствовать оптовая торговля.

А при ней армия «толкачей» преобразуется, видимо, в институт глубокого изучения потребностей производства, заводы будут стремиться к выпуску именно той продукции, которая нужна народному хозяйству.

А. СИДОРОВ,
главный специалист Госплана СССР, кандидат экономических наук;

С. ВОРОНИН,
заведующий отделом Научно-исследовательского института планирования и нормирования при Госплане СССР

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«ЕДУТ, ЕДУТ «ТОЛКАЧИ»...»

Госснаб СССР рассмотрел опубликованную в «Литературной газете» от 13 сентября 1972 года статью тов. Калинкина.

Проблема «толкачей» связана с рядом недостатков в планировании и материально-техническом снабжении, а также с серьезными нарушениями государственной плановой дисциплины в договоров многими предприятиями - поставщиками.

Часты факты выполнения и перевыполнения предприятиями планов производства по общему объему реализованной продукции и невыполнения при этом заданий и обязательств по поставкам продукции в номенклатуре в соответствии с нарядами органов снабжения и сбыта и заключенными договорами.

Одной из причин слабой дисциплины поставщиков являются недостатки действующей системы оценки деятельности предприятий по общему объему реализованной продукции без учета выполнения планов и заданий в номенклатуре, отсутствие должной экономической заинтересованности поставщиков в выполнении договорных обязательств, слабая экономическая эффективность санкций.

Наряду с этим значительные трудности в материально-техническое снабжение вносят имеющие еще место неувязки в балансах, неполное обеспечение планов производства и капитального строительства материальными ресурсами. Отрицательно сказывается на выполнении поставок и большое число изменений, вносимых министерствами в планы производства, нередко с нарушением установленного порядка и сроков, без предварительного согласования с потребителями и органами, осуществляющими распределение продукции.

Госснаб СССР на расширенном заседании коллегии с участием руководителей союзглавснабсбытов, а также главных и территориальных управлений материально-технического снабжения рассмотрел вопрос об укреплении государственной дисциплины в поставках. На территориальные органы материально-технического снабжения возложена обязанность осуществлять систематический контроль за поставками продукции. Решением коллегии союзглавснабсбыты, главные и территориальные управления обязаны, совместно с министерствами и местными организациями, принять меры к пресечению командирования «толкачей» на предприятия, усилению контроля за поставками, применению к поставщикам, нарушающим государственную и договорную дисциплину, установленных экономических санкций.

Вместе с этим Госснаб СССР разработал и представил на рассмотрение созданной Советом Министров СССР комиссии предложения по дальнейшему совершенствованию планирования и организации материально-технического снабжения, направленные на устранение отмеченных недостатков, повышение уровня балансовой работы в народном хозяйстве, усиление роли и ответственности министерств и ведомств за удовлетворение потребностей народного хозяйства в продукции отрасли, а также на совершенствование системы оценки деятельности предприятий по выполнению планов производства и поставок продукции в номенклатуре и повышение эффективности использования материальных ресурсов.

В. ЛАГУТКИН,
заместитель председателя Госснаба СССР

Георгий РАДОВ

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

КОСА И КАМЕНЬ

1. КАК МИРИЛИ «МЕДВЕДЕЙ»!

Коллега-литератор, предвосхищая мое знакомство с этими хирургами, докторами наук, сказал на всякий случай:

— Ну, знаешь, два талантливых хирурга в одной клинике, да еще, не дай бог, если они честолюбивы, — это все равно, что две капризные примадонны в опере: и ревность, и зависть, и соперничество, а может, и подсиживание. Ты шутишь — два медведя в одной берлоге?!

«Медведи», к которым я попал, молоды, почти одногодки. В мастерстве, кажется, не уступают друг другу, а отношения, хотя один профессор и заведует отделением, а другой просто старший научный сотрудник, — отношения чисто братские. И суть не в том, что по аспирантской еще привычке называют друг друга только по имени без отчества — у иных это может быть и игрой, а в том, как волнуется каждый, когда у товарища сложная операция. Как подчас, освободившись раньше, до полуночи не уезжает домой, готовый помочь другу в любую минуту...

И никаких признаков соперничества или зависти! Даже если они и есть, то столь решительно их отбрасывают за порогом клиники, не говоря уж об операционной, что ничего похожего и не приметишь. А может, и нет у них вовсе этого мелкого, суетного...

Такой предстала передо мной хирургия при близком знакомстве. А теперь говорят: «Это тебе повезло. Бывает и иначе...»

И в подтверждение приводят случай, происшедший в провинции.

Два доктора служили в одной клинике. Как и мои знакомые, молоды — из одного поколения, хотя и разных школ. И даровиты. Известны. Блестящи. Попасть к ним на стол было сложно до чрезвычайности. Один — начальник заведения, другой — подчиненный...

Тот, который начальник, пребывал, как раньше писали, в «административном восторге». У него величайшее право — спасать людей и величайшая в мире власть — над недугом. А он упивался иным правом и иной властью — руководить коллегами, а точнее, ими командовать. Характер же у него не только не мед, но и похуже: деспотичный, а временами и истеричный — бывают же этакие сочетания. А клиника ведет исследования в сложнейшей области. И между начальником и подчиненным (они, как утверждают, равной квалификации и эрудиции) возникали профессиональные споры, что неизбежно. Но кончались споры не всегда по-научному. Исчерпав аргументы и ничего не доказав, хирург-начальник напоминал, что начальник именно он и его слово — последнее. А если коллега и товарищ настаивал на своем либо, что еще хуже, делал по-своему, начальник раздражался и вместо скальпеля брал карандаш, писал: «На вид... выговор... предупредить...»

Словом, коса на камень! И жизнь в клинике стала невыносимой. У подчиненного характер тоже не сахар: критики не выносит, начальственного тона, а тем более окрика терпеть не может. Споры перерастали в стычки, стычки — в скандалы, и, наконец, хирург-подчиненный при очередной ссоре объяснился с хирургом-начальником отнюдь не по-латыни...

Словом, бог весть что произошло.

А на другой день начальник написал приказ и... расформировал отделение, которым руководил хирург-подчиненный. Но тут же и отменил приказ. Истерика...

И явились одна за другой комиссии: ведомственная, общественная. Началось следствие: кто больше виноват? Оскорбил или не оскорбил? И состоялось собрание. Коллеги разумные, естественно, говорили, что ученым вообще не к лицу и постыдно такое поведение, что надо им, извинившись друг перед другом, покончить распри во имя интересов науки, и прочее, и прочее. Но, кроме голосов разумных коллег, раздались и голоса тех, кто, пользуясь случаем и желая потрафить начальству, возвел напраслину на хирурга-подчиненного. Поставили под сомнение его профессиональную репутацию. И этого совсем не вынес хирург-подчиненный. И так он был нетерпим к критике, а уж к напраслине и подавно! В общем он не только не извинился, но в запальчивости обидел все собрание, и оно, разгневанное, вынесло ему выговор...

И председатель комиссии — именитый ученый — поднялся и сказал, что, поскольку «стороны» непримиримы, он просто не может себе представить, как они будут работать под одной крышей...

И тогда хирург-подчиненный — а он уже позабыл край и закусил удила — закричал, что ноги его тут больше не будет...

Это он — напомню — закричал про ту самую клинику, где еще полнее, чем раньше, раскрылся его редкий хирургический дар (что редкий — это признавал даже его «недруг»-начальник!), где он начал осваивать — и успешно! — одну из сложных операций и, наконец, где мог он совершенствоваться и дальше как ученый и оператор, — профиль клиники в точности соответствовал его занятиям, и все тут было налажено, а в другом месте — если еще позволят! (у них-то другое направление) — придется начинать все сначала и терять время. А оно дорого: хирургу тогда стукнуло сорок! Но в пылу «сражения» он забыл обо всем этом, то есть о том, о чем уже завтра жалел...

В общем они расстались: хирург и клиника, хотя по счету науки на редкость точно подходили друг к другу. Он ушел «по собственному желанию». Местком остался доволен: конфликтов, кажется, больше не будет. Начальник, одержавший «победу» над «неприятелем», держался именинником...

Он сиял, начальник, вовсе не понимая того, что, будучи солидным ученым, оказался никудышным руководителем: довел до ухода талантливого работника и ослабил клинику. Не заметил он и того, что все серьезные коллеги осуждают его: вел себя во всем этом деле не по-мужски, а по-бабьи. Нет, ослепленный «триумфом», он этого не заметил...

Но бог с ним, с начальником. Проиграли-то мы!

Да, представьте себе, в «конечном итоге» проиграли мы, сущие и потенциальные клиенты медицины.

Так не слишком ли дорогой ценой уплачено за внутриучрежденческую свару?!

Но меня спросят: можно ли было поступить иначе?

Вот что сказал приятель, знаток современной физики. Он выслушал эту прискорбную историю и заметил:

— А знаешь, если бы атомщиков увольняли из лабораторий, то есть отлучали от атома, из-за того лишь, что кто-то с кем-то не ужился, какая-то коса нашла на камень, — мы не расщепили бы атомное ядро...

— То есть как это?!

— А вот так! У некоторых ядерщиков характеры тоже были не мед. Совсем не мед...

— Так что же, их насильно держали?

— Зачем насильно? Такая была создана атмосфера: все личное — побоку! А уж тем более мелкое...

Значит, понял я, во главе этих физиков, в том числе и с «характерами — не мед», стояли такие лидеры, которые, не знаю уж чем — авторитетом своим, всепокоряющей волей или высочайшей, не знающей суетности преданностью науке, — не позволяли разбушеваться мелким страстям и действительно наперекор всему отвлекающему держали нужных людей при деле, при атоме...

В нашем случае, увы, такого лидера поблизости не оказалось...

Но меня, когда я узнал, а потом с помощью специалистов исследовал этот случай, заинтересовало иное: тишина на медицинском Олимпе.

То есть ушедшего с работы хирурга не оставили без работы: дали должность, не ущемили в жалованье. Он даже иногда оперирует. Но уже не в той области, где так успешно начал и где его так не хватает. И — тишина. Все спокойны, довольны: конфликт улажен.

2. КАК АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НЕ ХОТЕЛ БЫТЬ ПОХОЖИМ НА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА!

А теперь расскажу историю из области, далекой от медицины, но близкой мне — из сельской жизни. Причем расскажу ее в назидание другим: самим участникам урок не понадобится. То есть один из них — Николай Петрович — и раньше в нем не нуждался, а время лишь подтвердило его правоту. Что же до Алексея Ивановича, то он уже наказан. Правда, наказан «по совокупности», а не только из-за этой истории. Как любили выражаться в пору его расцвета, «съехал с ярмарки»: служит на маленькой должности, ждет пенсию — что ему уроки!

Но вернусь назад...

Жили-были по соседству два очень похожих района, а в них два очень непохожих руководителя.

Николай Петрович был и моложе Алексея Ивановича, и, скажу сразу, энергичней. И посовременней. То есть, служа сельскому долу, он стремился и тому, чтобы перевести его, нем опять-таки теперь говорят, на индустриальную основу. Кредо его было ясное: больше техники, меньше людей. Люди должны управлять механизмами, а не заниматься ручным тяжелым трудом. Ну, а что же, вы спросите, Алексей Иванович был против этого? Неужто против? Нет, и Алексей Иванович был «за». Но только «за» — не больше, тогда как Николай Петрович, приехав в район, что называется, сосредоточился не атом, как на самом главном, решающем все остальное...

А тут, кстати, в одном из колхозов неподалеку от районного города задумали крупную — очень крупную! — ферму, как потом было написано, «с полной автоматической». И Николай Петрович это поддержал. Да так решительно поддержал, что придал колхозному зачину районный масштаб, и обратился в область, и получил и «добро», и помощь — словом, было заложено несколько крупных ферм...

Я опускаю подробности.

Николаю Петровичу и его помощникам пришлось нелегко. Действовали они на свой страх и риск, своими силами, в чем-то поначалу и ошибались, загибали, как говорится, да и не по асфальту он катился, их новый возок, — встречались и заторы. Но не отступили, и первая ферма выросла, появилась и «отдача»...

Алексей Иванович, повторяю, жил по соседству: районы считались как бы родными братьями. Человек он был опытный и не мог не видеть того, что видел Николай Петрович: десятки мелких фермочек, построенных еще до укрупнения колхозов. Убыточных фермочек, на которых сельские женщины от зари до зари занимались изнуряющей ручной работой...

Еще раз говорю: Алексей Иванович был опытный человек и, конечно, мог без соседской подсказки решить, что надо вместо мелких кустарных строить крупные современные фермы. Но соседи нашли другое: как, на какой основе, за чей счет и по какому типу создавать эти крупные фермы. Именно в том и была находка, причем удачная...

Если б родилась она в районе у Алексея Ивановича, он, я не сомневаюсь, поддержал бы ее непременно. А если б еще угадал (а мог и угадать!), что затея эта со временем станет «модой номер один», раздул бы ее вовсю: честолюбием его природа не обидела.

Но затея родилась у соседей, и это решило все дело!

Алексей Иванович — а он раньше других узнал о новшестве, потому что следил за соседями неотступно, — сделал вид, что не заметил у них ничего интересного.

И даже тогда, когда в газетах расписали новые фермы и туда со всех концов устремились делегации, Алексей Иванович, которому езды до соседей было всего ничего, и с места не тронулся. И никого не послал. И, как теперь выясняется, никого не пустил...

Перенимать что-нибудь у Николая Петровича было выше его сил!

А ведь не ссорились и на совещаниях в области встречались как добрые соседи. А после совещаний, случалось, сиживали рядом за ресторанным столиком...

Но при всем внешнем радушии Алексей Иванович терпеть не мог Николая Петровича. Все ему было в нем ненавистно: и молодость, и энергия, и удачливость, и то, что после его прихода в район дела там пошли так, будто их пришпорили...

Соль же тут в том была, что до Николая Петровича соседним районом руководил человек недалекий и неумелый, и на его «фоне» Алексей Иванович выглядел превосходно! Районы жили в условиях одинаковых, и его, Алексея Ивановича, преуспевающего, ставили в пример, на него (то есть, разумеется, на район, но Алексей Иванович не видел разницы между собой и районом), так вот, на него призывали равняться. С приходом же Николая Петровича, вернее, вскорости после его прихода, все переменилось! Соседи вырвались вперед, и Алексей Иванович ничего не мог с этим поделать...

А, замечу, он, Алексей Иванович, занимал районное кресло много лет и, как любил хвастать, пересидел в нем две смены областного руководства. И уже нервничал: давно его должны были повысить, перевести в область, и жена настаивала на этом и корила его за то, что упустил, мол, момент, то есть не согласился уходить в область тогда, когда звали. Она никак не могла понять того, что Алексей Иванович все рассчитал наперед. Он тогда, когда звали, не ушел в область, потому что надеялся тут, в районе, или получить очень высокую награду, или стать депутатом. Это должно было случиться вот-вот, но в области сменилось руководство, а к соседям пришел Николай Петрович, и все расчеты Алексея Ивановича рухнули. Новое областное начальство, естественно, — по делу! — благоволило к Николаю Петровичу. Алексею же Ивановичу было дважды, верно, как бы между прочим, сказано, что при всем уважении к его опыту и руководящему стажу ему советуют поучиться кое-чему у молодого соседа...

И Алексей Иванович, как это бывает с некоторыми людьми в подобных ситуациях, всю вину за собственные неудачи перенес на абсолютно в этом безвинного Николая Петровича. Здороваться с ним не перестал, но... «Мальчишка, выскочка, авантюрист», — только так он стал о нем отзываться в кругу друзей.

И вот, чтобы он, заслуженный Алексей Иванович, какой-то там опыт перенимал у этого мальчишки?! Чтобы на глазах у всей области поехал к нему, этому выскочке?! Да ни за что!

Такое у него появилось настроение.

Знали бы милые натруженные доярки и свинарки, какие психологические тонкости мешают районному руководителю облегчить их, деревенских женщин, работу!..

Теперь, бросая, так сказать, ретроспективный взгляд на события, я поражаюсь тому, с какой изобретательностью Алексей Иванович отбивался от дела, заведомо выгодного и позарез нужного. Только бы не прослыть последователем Николая Петровича! Только бы не оказаться в роли его ученика!

Сперва, когда Николай Петрович и его помощники ошибались и загибали, Алексей Иванович ликовал: у него были все основания с областной трибуны громить соседей-«авантюристов». После, когда ошибки у соседей были исправлены, Алексей Иванович, чтобы успокоить и своих помощников, и областное начальство, объявил: они, район то есть, не будут копировать соседский пример, а пойдут «своей дорогой». И начал придумывать разные варианты, о том единственно беспокоясь, чтобы они ничем решительно не походили на соседские. Еще полтора года ушло на поиски! А за это время Алексей Иванович вконец рассорился с редактором районной газеты, опубликовавшим очерк о крупных фермах, находящихся за границей района, и постарался, чтобы его, редактора, послали на учение (чему, кстати, редактор был очень рад). И еще он повздорил со вторым секретарем райкома, который, пока Алексей Иванович был в санатории, ухитрился послать к Николаю Петровичу экскурсию. И еще успел поссориться со старым колхозным председателем: тот было уже заложил фундаменты фермы, но Алексей Иванович все-таки его остановил — добился того, что банк не дал колхозу кредита...

Когда сейчас я взвешиваю всю энергию, которую употребил Алексей Иванович только для того, чтобы ни в коем случае не подражать соседям, прихожу к выводу, что энергии этой вполне хватило бы на то, чтобы избавить район от мелкофермья, а сельских женщин — от ручного труда...

Теперь — без Алексея Ивановича — район наверстывает упущенное и, разумеется, наверстает. Только снова у меня возникает вопрос: а не дорого ли мы уплатили за одно, вовремя не обузданное самолюбие? Не чересчур ли высокой оказалась цена за то, что «нашла коса на камень»?!

3. КАК СПРАВИТСЯ КИБЕРНЕТИКА С САМОЛЮБИЯМИ!

Я принялся за эти заметки в прошлом году, еще раз перечитав ученые статьи об АСУ — автоматических системах управления. Бог ты мой, какую расчудесную, милую картину пророчат нам ученые-кибернетики! Машина прогнозирует, машина программирует, машина управляет, машина исполняет, машина проверяет...

И лишь на один вопрос я не получил ответа, правда, на частный вопрос: как с помощью машины управлять самолюбиями? Как быть с ними, если они, раздувшись, сталкиваются, сшибаются — коса на камень! — и не фигурально, а буквально и непосредственно становятся поперек нашей дороги? Как с этим быть и чем в этом случае может выручить нас кибернетика?!

А между тем я привел только две истории, а мог привести и двадцать две, и тридцать четыре: сшибка самолюбий в ущерб делу — явление не столь уж редкое, чтобы сбрасывать его со счетов!

То и дело слышишь или читаешь: не запускают в серию новую машину, пробавляются устаревшей, потому что, видите ли, она, новая, выдумана «конкурирующим» КБ, а устаревшая — плод собственный, за нее в свое время получена премия, и расставаться с ней — значит вроде бы признавать себя побежденным. Увольняют, даже выдвигают на крупный пост инженера только из-за того, что этот инженер оказался даровитей директора, а директор не может служить рядом с человеком, который не уступает ему в способностях. Еще бывает, что начальник, уходя на пенсию, нарочно — для контраста! — делает все, чтобы его преемником стал не самый лучший из его помощников, а самый ему преданный, который ни за что не будет ломать установившихся порядков и даже задним числом не бросит тень на своего предшественника, хотя всем ясно, в том числе и самому уходящему, что «преданный» и бесталанен, и нераспорядителен, а то и просто глуп...

Да что там говорить: варянтов, или, как говорил знакомый шофер, «валерьянтов», тут не счесть, читатель может по своему разумению и опыту пополнить этот перечень. Но суть не в «валерьянтах»...

Суть в том, что мы, как правило, из доброты, из нежелания обидеть человека или из стремления к тому, чтобы все было спокойно — без конфликтов и стычек (местком доволен!), — в конце концов уступаем самолюбиям. А дело проигрывает...

Но меня спросят: а как же им не уступать, если раздутые самолюбия бывают ведь не только у плохих работников, но и у хороших. Как им не уступить-то! Люди живые... И как бы ты поступил в этом случае, автор, будь на то твоя воля?!

О, это легче легкого — давать рекомендации, поставив себя мысленно на место другого. Я бы, например, будь на то моя воля, ни за что не допустил, чтобы талантливый хирург остался не у своего дела. Если нельзя было его сохранить в той клинике (а при хорошем, сильном лидере и это можно), но если нельзя, — я бы тотчас же, без малейшей потери времени, нашел ему такое место, на котором он немедленно стал бы продолжать свою — не другую, а именно свою! — работу, на которой он на пользу нам отличился. А на месте помощников Алексея Ивановича я повел бы с ним такой разговор: дорогой наш руководитель, будь ласка, умерь свою неприязнь к соседу, наступи на горло собственным «отрицательным эмоциям» и поскорее бери на вооружение соседский опыт: нам-то прибыльность ферм и благополучие доярок и свинарок дороже твоего самолюбия, учти это, а то, неровен час, не поглядим на твои заслуги и скинем с поста...

В старину говорилось: «Паны скубутся, а у холопов чубы трещат». Если отбросить социальный смысл этой пословицы и под «панами» подразумевать специалистов какого-то профиля, а под «холопами» нас, грешных, то бишь пациентов, клиентов и потребителей, старинное выражение как нельзя точно отражает суть конфликта: от стычки честолюбий, когда именно они, честолюбия, — коса и камень! — берут верх и над истиной, и над интересами общества, всегда страдает общество. До сих пор, например, читая сообщения геологов-нефтяников о находках на Крайнем Севере, я не могу забыть, что мы ведь едва не лишились какой-то части сибирской нефти из-за того, что чуть было не уступили самолюбию проектировщиков Нижне-Обской ГЭС. Затопить и заболотить они могли районы богатейших месторождений, и все из-за чего? Сперва из-за ошибочного проекта, а уж потом-то из чистого самолюбия авторов: вопреки фактам, они отстаивали честь своего и ведомственного мундира, и прояви мы тут «гуманизм» и слабость, это обошлось бы невосполнимой потерей...

Нет, при всем восхищении возможностями АСУ и прочих кибернетических премудростей, которые якобы обладают способностью «саморегулирования», упаси нас господь целиком полагаться на это «саморегулирование»! Есть у людей самолюбия, у иных они непомерно раздуты — как не считаться с этой реальностью?! В чем же тут гуманизм: потрафить честолюбцу, поберечь его больную мозоль или, наоборот, наступить на нее без всякого, как говорится, снисхождения?! Интересы общества — это все-таки интересы общества. А мозоль... Что ж, это всего лишь мозоль, даже если она и принадлежит человеку заслуженному, талантливому. Только мозоль — никак не больше и не важнее. Поболит и пройдет. А не пройдет, дьявол с ней, сражем.

Так-то с косой и камнем!

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

Фото Л. ГЛАГОЛЕВА, Ю. БЕЛИНСКОГО и П. КУЗНЕЦОВА (ТАСС) и А. МАКАРОВА (АПН)

РЕЗОНАНС

КОММЕНТАРИЙ К ПРИКАЗУ № 186

НЕ НАЗВАННАЯ по фамилии рослая, красивая, с рассыпанными по плечам волосами продавщица из ленинградского «Пассажа» получила выговор. Это та девушка, о которой автор статьи «Оскорбление подозрением» А. Рубинов писал, что она, прислонившись в черном халате к стене, без конца приказывала покупателям, выходившим из секции металлической посуды:

— Сумки при выходе показывать! Сумки при выходе показывать!

«И почтенные люди, — писал автор статьи, — наверное, рабочие и профессора, актрисы и парикмахерши, покорно расстегивали сумки и портфели. В этом было безмерное унижение — в каждом подозревали вора...»

Два с половиной месяца в редакции полагали, что этот выговор безымянной продавщице — единственная конкретная мера, которая принята после статьи, ставившей вопрос о незаконности, об оскорбительности досмотра в магазинах, о дискредитации столь полезного и необходимого метода самообслуживания в торговле.

Статья была опубликована 1 ноября прошлого года, но официальных ответов о принятых мерах все не поступало, кроме ответа из «Пассажа». А между тем большинство читателей, приславших письма, горячо поддержали выступление газеты, и лишь четверо удивились: обыск кого-то унижает? По мне, дескать, хоть раздевайте. Мол, честный человек не обижается, что в нем заподозрят вора, — лишь бы самому знать, что ты не жулик, не мошенник... Но это крайность — среди откликнувшихся на статью «Оскорбление подозрением» оказалось очень много людей с более развитым чувством собственного достоинства. Из разных городов пришло несколько чрезвычайно взволнованных писем. Авторы их писали в газету тотчас после столкновения в магазине, где их оскорбили подозрением, унизили напрасным обыском.

Отзывы читателей на статью продолжают поступать. Почти в каждом — свежий факт незаконного осмотра сумок. По всему видно: то ли мер не принято, то ли они оказались неэффективными.

Впрочем, об этом можно судить и не по названным признакам. 15 января «Литературной газете» прислал наконец свое мнение о статье заместитель министра торговли СССР С. А. Трифонов.

«Министерство торговли СССР, — сообщается там, — полностью разделяет точку зрения ее автора о недопустимости проверки личных вещей покупателей в магазинах самообслуживания». В письме тов. Трифонова хотя и говорится о том, что «Министерство торговли СССР постоянно проводит работу по устранению и предотвращению нарушений основных принципов торговли в магазинах самообслуживания», но, как выясняется из дальнейшего текста, дело, очевидно, не идет дальше административных мер и совещаний. Впрочем, в письме говорится об «изыскании и применении средств, исключающих основу, на которой зарождаются эти нарушения», о принятии «соответствующих рекомендаций». Однако осталось неясным, что изыскано и что рекомендовано. Почему бы не сказать об этом публично? Ведь и в статье «Оскорбление подозрением» была сделана попытка найти «основу, на которой зарождаются нарушения». Предлагалось, в частности, усилить ответственность за воровство в магазине — ведь за кражу вещи, если она дешевле пятидесяти рублей, уголовного наказания можно избежать. Как говорилось в статье, украденное «просто отбирают, если это случается в первый раз. Иногда передают вора в руки милиции, но та направляет дело в товарищеский суд. У многих же воров нет товарищей». Автор рассказывал о предложении самих торговых работников: накладывать на мелкого вора пяти- или десятикратный штраф.

В статье говорилось, что автору ее не приводилось встречать магазин, в котором бы соблюдались все правила самообслуживания: например, правила эти рекомендуют, чтобы каждый входящий брал инвентарную корзину. В этом — деликатный замысел технологии самообслуживания: вору труднее будет украсть, и тогда не придется складывать товары в свои портфели и сумки, чтобы потом отдать их на досмотр — чужие руки не станут потрошить вещи покупателей. Этого требует и приказ министра № 186, о котором говорится и в статье, и в ответе тов. Трифонова. Так почему же приказ не исполняется?

К сожалению, ответа и на этот вопрос тов. Трифонов не дает. Половину весьма короткого ответа тов. Трифонов отвел спору вокруг «коэффициента забывчивости». Может быть, действительно не стоит разряжать напряженную, подозрительную обстановку в магазине самообслуживания таким способом — повысить допустимый «процент воровитости покупателя». Но почему министерство с таким опозданием отзывается о предложении, высказанном столь давно, — статья «Коэффициент забывчивости» была опубликована 29 сентября 1971 года (1971-го!)? И почему тов. Трифонов, сказав, чего не следует делать, не сообщает, что делать следует? Почему из всех высказанных предложений он останавливается лишь на том, которое принимать не должно, — не свидетельствует ли умолчание о том, что остальные предложения принимаются? Но тогда почему об этом не сказать прямо?

Атмосфера неприязни и унижения, которая нередко возникает в магазинах самообслуживания, волнует общественность. Еще раз подтвердили это письма читателей. Ответы на поставленные тов. Трифонову вопросы на составляют лишь торгово - профессионального интереса. Они касаются каждого, потому что все взрослые люди — покупатели, да и подростки тоже. Метод самообслуживания ширится, и нельзя допустить, чтобы разрасталась рождаемая в магазинах чуждая нам атмосфера неуважения к людям. Пока ясно одно, что приказ министра № 186, изданный еще в ноябре 1971 года, обстановку эту не разрядил. Во всяком случае, статья «Оскорбление подозрением» и поддерживающие ее, подкрепляющие фактами письма читателей появились год спустя, и говорят они о том, что положение не улучшилось.

Впрочем, полученные с большим опозданием — в последний перед выпуском газеты момент — еще два официальных отклика дают надежду, что по крайней мере в двух крупнейших городах страны дело пойдет на лад. Заместители начальников главных управлений торговли Мосгорисполкома — А. А. Петриков и Ленгорисполкома — И. И. Наштелян признают правильность критики, сообщают о принятых мерах. Два ответа деловиты и конкретны. А. А. Петриков, присоединяясь к мнению автора статьи, считает, что «финансовая ответственность лиц, изобличенных в воровстве товаров в магазинах самообслуживания, должна стать более эффективной». И. И. Наштелян сообщает о том, что в Ленинграде создана специальная комиссия, которая обобщает внесенные предложения, группа народного контроля начала проверку работы магазинов.

Эти отклики вызывают удовлетворение, но, к сожалению, не меняют оценки ответа заместителя министра торговли СССР. В двух городах положение обещает улучшиться, но министерство ведает торговлей во всех городах страны.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ: НОВАЯ НАУКА?

Академики А. И. Берг, П. Л. Капица, Е. К. Федоров, член-корреспондент АН СССР М. И. Будыко, доктора наук Н. П. Наумов, И. Б. Новик, Н. Ф. Реймерс, Ю. Г. Рычков, Г. А. Степанский, Г. Ф. Хильми, Г. И. Царегородцев, директор Института общей и коммунальной гигиены Академии медицинских наук Г. И. Сидоренко, заведующий сектором проблем окружающей среды Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР Е. И. Игнатьев, главный редактор журнала «Вопросы философии» И. Т. Фролов выступают по проблеме «Человек и среда его обитания»

ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ — ВАЖНЕЙШАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА. ПОДЧЕРКНУТО В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР «ОБ УСИЛЕНИИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ И УЛУЧШЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ». В НЕМ, В ЧАСТНОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕНО: НАЧИНАЯ С 1974 ГОДА ПЛАНЫ ПО РАЦИОНАЛЬНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ОХРАНЕ ПРИРОДЫ СТАНУТ СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ ПЛАНОВ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Когда 20 лет назад известный французский океанограф Жак-Ив Кусто приступил к изучению морских глубин, он пришел к неожиданному выводу. «Я обнаружил, — вспоминает Кусто, — что, в отличие от сложившихся представлений, океан — это очень маленький мирок, ресурсы которого по меньшей мере так же ограничены, как и ресурсы твердой земли, и что, кроме того, он очень хрупок и в силу этого зависит от нас. Но нас было очень мало — людей, которые поняли это».

Быть может, в наших теперешних представлениях о мире произошло нечто подобное... Бескрайняя, непознанная, полная таинств голубая планета колумбовых времен, ныне туго стянутая авиалиниями, плотно усеянная городами и индустрией, пронизанная бесконечными нитями всевозможных коммуникаций, вдруг уменьшилась в своем объеме. Она стала столь малой, что требует особенной заботы, очень осторожного к себе отношения.

...В небольшом зале редакции журнала «Вопросы философии» собрались представители многих научных дисциплин — философы и социологи, физики и биологи, демографы и метеорологи, математики и медики, экономисты и кибернетики. Уже в одном этом отразились масштабность и сложность темы, вынесенной на их обсуждение: «Человек и среда его обитания».

Сегодня эта проблема стала глобальной, она вошла, по выражению одного из участников совещания, в интеллектуальный климат эпохи, оказывает влияние на все области жизни, волнует правительства и ученый мир, общественность и население многих стран. Открывая совещание, главный редактор журнала «Вопросы философии» И. Т. Фролов заметил:

— Человек и природа... Увы, вопрос, столь традиционный для философской науки, пока, к сожалению, больше обсуждается нефилософами, они еще только начинают им заниматься. К сожалению — для нас, философов, но, быть может, к счастью—для самой проблемы. Ибо дело сейчас не столько в том, чтобы подчеркивать, как это чаще всего бывало в истории философии, общие аспекты проблемы, сколько в том, чтобы найти научные и практические пути ее решения. Ясно лишь одно: эта проблема может быть решена только как глобальная и комплексная», вокруг нее произойдет объединение, интеграция наук.

Поиску таких путей и была посвящена беседа за «круглым столом» журнала «Вопросы философии». Полностью материалы беседы будут опубликованы в журнале. Мы же хотим лишь коротко рассказать читателям об этом интересном разговоре на традиционную для «Литературной газеты» тему.

ОПАСНОСТЬ РЕАЛЬНА, НО ОТВРАТИМА

«Ученые предупреждают: биосфера в опасности» — под такой рубрикой «Литературная газета» в последние годы опубликовала ряд материалов, пронизанных тревогой за состояние окружающей среды. Эти же слова прозвучали за «круглым столом».

— Реальна ли опасность кризиса во взаимодействии природы и человека, если сохранятся современные тенденции развития общества? — сказал академик Е. К. Федоров. — Я считаю: да, реальна. Но неизбежен ли такой кризис? Я лично убежден, что его можно избежать.

О реальной опасности экологического кризиса говорил и академик П. Л. Капица:

— Возьмите демографический аспект проблемы. Если население Земли будет увеличиваться теми же темпами, что и сейчас, то уже к 2000 году число жителей нашей планеты ощутимо возрастет, а через семьсот лет на каждый квадратный метр земной поверхности будет приходиться по одному человеку... По экспоненте развиваются и многие другие процессы, в частности потребление энергии, сырья. Угля, например, при нынешнем уровне добычи и использования долго хватит на тысячу лет. Но его потребление непрерывно возрастает. Америка потребляет ныне в двадцать раз больше угля, чем Африка, и если всюду уровень потребления приблизится к американскому, то его хватит менее чем на сто — сто пятьдесят лет. Еще тревожнее обстоит дело с другими видами сырья. Так, серебра хватит лишь на десять — пятнадцать лет...

Последнее время мы стали свидетелями новых крупных мероприятий, которые осуществляет Советское государство для решения проблем окружающей среды. Постановление четвертой сессии Верховного Совета СССР и опубликованное на днях постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» поднимают эти вопросы на уровень важнейшей государственной задачи. В этих документах — широкая, конкретная деловая программа для многих министерств и ведомств, непосредственно отвечающих за сохранность и улучшение биосферы. Защита природы в нашей стране все больше подчиняется плановому началу. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривает, в частности, «что начиная с 1974 года должны разрабатываться перспективные и годовые планы по рациональному использованию природных ресурсов и по охране природы как составная часть перспективных и годовых планов развития народного хозяйства».

БИОСФЕРА ИЛИ БИОТЕХНОСФЕРА

В двадцатые годы нашего века французские философы П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа ввели новое понятие: «ноосфера», сфера разума, «мыслящий пласт, который развертывается над миром растений и животных — вне биосферы и над ней».

Академик В. И. Вернадский, приняв сам термин, внес в него новое содержание. Да, сфера разума! Однако не только разума, но и труда! Да, новая стадия развития мира, но именно в пределах биосферы, а не вне ее и не над ней! «Ноосфера, — писал В. И. Вернадский,—есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой».

Так родилось понятие, обозначающее иное качественное состояние окружающей среды.

Профессор Г. Ф. Хильми считает, что для его определения удобнее пользоваться термином «биотехносфера».

— Возможности техники и масштабы хозяйственной деятельности, — говорит он, — превысили некоторый критический уровень и стали источником новых процессов планетарного масштаба. Все большее число городов, промышленных сооружений, каналов и многое другое неузнаваемо преобразуют природную, первичную окружающую среду. Рождается новая, сложная система, которая существует и развивается по своим особым законам. Они нам пока не известны, и нам еще только предстоит их изучить. Превращение биосферы в биотехносферу — процесс исторически неизбежный и закономерный. Но одновременно происходит стихийная хищническая эксплуатация природных богатств, приводящая к загрязнению окружающей среды, уничтожению естественных ресурсов, нарушению экологического равновесия. Своеобразный дуализм влияния человека на биосферу — влияния созидательного и одновременно разрушительного — ставит перед наукой двойственные же задачи. Конечно, постоянный контроль над экологическими нарушениями нужен. Но, чтобы уберечь себя от неразумных шагов во взаимодействии с природой, мы должны прежде всего отчетливо понять: а какими должны быть наши разумные шаги? И тут потребуются не только конкретные исследования (надо учитывать, что с биосферой нельзя широко экспериментировать), но в первую очередь глубокие, фундаментальные работы. Однако уже сейчас вполне очевидно: мы должны так преобразовывать живую природу, чтобы обе части создаваемой сложной системы, то есть первичная биосфера и урбанизированная среда, обладали взаимосовместимостью.

Но возможно ли создать такую систему? Будет ли она достаточно прочной? Не внесем ли мы в биосферу «необратимых» поломок? Не слишком ли жизнеспособной окажется по-новому организованная окружающая нас среда? Эти сомнения высказали некоторые участники «круглого стола».

— Сейчас стал очень популярным тезис о создании некоей искусственной системы— биотехносферы, — говорит доктор биологических наук Н. Ф. Реймерс. — Создается впечатление, что в этой системе биосфера сможет «работать» по принципу вечного двигателя. Но экологические ресурсы настолько взаимосвязаны, что если мы получаем из них что-то одно, то неминуемо теряем что-то другое. Здесь действует в какой-то особой форме закон сохранения вещества, энергии.

— Мы знаем, — заметил академик А. И. Берг, — что все живое существовало и существует только одно за счет другого. В истории Земли не было периода, когда бы живой организм, создавая благоприятные условия для своего существования, не наносил урона окружающей среде.

Какой же выход предлагают ученые? «Путь регуляции экологической системы с помощью самой же экологической системы,— считает Н. Ф. Реймерс.— Для этого необходимо, чтобы в ней сохранялось, поддерживалось определенное равновесие между человеческой деятельностью и окружающей средой. Именно в таком направлении должно идти «строительство» биосферы. И вот этим процессом мы обязаны научиться управлять».

Может быть, некоторым читателям такая идея покажется утопической? Но вот пример, уже имеющий практическую ценность. В ближайшем будущем Керченский пролив перекроет плотина, которая воспрепятствует проникновению соленых вод Черного моря в Азовское, это поможет самим природным силам восстановить естественный гидрохимический состав Азовского моря.

Но как в современных условиях обеспечить равновесие, устойчивость, оптимальность окружающей среды?

Один из путей — создание в широком масштабе мощных и эффективных очистных сооружений, которые избавят природу от загрязнения. Об этом говорил, в частности, директор Института общей и коммунальной гигиены Академии медицинских наук профессор Г. И. Сидоренко.

— Можно назвать много наглядных примеров, показывающих, чего можно достичь благодаря современным методам очистки. На Щекинском химическом комбинате была проведена целая система мероприятий, начиная от изменения технологических процессов и кончая строительством очистных сооружений, и теперь это крупное предприятие не загрязняет воздух выше допустимых норм. Благодаря этому снята угроза гибели мемориального парка в Ясной Поляне. Другой пример — Рязанский нефтеперерабатывающий завод. Его отходы, спускаемые в настоящее время в Оку, чище, чем сама вода в этой реке.

Подобных примеров можно привести немало. И едва ли не самый яркий из них — Байкальский целлюлозный завод. Там построены уникальные очистные сооружения. Затрата громадных средств в данном случае абсолютно оправдана: Байкал есть Байкал! Однако единственный ли это путь, чтобы оградить окружающую среду от загрязнения? И самый ли рациональный?

— Стоимость очистных сооружений на Щекинском комбинате составляет 40 процентов его основных производственных фондов, — заметил заведующий сектором проблем окружающей среды Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР Е. И. Игнатьев. — Можем ли мы позволить себе такие затраты, если учесть, что половина предприятий вообще не имеет очистных сооружений? И если даже построим такие сооружения повсеместно, добьемся ли желанной цели? Позволю себе в этом усомниться. Мы проводим курс на расширение мощностей предприятий, и ранее построенные очистные сооружения оказываются недостаточными, не справляются со своей задачей. На их модернизацию опять требуются колоссальные средства.

Е. И. Игнатьев считает перспективным иной путь — более рациональное размещение производительных сил. И тут открываются особо благоприятные возможности использовать огромные преимущества социалистического строя.

— В капиталистических странах развитие производительных сил идет стихийно. Мы же сознательно направляем этот процесс с помощью общегосударственного плана. Мы стремимся размещать предприятия таким образом, чтобы они приносили наибольший экономический эффект. Однако надо учитывать не только эффект, который мы получаем в рублях, но и тот ущерб, который наносим окружающей среде. Это заставит нас формировать территориально-производственные комплексы по принципу полного использования сырья — так, чтобы отходы одного предприятия сразу, тут же становились сырьем для другого.

Да, защита природы требует определенной перестройки промышленности. Ведь, как справедливо подчеркнул профессор Г. И. Царегородцев (кафедра философии Академии медицинских наук), «загрязнение окружающей среды происходит не столько от научно-технического прогресса, сколько от расширения производства на старой промышленной основе».

ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ И АДАПТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

— За весь продолжительный период взаимодействия человека с окружающей средой изменения, которые он в нее внес, не выводили человеческий организм «за рамки возможного», иначе говоря — за рамки заданного эволюционного предела,— замечает профессор Г. И. Царегородцев. — Однако сейчас наступает новый этап. Человек создает принципиально иную окружающую среду — по физико-химическому, биологическому и даже по психоэмоциональному воздействию. Как будет реагировать на это человеческий организм? Сможет ли он приспособиться к новым условиям? Существуют так называемые экстремальные зоны, где люди без специальных средств обеспечения существовать не могут. Например, Арктика, Антарктида. Но это естественные экстремальные зоны. А сейчас появляются и искусственные, например, огромные, переполненные города. Чтобы обеспечить [illegible] жизнь людей, также нужны специальные средства. Дело доходит до того, например, что кислородные маски входят в повседневный быт жителей японской столицы.

В нашей печати нередко бытует несколько наивное представление об адаптации живых существ к изменяющимся условиям. Порой появляются восторженные «охотничьи» рассказы о том, как в город приходят лоси, волки, вьют гнезда птицы на крышах, рядом с оживленными улицами, и т. д. Конечно, природа вырабатывает защитные, приспособительные механизмы, но ограничиться изучением адаптации на таком уровне рискованно.

Нередко слышишь благодушное: «Человек, он ко всему привыкает...», «Говорят, в одной зарубежной стране арестантов кормили продуктами, сильно зараженными ДДТ. Ничего — выжили!», «Газок от завода? Что ж, мы люди неизбалованные — принюхались». Для некоторых хозяйственников подобная философия становится удобным прикрытием беззаботного отношения к охране природы.

Выступая за «круглым столом», антрополог профессор Ю. Г. Рычков поставил вопрос резко: «Запасы генетической прочности человеческого организма не беспредельны. Сегодня они, возможно, близки к исчерпанию».

Разговор об адаптации человека вызвал острую реакцию у собравшихся. Поводом послужило выступление профессора Н. П. Наумова.

— Я хотел бы обратить внимание на вопросы адаптации к различным формам загрязнений, в частности к загрязнению радиоактивными отходами, — сказал профессор Н. П. Наумов. — Оно не всегда бывает фатальным, организмы приобретают определенную степень устойчивости. А поскольку те или иные загрязнения на какой-то срок, несомненно, останутся и нам придется жить в этих условиях, исследование принципиально новых возможностей адаптации, которые могут открыть генетики, заслуживает внимания.

Даже такая довольно осторожная формулировка насторожила многих участников «круглого стола». Последовали реплики:

— Год назад в издательстве «Медицина» вышла книга «Адаптация к промышленным ядам как фаза интоксикации», в которой высказывалась мысль, что такая адаптация иллюзорна, на самом деле это не что иное, как медленное отравление.

Сомнения участников совещания не случайны. В науке еще довольно часто результаты экспериментов, проводимых на животных (крысы, кролики), механически переносятся на человека.

— Многие считают, — подчеркнул профессор Г. А. Степанский, — что человек может адаптироваться к воздействию химических элементов, как и животные. В качестве курьеза могу привести утверждение, опубликованное в «Энтомологическом обозрении» за 1969 год, где говорится, что человек может адаптироваться к химическому воздействию пестицидов не хуже, чем насекомые. Отсюда вывод: не стесняйтесь, применяйте больше ядохимикатов! Сегодня в окружающую человека среду поступает безграничное количество химических веществ, и человеческий организм не в состоянии поспеть в выработке защитных свойств. Когда мы говорим об адаптации животных, то нужно помнить, что приспособительные системы у них вырабатываются в процессе естественного отбора. Но этот механизм не может быть применим к человеку! Изменение его физических параметров — патология. Можно ли адаптировать человека, проведя его через стадию патологии? Это недопустимо.

Адаптацию человека мы должны рассматривать не только с точки зрения биологии, но и — в первую очередь! — с позиций социальных. Воздействие химических элементов, изменение психологического статуса человека лишают его творческих потенций, нарушают основные социальные функции.

— Следует учитывать не только первичные, непосредственные последствия загрязнения окружающей среды, но и вторичные, третичные, что появляются через длительный промежуток времени, — подчеркнул профессор Г. И. Царегородцев. — Поэтому столь актуальной представляется выработка социально-гигиенических, санитарно-гигиенических прогнозов взаимодействия человека с окружающей средой. Они должны предшествовать научно-техническим прогнозам и дать возможность выбора вариантов решения тех или иных хозяйственных и производственных проблем. Поэтому нужно ускорить затянувшееся рождение новой отрасли науки— геогигиены.

...Чтобы спасти природу, а вместе с ней и человека, нужно затормозить развитие цивилизации — утверждают некоторые зарубежные исследователи и философы. Они уже успели приобрести себе имя «зежистов» (от французского слова «zéro» — нуль). Нулевое развитие, создание «неподвижного» общества может спасти мир и обеспечить жизненное равновесие — считают они.

Наш подход к проблемам окружающей среды коренным, принципиальным образом отличается от подхода западных ученых. И это различие, отметил в своем выступлении Г. И. Царегородцев, состоит прежде всего в следующем: «Буржуазные исследователи и философы ограничиваются призывом оградить человеческий организм от вредного воздействия изменяющейся естественной среды. На наш взгляд, этого еще далеко недостаточно. Наша позиция — в том, чтобы создавать такую экологическую среду, которая по своим параметрам соответствовала бы биологическим, психическим, эстетическим и социальным потребностям людей».

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Не случайно «круглый стол» собрал представителей самых разных специальностей.

— Мне представляется, что мы находимся на пороге создания новой науки, которую можно было бы назвать глобальной экологией, — сказал в своем выступлении член-корреспондент Академии наук СССР М. И. Будыко. — Значение обсуждаемых здесь проблем ясно. Я хотел бы только подчеркнуть трудность их изучения. Чтобы эта работа носила фундаментальный характер, необходим очень широкий, комплексный подход, который не могут обеспечить ни отдельные ученые, ни коллективы отдельных научных учреждений.

Действительно, может ли та или иная отрасль науки взять на себя «полноту власти и ее одиночество» приняться за фундаментальные экологические исследования?.. Необходима междуведомственная организация этих исследований, без которой постановка широких работ попросту невозможна.

Но может быть, все-таки какая-то одна наука станет лидером исследований? Доктор философских наук И. Б. Новик считает, что такую роль должна взять на себя теоретическая физика. Он ссылается на мнение известного американского ученого Ф. Дайсона, который в статье «Будущее физики» заявил, что проблема исследований биосферы останется на стадии «говорильни», пока этим не займутся физики: без учета законов термодинамики, гравитации вопросы экологии быть решены не могут.

С этим многие согласились. Но, уточнил М. Будыко, «не нужно забывать, что границы между физикой и другими науками стираются. Необходимо помнить о быстром проникновении физических методов в биологию».

— В этой связи, — сказал он, — немаловажен вопрос об отношении к работам зарубежных исследователей. Чрезвычайно опасными являются односторонность и упрощенчество при оценке работ, например, Д. Форрестера, Д. Медоуза и других. Конечно, им вредит несколько сенсационный характер, вызванный, видимо, соображениями бизнеса, рынка, где их книги распространяются колоссальными тиражами. Но в этих работах есть чрезвычайно важное ядро: попытка количественного моделирования очень широкого круга вопросов, связанных с экологией.

Участники «круглого стола» отмечали, что недостаток исследований, отсутствие научной концепции сказываются на практической работе. «Когда непосредственно приходится заниматься планированием мероприятий по охране и улучшению окружающей среды, — сказал Е. И. Игнатьев, — оказывается, что вопросов, требующих научного разрешения, так много, что практически исключается возможность такого планирования».

— Мы затратили немалую сумму — 28 миллиардов рублей за пятилетие — на улучшение окружающей среды. Однако все-таки не достигли того эффекта, которого могли бы достичь в условиях социалистической системы хозяйствования. Причина в том, что мы осуществляем широкий круг мероприятий на недостаточно научной основе.

— Академия наук СССР,— замечает профессор Г. И. Сидоренко, — проблемами влияния отрицательно действующих на человека химических и физических факторов не занимается. Сложилось несуразное положение с координацией исследований. Институт общей и коммунальной гигиены успешно проводит координацию с социалистическими странами в рамках СЭВ, в то же время координация исследований внутри Союза отсутствует.

Кто же должен возглавить всю эту работу?

Мнение участников «круглого стола» было единодушным: ни одно из существующих отделений Академии наук, ни вновь созданное специализированное научное учреждение не в силах справиться с широким комплексом задач. Очевидно, это в состоянии сделать только междуведомственная организация, способная охватить все стороны глобальной экологической проблемы. О такой организации и идет речь в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов», которое предусматривает создание при Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике научно-технического совета по комплексным проблемам охраны окружающей природной среды.

Ну, а все-таки, какая же наука возьмет на себя лидерство? Физика? Биология?

Об этом можно спорить, но все соглашаются в одном: решит проблему не чересполосица, а синтез, сплав наук. В наше время все ощутимее процесс взаимообогащения, интеграции наук. И это поможет рождению новой отрасли знания — глобальной экологии, вызванной к жизни научно-технической революцией. Мы все больше приближаемся к тому времени, о котором писал К. Маркс: «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука».

Наша социальная система, единая плановая экономика создают хорошие предпосылки для успешного решения назревших экологических проблем. Но чтобы всесторонне реализовать возможности социалистической системы хозяйства, нужна теория, строго научная концепция, разработанная во всех аспектах.

— Мы должны перейти от общих разговоров на эти темы к совершенно конкретным исследованиям, — сказал академик Е. К. Федоров, — с тем чтобы выработать свою точку зрения, точку зрения советской науки, советского общества на проблему взаимодействия человека и природы. Это необходимо прежде всего для того, чтобы успешнее строить наше коммунистическое общество.

П. ВОЛИН, М. ПОДГОРОДНИКОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Техника и меньшие братья.

Фото В. ОПАЛИНА и Е. ФИЛИППЕНКО (ТАСС)

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. НАРЫНБАЕВ, доктор философских наук

ГОРЬКО! ГИРКО! КИБЕ!

Снова и снова звучит традиционное «Горько!» («Гирко!»—по-украински, «Кибе!»—по-эстонски). Играется свадьба («весилля» — по-украински, «пулм» — по-эстонски, «корцили» — по-грузински, «уйлану тойы» — по-казахски). И как же, оказывается, часто эти по-разному звучащие, но означающие одни и те же понятия слова произносят в одном доме, за одним столом, в общем застолье! Каждая десятая супружеская пара, свидетельствует статистика, — это представители двух наций или народностей.

НЕСМОТРЯ на то, что герой нового романа Жоржи Амаду — Педро Арканжо — является автором целого ряда интересных и ценных книг и статей, посвященных жизни и быту бразильского народа, он умирает в одиночестве, упав на обочине тротуара недалеко от свалки мусора. «Если Бразилия и внесла что-либо ценное в обогащение мировой культуры, то это — скрещивание рас, оно отмечает наше участие в достижениях гуманизма и наш вклад для человечества», — так думал и писал Педро Арканжо. Но в стране, где официальные власти поддерживают тех теоретиков, которые считают, что «мулат позорит бразильский пейзаж, портит характер народа» и что «смешение рас и наций является отступлением от прогресса», а религия и государственный закон не одобряют или фактически запрещают вступление в брак белых с черными, гуманизм ученого не мог быть признан властями. Его судьба оказалась трагической.

В судьбе героя «Лавки Чудес» Ж. Амаду увидел трагедию своей страны и своего времени. Признание трудов, слава приходят к Педро Арканжо, когда соотечественники фактически забыли его. И этот момент, пожалуй, символичен: рано или поздно все придут к тем же мыслям, что и герой романа, но когда это будет? Какие силы смогут заставить расистов сложить оружие? Вот, видимо, в чем главный вопрос времени.

В этой же связи мне вспомнилось выступление западногерманского журнала «Аусенполитик». Возвратившись из поездки по СССР, П. Шолл-Латура опубликовал статью «Советская Центральная Азия», в которой написал, что у нас «брак между узбеками и славянами запрещен так же, как брак между женщинами-арабками и французами в Северной Африке». Спорить с подобными «исследователями» бесполезно. Они исполнители и справиться с любой заданной темой могут, не вставая из-за письменного стола. Зачем, скажем, нужно было ездить в Советский Союз, да еще в его восточную часть, то есть накатывать тысячи и тысячи километров, если не увидеть простого — того, что ясно и неспециалисту?

Во-первых, если тебя интересует наш закон, то загляни в него и прочти: «Все граждане, независимо от их национальности, расы и отношения к религии, имеют равные права в семейных отношениях». Во-вторых, если тебя волнует сама проблема, ознакомься с цифрами. Вот они. Согласно переписи 1959 года, например, на каждую тысячу семей 102 — то есть каждая десятая — межнациональные. В некоторых республиках этот процент еще выше: в Киргизии — 123, Молдавии — 135, Казахстане — 144, на Украине — 150, в Латвии — 158 на каждую тысячу семей. В 1963 году во Дворце бракосочетаний Киева было зарегистрировано 10 102 брака, из них межнациональных — 3592, то есть 35,5 процента, в Ташкенте и Самарканде каждая пятая пара представляет две национальности, в Целинограде — каждая третья.

В 1960 году в городе Махачкала было образовано 1007 семей, из них межнациональных — 459, то есть 27 процентов. На юге Киргизии, в городе Ош, каждое десятое бракосочетание — смешанное. Формирование и развитие межнациональных семей является ярким свидетельством разрушения «национальной заскорузлости», созданной условиями классовой эксплуатации, поддерживаемой прежде националистическими и религиозными предрассудками. Таковы факты.

Полученные нами в ходе конкретно - социологических исследований данные показывают, кроме того, что «кривая» межнациональных браков неуклонно тянется вверх. Например, в 1953 году во Фрунзе на их долю приходилось 22,4 процента всех зарегистрированных браков, а через десять лет, в 1962 году, они составляли уже 27,4 процента. В 1960 году в Латвии каждый четвертый брачный союз заключался между представителями разных национальностей, а 1961-м здесь рождалось уже 30 процентов таких семей, в 1962—1963 годах — 31 процент, а 1964 году — 32 процента. В отдельных районах республики их чуть ли не половина, а кое-где доходит и до 70 процентов. «В стране растет число смешанных браков — оно исчисляется миллионами», — сказал в своем докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» товарищ Л. И. Брежнев.

Рост межнациональных браков — показатель не только количественный. Возникает и новое качество — выше становятся этические, моральные отношения в семье, укрепляется дружба между народами нашей страны, создается база для преодоления пережитков в семейно-брачных отношениях.

Исследования свидетельствуют о том, что смешанные семьи создают представители самых разных национальностей.

Во Фрунзе распространены русско-киргизские браки. Это не случайно, так как наиболее значительную часть населения республики составляют киргизы — 40,5 процента и русские — 30,2 процента. В 1965 году в районных загсах города Фрунзе были зарегистрированы браки русских девушек с юношами тридцати трех национальностей. В том же году русские юноши вступили в брак с девушками двадцати двух национальностей: с узбечками, таджичками, туркменками, киргизками, азербайджанками и др. В городе очень распространены также браки юношей-киргизов с русскими и татарскими девушками.

Следует особо подчеркнуть значение браков между молодежью среднеазиатских национальностей с европейскими юношами и девушками, особенно с представителями русского народа.

Межнациональные браки в большинстве случаев заключаются среди молодежи, которая переехала в новые города. Такие города, как Братск и Казахстанская Магнитка — Темиртау, где плечом к плечу трудятся юноши и девушки до 50 национальностей, где ежегодно регистрируются тысячи браков, стоят на первом месте по количеству свадеб и новорожденных. «Город металлургов — город молодежи. А молодости всегда сопутствует любовь, — считает работник темиртауского загса А. Подобашава. — Нигде не празднуется так много свадеб, как у нас на Казахстанской Магнитке. За последние полтора года у нас зарегистрировано 1690 браков. Из них около 700 являются интернациональными».

По данным Братского городского бюро загс, за первый квартал 1960 года из 507 новорожденных 108 детей было от смешанных браков, за первый квартал 1961 года соответственно — 653 и 127, за первый квартал 1962 года — 578 и 130. А вот цифры, полученные в Целинограде: из 3917 новорожденных в 1963 году 1211 имели мать одной национальности, а отца — другой. В Киргизии среднегодовой показатель рождения детей от межнациональных браков за 6 лет (1958—1963) равен 10,17 процента, то есть каждый десятый ребенок рождается от смешанного брака.

В прежние годы колхозные хозяйства Средней Азии были «чисто» национальными: киргизские, узбекские, русские, немецкие и др. В это время межнациональные браки среди колхозной молодежи заключались редко. В процессе дальнейшего укрепления сельского хозяйства происходит слияние мелких колхозов в крупную интернациональную хозяйственную ячейку. В этих условиях браки между представителями различных наций среди колхозной молодежи начинают встречаться все чаще и чаще. В многонациональном колхозе Милянфан Кантского района Киргизской ССР в течение 10 лет было зарегистрировано 293 брака, из них каждый десятый — межнациональный. В колхозе имени Ленина Аламединского района республики с 1955 по 1965 год было зарегистрировано 838 браков, из них межнациональные составили 35,5 процента.

Межнациональная семья имеет все свойства, характерные для обычного, «однородного» союза, но и обладает некоторыми присущими лишь ей особенностями. Во-первых, такая семья, как правило, двуязычна. Здесь не только родители, но и дети часто говорят на двух языках.

Как отмечает А. Лутс, в Эстонской ССР дети от смешанных браков обычно получают эстонские имена и учатся говорить по-эстонски. Но при этом они хорошо знают и язык межнационального общения и сотрудничества наших народов — русский.

Анализ опроса родителей, малыши которых посещали детские сады Свердловского района города Фрунзе и села Покровки Джеты-Огузского района, показал: если смешанный брак объединяет представителей европейских национальностей, то дети везде — дома, в детском саду, во время игры — говорят на русском языке. В семьях, где отец местной национальности, а мать — из европейской части страны (или наоборот), дети говорят с бабушкой и дедушкой на их родном языке, а в детском саду и с детьми соседей — на русском. В районах, где мало русского населения, например, на Тянь-Шане, в европейской семье дети дома говорят по-русски, в детском саду и с детьми соседей—на киргизском языке. Сейчас многие родители местных национальностей просят принять своих детей в школы, где обучение ведется и на русском языке. В средней школе имени А. С. Пушкина в селе Учкурган, например, учатся дети двадцати национальностей. В ее русских классах более половины учеников — дети нерусских национальностей.

В межнациональных семьях в большинстве случаев быт носит смешанный характер: сливаются различные элементы культуры, это находит отражение в обстановке квартиры, одежде, пище, традициях, обрядах.

Во многих семьях жилище делится на две половины. Например, в киргизско-русской семье обычно одну комнату оформляют по-киргизски (здесь и шырдак, и тушкииз), а другую — по-русски или европейски.

Смешанная семья возникает не только тогда, когда заключается брачный союз. Есть еще один путь — усыновление или удочерение детей различных национальностей.

Дважды Герой Социалистического Труда Суракан Кайназарова воспитала девять детей-сирот (трех мальчиков и шестерых девочек). Одна из них — дочь русского кузнеца, погибшего на фронте. После ухода матери на пенсию Таня руководит звеном Кайназаровой.

В городе Ош проживает самая большая семья в республике, состоящая из 50 человек. Уйгуры Иманахун и Майрамхан Ахмедовы в тяжелые годы Великой Отечественной войны усыновили 15 мальчиков и девочек; среди них — русские, киргизы, узбеки, татары, чуваши, украинец, чечен, ингуш.

Все советские люди с большим интересом восприняли художественный фильм «Ты не сирота». В нем показана жизнь семьи ташкентского кузнеца Шаахмеда Шамахмудова и его жены Бахри Акрамовой. В трудные годы войны они усыновили и вырастили 16 сирот различных национальностей: русских, евреев, татар, цыган, узбеков, чуваша и других. «Усыновляя чужих детей, мы с женой были убеждены, что этим помогаем Родине», — говорит Ш. Шамахмудов.

Движение за усыновление и удочерение эвакуированных детей распространилось по всем республикам Советского Востока. В Узбекистане 50-летняя Баяхан Ашурходжаева взяла на воспитание 8 детей различных национальностей. В дагестанском городе Хасавьюрт проживает семья лейтенанта милиции в отставке Ислама Магомедова, состоящая из тринадцати детей: русской девочки Маши, осетинки Лиды, мальчика-ногайца Талсиза, лачки Куржан, даргинки Мадину, гречанки Макку и т. д.

Во время войны судьба породнила людей различных национальностей. Киргизские писатели Т. Сыдыкбеков в романе «Люди наших дней», К. Баялинов в повести «Счастье» показывают, как их герои принимают в свою семью осиротевших в годы Великой Отечественной войны русских и украинских детей. Усыновляя их, киргизы выполняли свой интернациональный долг перед братскими народами.

Итак, мы видим, что сближение социалистических наций происходит и в семейно-брачных отношениях. Это выражается в заключении брачных союзов между юношами и девушками различных национальностей, в усыновлении и удочерении детей различных народов, в изменении семейного быта. Формирование и укрепление межнациональной семьи является объективной закономерностью развития советского социалистического общества. Это с одной стороны. А с другой— только в условиях советской действительности возникает реальная возможность сделать смешанный брак явлением достаточно массовым и стабильным. Межнациональные семьи — яркий показатель торжества ленинской национальной политики.

гор. ФРУНЗЕ

Ада БАСКИНА

МАЛЕНЬКАЯ СЕМЕЙНАЯ ССОРА

БОЛЬШИНСТВО СЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ ПРОИСХОДИТ ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО МУЖЬЯ И ЖЕНЫ НЕ ЗНАЮТ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ДРУГОГО ПОЛА. РАЗЛИЧИЯ ЭТИ — НОРМА, А ВОСПРИНИМАЮТ ИХ КАК НАРУШЕНИЯ...

НЕСКОЛЬКО лет назад шли у нас на экране почти одновременно два французских фильма: «Супружеская жизнь» и «Мужчина и женщина». Названия их все время путали, вернее, оба чаще всего называли «Мужчина и женщина». Это потому, что *при совершенно разных сюжетах и проблемах они рассказывали, в сущности, об одном — о том, как отличаются друг от друга психология мужчины и женщины.* Особенно рельефна в этом смысле была «Супружеская жизнь»: для большей убедительности режиссер прокрутил перед зрителями те же события дважды — сначала в восприятии мужа, потом — его жены. Разница, как помните, была огромной...

Я неожиданно вспомнила об этом, когда известный ереванский психолог рассказывал об интересных исследованиях личности молодого человека, которые проводит его лаборатория.

— Дифференцируют ли ученые как-нибудь в своих исследованиях юношей и девушек? — спросила я.

Профессор неожиданно смутился, потом объяснил: они было начали изучать психологию каждого пола, но... перестали. Почему? Видите ли, у нас все-таки равноправие, неудобно получается. Вот, скажем, выяснилось, что девушки-шахматистки видят вперед на несколько ходов меньше юношей. Позвольте, но это же не секрет — ведь и турниры проводятся раздельно. И в хоккей играют настоящие мужчины, а художественная гимнастика... Да, вы правы, но все-таки равенство...

Равноправие и в самом деле ослабило некоторые различия наших с вами сограждан и согражданок. Совместное участие в производстве, в общественной и политической жизни, широкие возможности получить образование, равенство в семейных отношениях — все это сделало нашу соотечественницу самостоятельной в суждениях и решительной в поступках... Я пока излагаю общеизвестные факты. А вот и не столь известные.

Видный французский социолог Андре Мишель провела глубокое сравнительное исследование семей парижанок — работающих и неработающих. Выяснилось, что первые значительно лучше организуют свой быт, охотнее пользуются полуфабрикатами, чаще обращаются к прачечной и другим формам современного сервиса. Они гибко и целесообразно распределяют свое домашнее время и обязанности между всеми членами семьи, пользуются помощью мужа по сравнению с неработающими подругами в два — четыре раза больше.

Поскольку у нас не проводилось подобных исследований — у нас почти все или работают или учатся,— то мы, пусть весьма условно, можем перенести эту схему и на наших работниц. Несомненно, что они на более высоком уровне организуют быт, лучше распределяют свое время и легче воспринимают то новое, что несет современная цивилизация. Словом, работающая женщина, особенно при социализме, по своей духовной организации и отношению к прогрессу не уступает мужчине. Равноправный член нашего общества, она занимает видное место и в экономике, и в науке, и в культуре. И по уровню мышления, по широте представлений, по глубине интересов оба пола все более выравниваются между собой.

ОДНА... Фото В. САККА

Но значит ли это, что они становятся и вовсе тождественными? Различия в физиологии, материнская функция, дарованная лишь одной половине человечества, разница в продолжительности жизни — все это, естественно, не менялось и измениться не может. Есть и еще одна сложная сфера развития личности, в которой различия между полами велики, а изучаются крайне слабо. Эта сфера — психология.

— Я считаю, что большинство семейных конфликтов происходит на почве того, что мужья и жены не знают о психологических особенностях другого пола. Различия эти — норма, а они их воспринимают как нарушения.

Так говорит доктор Ч. С. Гризицкас, главный невропатолог Министерства здравоохранения Литовской ССР. Несколько лет он руководит кабинетом семейных отношений при Вильнюсском неврологическом диспансере. Он и еще двое его коллег, психоневрологи А. Алексейчик и Л. Цукерманис, составляют основное ядро кабинета.

Два раза в неделю в кабинет приходят мужья и жены, у которых в семейной жизни что-то разладилось. И доктора накопили уже солидный опыт в том, что они называют «лечением брака»: в год кабинет посещают около 800 человек!

Известно, женщины, как правило, представляют собой более эмоциональный тип, мужчины — более рациональный. Для сильной половины человечества важнее всего логика, мышление. У женщин на первом месте — интуиция, наитие. Однажды в кабинет пришел пациент, подозревающий жену в неверности. Он выстроил целый ряд, казалось бы, логически связанных событий и сделал решительный вывод: дело тут нечисто. «Это все рассуждения, — сказал ему доктор. — А что подсказывает вам интуиция?» «Да как будто ничего. Вроде бы не похоже, чтоб изменяла. Но ведь факты!» Выяснилось, что все это — сумма недоразумений, которые муж искусственно — но логично! — связал между собой. Когда же с подобными подозрениями приходит женщина, она чаще всего говорит: «Душа болит», «Чую что-то здесь не то», — то есть в первую очередь доверяет своему наитию. И чаще всего, кстати, оказывается права.

У женщины вообще определеннее выражены все чувства. Поэтому от нее в значительной степени зависит, сохраняется ли в семье атмосфера радости, доброжелательства, легкой шутки. Жена без юмора — это уже наполовину отравленное семейное существование. Как часто женщины, особенно молодые, забывают об этом — быть эмоциональным началом в семье! (Впрочем, еще хуже, когда не понимают юмора мужья.)

Мои собеседники с сожалением говорят о некоторых своих пациентках, которые будто даже стыдятся признаков пола. В зубах папироса, резкий голос, слишком свободные, намеренно мужские движения. Говорят — женственность не в моде. Говорят — женственность входит в моду. Все равно что сказать — нынче рожать не принято, а в будущем году... Как может выходить из моды вечно женское — мягкость, душевная тонкость, способность вызывать сильные чувства и такие же сильные испытывать?

Есть у вильнюсских докторов и еще одно наблюдение: брак с истинно женственной девушкой влияет на мужчину двояко. С одной стороны, он становится более мужественным — от потребности защищать, оберегать, с другой — резкие черты его мужского характера смягчаются, он и сам делается добрее к людям.

Доктор Гризицкас обращает внимание на другие различия полов.

Психологические отличия начинают проявляться уже в подростковом возрасте, в пору физического созревания. Став супругами, юные муж и жена чувствуют себя совершенно по-разному. Девушка чаще всего естественно, органично входит в новое состояние— жены, матери, хозяйки дома. Ее ровесник — юноша чувствует в этот период больше удивление своей ролью супруга, отца, нежели устойчивость, душевный покой. Вот почему (хотя и не только поэтому) лучшим возрастом вступления в брак для мужчин считается 24—28 лет.

Но вот оба вошли в пору зрелости, семья окончательно сложилась. И вдруг жена без видимых причин начинает раздражаться, сердиться по пустякам, ударяется в слезы. В этом еще одно отличие: нервная система у слабого пола подвижней и теснее связана с биологической основой организма. В то время, когда женщина ждет ребенка, на стадии перехода от зрелого возраста к пожилому и в некоторые другие периоды, она особенно ранима, раздражительна, склонна к обидам. Иногда мужу достаточно лишь знать об этой особенности, чтобы сдержать ответное раздражение, предотвратить ссору.

Впрочем, и жены, и мужья не знают вообще многого друг о друге. Низкий уровень культуры чувств, по мнению вильнюсских психоневрологов, — один из самых опасных недугов, который приводит к распаду брака. В самом деле, по каким симптомам определяется неблагополучие в семье? По безрадостности. По тому, что общение вместо удовольствия вызывает раздражение. Между прочим, по данным Вильнюсского неврологического диспансера, от 70 до 80 процентов неврозов вызваны ненормальными отношениями в семье.

А начинается это часто так.

— Приходит ко мне пациент, — рассказывает доктор Цукерманис, — и принимается повествовать о своей интимной жизни преимущественно в заборных выражениях. Вы думаете, он бранится? Нет, просто считает, что иначе об этой области жизни и сказать нельзя. Беседуем. Он сообщает, что недоволен своими отношениями с женой. А жена? Об этом он не знает и не задумывался никогда. Вот, правда, она говорила как-то, что он не умеет быть нежным. Да разве это мужское дело — нежничанье и пустословие?

Откуда же берется такая скудость эмоционального мира? Я задаю вопросы моим собеседникам. А они, в свою очередь, спрашивают: «Вы слыхали хохот в зале, когда на экране показывают фильм о любви?» И я вижу, в какое отчаяние приводит сотрудников кабинета семейных отношений эта реакция молодых зрителей на то, что призвано вызывать совершенно иные чувства. Этот смех вместо святости должен быть нам тревожным предупреждением: не упускаем ли мы что-то важное в воспитании подростков?

В лаборатории нравственного воспитания Одесского педагогического института проводили несколько раз подряд простой опыт. Двум параллельным классам показывали один и тот же фильм («Обнаженную маху»). Но с первым перед началом беседовали: говорили о возвышенном, прекрасном, что несет с собой любовь героев, о связи любовных сцен с замыслом картины. Другому классу не сказали ничего. Реакция детей оказалась резко отличной. Первые сочувственно переживали. Вторые хихикали, замечали лишь «то самое».

Дефицит чуткости, такта, деликатности ощущается часто и у вполне культурных людей, которым, скажем, не придет в голову смеяться над любовной сценой в фильме.

В кабинете семейных отношений считают, например, что многие интеллигентные супруги проигрывают от того, что все свободное время проводят только вместе. У доктора Алексейчика есть даже стройная «теория зубчатых колес». Быть всегда вместе, думать вместе, чувствовать вместе. А так ли уж это нужно? Есть темы преимущественно женские — дети, наряды, мужчины, есть чисто мужские — футбол, охота, рыбалка, анекдоты, которые вовсе не обязательно слышать женщинам. Нужно ли требовать, чтобы все это было общим, интересовало бы обоих? А ведь часто обиды именно из-за этого: «Ты идешь к приятелям, тебе со мной уже скучно?» «О чем ты шепталась с подругой, у тебя от меня секреты?» А не лучше ли соблюсти дистанцию — ведь шестерни работают слаженно, когда зубья подходят не слишком близко. Дайте друг другу право на одиночество, на отдых, на что-то свое — в этом нет ничего плохого. Но, предупреждает доктор, не надо доводить до крайностей: когда зубья слишком далеки друг от друга, колесики тоже крутятся плохо. А ведь бывает, что муж и жена чересчур заняты собой — своей работой, учебой, своими друзьями и тогда вращаются, как две независимые системы. Это, понятно, ведет только к потерям, без всяких приобретений.

Беды, просчеты, ошибки в браке — все это чаще всего не от несовместимости, а от незнания. Во многом тут могут восполнить пробел кабинеты семейных отношений — они есть, кроме Вильнюса, в Ленинграде, Каунасе, некоторых других городах. Но еще мало, очень мало. А главное — работники их пользуются почти только собственным опытом. Большая же наука обходит тему стороной, полагая, очевидно, что тем самым способствует борьбе за женское равноправие.

Чтобы лучше понять, сколь современна проблема изучения психологии пола, вернемся еще раз к Андре Мишель. Ее социологическое исследование заканчивается таким неожиданным выводом: женщины-работницы получают от своих мужей больше внимания, чем их неработающие сестры, и при этом... меньше удовлетворены этим вниманием. Исследователь объясняет это большей требовательностью к духовным ценностям, к «уровню взаимопонимания».

Уверена, что в этом наши женщины-работницы мало чем уступают парижанкам: они тоже становятся придирчивей к «уровню взаимопонимания». Правда, не отстают и мужчины: они ожидают большей душевной и духовной компетентности от своих просвещенных жен. Советские специалисты вообще не раз отмечали, что одна из важнейших тенденций современной семьи — усиление психологической стороны брака.

Мужчина и женщина. Он и она. Их взаимное тяготение извечно. И так же извечна потребность узнать друг о друге лучше, узнать больше. Не пора ли современной науке прийти им на помощь?

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-Й СТР.

ОТВЕТЫ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГДР ОТТО ВИНЦЕРА НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

вопрос, как и ряд других, связанных с ним, сравнительно легко поддается урегулированию.

На VIII съезде СЕПГ мы исходили из того, что нормализация отношений ГДР со всеми государствами, в особенности с государствами Западной и Северной Европы, стоит в повестке дня в качестве актуальной задачи. Выдвижение этой задачи основывалось на трезвой и реалистической оценке меняющегося соотношения сил в мире. Отсюда, разумеется, вытекала также необходимость соответствующей ориентации и всесторонней подготовки.

Таким образом, я не разглашу секрета, сказав вам, что мы — и я тоже, что касается подбора и подготовки кадров, — своевременно позаботились обо всем.

ВОПРОС. 1972 год отмечен особенно значительными шагами в развитии Европы на пути к упрочению мира и безопасности. Но в Европе по-прежнему остаются проблемы, ждущие своего решения. Какие задачи представляются Вам первоочередными в 1973 году?

ОТВЕТ. Германская Демократическая Республика видит одну из своих важнейших задач 1973 года в том, чтобы упрочить успехи, достигнутые в минувшем году в деле обеспечения мира и безопасности в Европе, и способствовать доведению до конца процесса всеобъемлющего и закрепленного международным правом признания итогов второй мировой войны и послевоенного европейского развития.

Речь идет в первую очередь о завершении исторических усилий, направленных на обеспечение нерушимости послевоенного устройства в Европе, на обеспечение участия в международной жизни всех европейских государств на основе суверенного равенства.

Поэтому мы со всей решимостью поддерживаем требование ЧССР о ликвидации мюнхенского диктата, как недействительного с самого начала. Поэтому же мы выступаем и за то, чтобы в нынешнем году, и по возможности скорее, ГДР и ФРГ были приняты в ООН.

Решение этих вопросов помогло бы общеевропейскому совещанию по безопасности и сотрудничеству, которое, судя по всему, может собраться уже в первой половине 1973 года, оправдать возлагаемые на него большие надежды народов и открыть новую главу в истории Европы.

ВОПРОС. Принятие ГДР и ФРГ в ООН явится крупным событием для обоих германских государств и послужит дальнейшей универсализации ООН, повышению ее роли и авторитета в современном мире. Какую позицию займет ГДР в Организации Объединенных Наций?

ОТВЕТ. Принятие ГДР и ФРГ в ООН действительно будет очень важным шагом на пути к осуществлению универсальности и тем самым к повышению эффективности Организации Объединенных Наций. Это событие будет означать окончательное завершение послевоенного периода и, несомненно, явится в 1973 году фактом большого исторического значения.

Принятие ГДР в члены ООН увенчает многолетнюю борьбу стран социалистического содружества за полное международное равноправие Германской Демократической Республики.

В беседах с министрами различных государств, а также сотрудниками ООН и других международных организаций, которые довелось вести в канун Нового года представителям нашей республики, всякий раз выражалось удовлетворение по поводу того, что деятельность международных организаций отныне не будет отягощена ни доктриной Хальштейна, ни другими формами дискриминации ГДР.

Принципиальная позиция ГДР в отношении ООН определяется тем фактом, что Устав Организации Объединенных Наций появился как результат антифашистской освободительной борьбы советского народа и других народов во второй мировой войне. В нем сформулированы всеобщие демократические и юридические нормы поведения государств в процессе их взаимоотношений.

Как член Организации Объединенных Наций ГДР, плечом к плечу с СССР и другими братскими социалистическими странами, в первую очередь будет добиваться того, чтобы ООН в полной мере выполняла свою основную задачу: «Избавить грядущие поколения от бедствий войны».

В этом аспекте Германская Демократическая Республика может продолжить усилия в поддержку деятельности ООН по выполнению своих задач — усилия, которые ГДР предпринимала, еще не будучи членом этой международной организации. Позволю себе напомнить, что Германская Демократическая Республика направила к последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН ряд заявлений по важнейшим пунктам повестки дня, в том числе о предложениях СССР: по вопросу о неприменении силы в международных отношениях; о запрещении навечно применения ядерного оружия, а также в связи с Всемирной конференцией по разоружению.

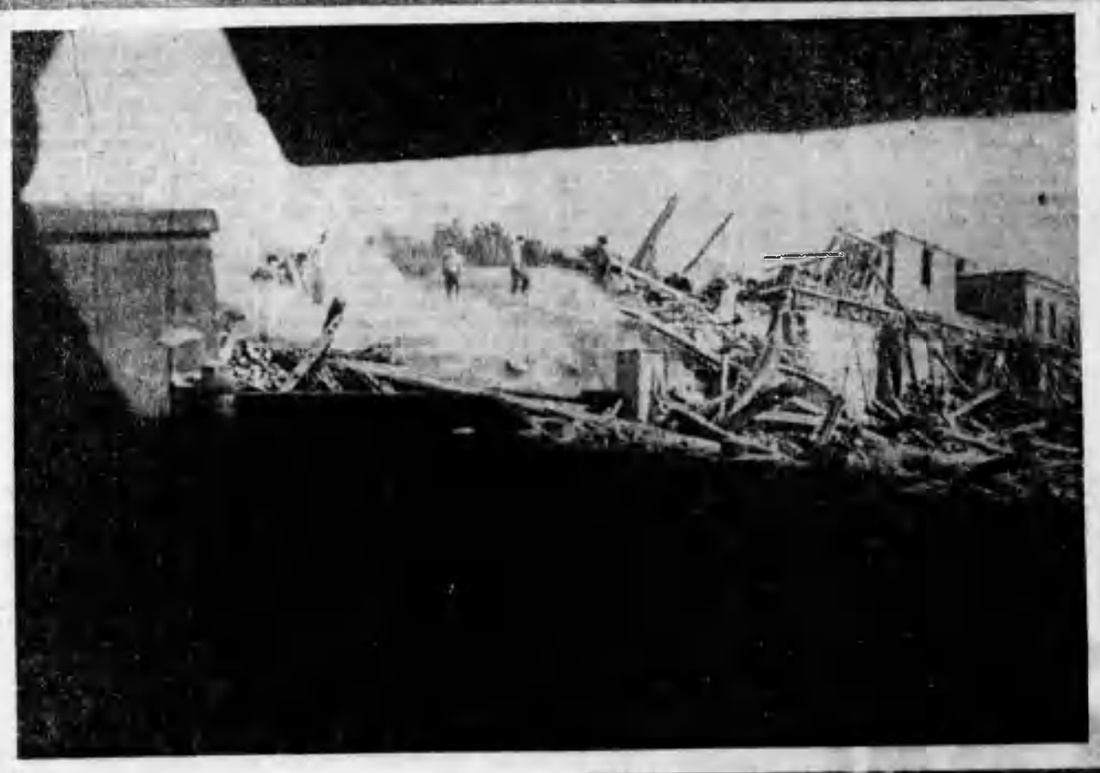
ГДР готова в рамках ООН сотрудничать со всеми членами этой организации в интересах обеспечения международной безопасности и претворения в жизнь принципов ее Устава.

ФОТОРЕПОРТАЖ ГЕНРИХА БОРОВИКА

Специальный корреспондент АПН и «Литературной газеты» Г. Боровик побывал в Демократической Республике Вьетнам, подвергшейся в конце декабря варварским бомбардировкам американской авиации.

ХАНОЙ — ХАЙФОН: конец декабря 1972 года

ВЬЕТНАМ НЕПОКОРЕННЫЙ



Кусок «ковра смерти», которым покрывали город американские бомбардировщики «B-52». В этих жилых кварталах плотность населения составляла до бомбежек 30 тысяч человек на один квадратный километр.

За одну декабрьскую ночь у брата и сестры не стало родителей, не стало дома. И они остались одни.

23 бомбардировщика «B-52» сбили только над Ханоем вьетнамские зенитчики в период с 18 по 29 декабря 1972 г.

В великолепно оборудованной ханойской больнице Батьмай работали хирурги с мировыми именами.

Сколько горя за каждой слезой взрослого человека? Могут ли это определить электронно-счетные машины, которые установлены на самолетах «B-52»?

Жизнь продолжается. Озеро «Возвращенного меча» — в самом центре Ханоя. Оно — древний символ победы над иноземными захватчиками и символ мира.

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ ИСТОРИИ

ДАЛЕКО не всегда случается так, что книга на историческую тему в момент ее появления оказывается остроактуальной. Работа профессора Н. Молчанова «Генерал де Голль» обладает этим достоинством. Уроки долгой жизни и сложного формирования личности и доктрины генерала де Голля необходимо было именно сейчас проанализировать с позиций сегодняшнего дня, имея в виду историческую перспективу. Это и сделал с безукоризненной скрупулезностью ученого, с ярким темпераментом публициста Н. Молчанов.

Первооткрыватель ли автор книги о де Голле? Формально — нет, если вспомнить, что во Франции, да и не только во Франции, о де Голле написаны сотни работ, и что он сам был летописцем своей судьбы. Но книга Н. Молчанова является первым полным и всесторонним марксистским исследованием жизненного и политического пути, протянувшегося через две мировые войны в нашу эпоху.

Можно представить себе объем труда, который пришлось проделать Н. Молчанову, чтобы из сотен томов «голлеологии», из тысяч и тысяч выводов, фактов, анекдотов, высказываний самого де Голля, его современников, соратников, противников, поклонников, злопыхателей, толкователей отобрать наиболее значимое и глубокое, яркое и существенное. А отобрав, построить свое, именно свое повествование, которое прочитываешь, что называется, на одном дыхании, с неослабевающим интересом. И заметьте, автор не сделал ни одной попытки «баллетризировать» свой рассказ, ни разу не изменил строгой документальности в этой научной и вместе с тем литературной работе.

Актуальность книги о де Голле не просто сама собой разумеется. На материале его жизни правые силы во Франции стремятся построить иную схему, на которой следует, что с уходом де Голля с политической арены, а вскоре после того и из жизни стали анахронизмом его взгляды на роль Франции в современном мире, на пути европейской разрядки, на роль советско-французского взаимодействия в важнейших сферах международной жизни. Апеллируя цинично к политическому наследию Шарля де Голля, они извлекают и на свой лад интерпретируют именно те моменты, которые свидетельствуют о противоречиях и долгой и сложной эволюции его взглядов. И игнорируют тот факт, что, вынуждаемый обстоятельствами, он находил в себе мудрость и мужество подниматься над узкими интересами класса, которому служил, и умел прозорливо распознать высший интерес своей страны и свой по отношению к ней высший долг.

Разве можно забывать о том, например, что генерал де Голль в начале второй мировой войны был, по существу, единственным военным и политическим деятелем правящего класса, не смирившимся с позорной капитуляцией Франции? Встав во главе «Свободной Франции», а затем «Сражающейся Франции», он сознательно опирался внутри страны на Сопротивление французских трудящихся, руководившееся коммунистами, и на международной арене — на солидарность и поддержку Советского Союза.

Вернувшись к власти в самый разгар конфликта в Алжире, генерал де Голль уже вскоре после этого, наперекор всем правым силам, решился признать право алжирского народа на самоопределение, что в немалой степени способствовало окончанию последней колониальной войны Франции, в которой она так или иначе проигрывала под натиском алжирских патриотов. Президент де Голль первым среди ведущих государственных деятелей Запада высказался категорически за окончательное признание послевоенных границ в Европе, он решительно и недвусмысленно осудил интервенцию США в Индокитае и израильскую агрессию на Ближнем Востоке...

И, наконец, Шарль де Голль с самого начала своей деятельности на посту президента Пятой республики взял курс на сближение с СССР. Кульминацией его деятельности в этом направлении явился визит в 1966 году в Советский Союз. «Он считал, что разрядка международной напряженности, — пишет Н. Молчанов, — является в первую очередь европейской проблемой», что из Европы должны предприниматься важнейшие действия в этом направлении. По мнению де Голля, «для этого дела Советский Союз и Франция избраны историей, самой их природой и волей их народов».

Немного лет прошло с тех пор. Но сколько произошло событий, которые подтвердили проницательность Шарля де Голля. Советско-французское сотрудничество в самых разных областях экономики, науки, культуры получило широчайшее развитие. Взаимодействие наших стран в международных делах и особенно в деле укрепления европейской безопасности стало постоянно действующим и подчас решающим фактором. Важнейшим историческим этапом на этом пути явился визит осенью 1971 года во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, его переговоры с Президентом Помпиду и принятие руководителями двух стран документов, ставящих советско-французские отношения на рельсы долгосрочного и перспективного всестороннего развития.

Событием крупнейшего международного значения в этом плане явились встречи и переговоры в Заславле Л. И. Брежнева и Ж. Помпиду. Сегодня мы говорим о том, что политика согласия и сотрудничества остается постоянной политикой в советско-французских отношениях и приобретает все больший вес в международной жизни.

Заканчивая книгу, Н. Молчанов говорит, что он «не претендует на окончательный характер своих оценок различных эпизодов многогранной противоречивой жизни Шарля де Голля. Ведь перед читателем первая книга о нем, написанная на русском языке. И она создавалась по горячим, еще не остывшим следам деятельности генерала, от которой нас отделяет крайне короткая историческая дистанция». Ну что ж, вслед за профессором Н. Молчановым мы скажем, что эти короткие заметки вовсе не претендуют на полный анализ его книги, от выхода которой нас отделяет дистанция в несколько недель. Но одно можно утверждать с полной убежденностью: это талантливая книга, в которой нет ни пустот, ни общих мест, ни претенциозных, на потребу невзыскательному вкусу, приемов. Это значительная по своему политическому весу и смыслу работа, лишний раз доказывающая, что история, которая пишется именно «по горячим следам», освещает дополнительным светом наше сегодня, которое уже завтра станет историей.

Виктор ЦОППИ

Н. Молчанов. «Генерал де Голль». Издательство «Международные отношения», М. 1972.

Альфредо ВАРЕАА:

«...Я БУДУ С ВАМИ ВСЕГДА»

Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» известный аргентинский писатель и общественный деятель Альфредо Варела, которому 17 января в Москве была вручена высокая награда, в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» сказал:

— Медаль ленинского лауреата по заслугам принадлежит не только мне, она принадлежит моим соотечественникам, аргентинскому народу, как и всем, кто порой в очень нелегких условиях борется за мир, за счастье людей в Латинской Америке, тем, кто отстаивает дело мира на всех континентах земного шара.

Счастлив, что снова нахожусь в Москве, в Советском Союзе. И не могу не вспомнить, что в первый мой приезд в СССР, почти четверть века назад, тогда тоже была зима, я увидел здесь весну человечества. А то, что сегодня я вижу в Советском Союзе, меня наполняет чувством непоколебимой уверенности: весна человечества скоро расцветет на всех континентах нашей земли. Всемирное движение сторонников мира буквально с каждым днем набирает силы, и это движение неодолимо.

Хотелось бы выразить душевную благодарность всем советским людям за высочайшую честь, оказанную мне, — присуждение международной Ленинской премии. Особый привет и особую признательность мне хотелось бы передать советским писателям и, конечно, дорогой «Литературной газете» — я не могу забыть, что «Литературная газета» двадцать лет назад горячо выступала в мою защиту, когда реакционеры на моей родине бросили меня в тюрьму за книгу о Советском Союзе.

Хочется крепко-крепко обнять советских людей, моих товарищей и друзей, и сказать от всего сердца: с вами я был всегда, я буду с вами всегда.

На днях секретарь правления Союза писателей СССР, член-корреспондент АН СССР Н. Федоренко принял в Союзе писателей СССР лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», секретаря Всемирного Совета Мира, известного аргентинского писателя Альфредо Варелу.

На беседе присутствовали директор издательства «Художественная литература» В. Сомов, директор издательства «Прогресс» Ю. Торсуев, сотрудники журналов и Иностранной комиссии Союза писателей СССР. Во время беседы были затронуты вопросы публикации в СССР произведений аргентинской литературы, переводов советской литературы на испанский язык...

«ЛОТОС»—НА ВСТРЕЧУ С АЛМА-АТОЙ

Недавно мне пришлось побывать в Каире с делегацией Союза советских обществ дружбы. Делегация приняла участие в месячнике советской культуры, провела переговоры с обществом «Египет — СССР» о культурном сотрудничестве.

Я встречался с многими видными деятелями культуры, посетил редакции газеты «Аль-Ахрам» и журнала «Роз эль-Юсеф», где работают многие мои друзья. В связи с тем, что осенью этого года в Алма-Ате состоится V Конференция писателей стран Азии и Африки, я не мог не побывать в редакции журнала «Лотос» — органе Постоянного бюро афро-азиатских писателей, и мне хотелось познакомить читателей «Литературной газеты» с тем, как работает «Лотос» и как он готовится к алма-атинской встрече.

Площадь Тахрир находится в центре Каира, на пересечении нескольких самых оживленных магистралей. И совсем недалеко от нее, на улице Каср эль-Эйни, 104, расположился двухэтажный особняк организации солидарности писателей стран Азии и Африки. В редакции я застал заместителей главного редактора — Абдель Азиза Садека и Эдуарда эль-Харрата. Главный редактор, мой друг Юсеф эс-Сибаи, был в это время в отъезде. В обстоятельной, дружеской беседе я познакомился с работой журнала «Лотос», планами на ближайшее будущее.

— Первый номер нашего журнала вышел в 1967 году. Несколько номеров в настоящее время находятся в производстве и скоро выйдут в свет. «Лотос» печатает лучшие произведения прогрессивных писателей стран Африки и Азии. Он издается на трех языках — арабском, французском и английском, выходит четыре раза в год. Первое время журнал выходил нерегулярно — не такто просто было наладить связи с писателями многих стран. Теперь эта трудность преодолена, и читатели будут получать «Лотос» регулярно. В этом году редакция предполагает выпустить специальные издания «Лотоса»: они будут содержать «избранное» четырех номеров журнала за 1972 год. В дальнейшем решено печатать подобные издания ежегодно — это расширит круг читателей «Лотоса». Уже вышла антология произведений, публиковавшихся в «Лотосе», — на английском и французском языках.

«Лотос» становится популярным в университетских кругах многих стран и среди египетской интеллигенции.

— За последнее время, — сказал Абдель Азиз Садек, — мы все чаще получаем заявки на подписку. В нашем журнале печатают свои произведения известные мастера слова: Алекс Ла Гума (ЮАР), Тауфик эль-Хаким и Юсуф Идрис (Египет), Чингиз Айтматов, Николай Тихонов (СССР), Мулк Радж Ананд (Индия), Фаиз Ахмад Фаиз (Пакистан) и многие другие.

В ближайших номерах журнала будут проведены дискуссии по злободневным вопросам, целый ряд статей расскажет о выдающихся писателях стран Африки и Азии.

— К алма-атинской встрече, — говорит Абдель Азиз Садек, — будет выпущено особое приложение к 17-му номеру «Лотоса», посвященное казахской литературе. Материалы уже собраны, и в ближайший месяц оно сдается в набор. А 18-й номер «Лотоса» целиком посвящается алма-атинской встрече. В номере будут широко освещены успехи советской литературы и культуры, достижения всех народов Советского Союза. Большой раздел журнала представит достижения армянской литературы, в связи с тем, что после встречи в Алма-Ате в Ереване состоится поэтический симпозиум.

Эдуард эль-Харрат добавляет к словам своего коллеги, что сотрудникам «Лотоса» хочется сделать этот номер журнала содержательным и красиво оформленным.

Деловая обстановка и энтузиазм царят в редакции «Лотоса». Журнал внесет свой благородный вклад в дело укрепления единства стран Африки и Азии.

Георгий ГУЛИА

КАИР

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ БРАТСКИХ СТРАН

ЖИЗНЬ, ЛИТЕРАТУРА, КРИТИКА

В журналах и газетах социалистических стран широко обсуждаются проблемы, связанные с повышением уровня литературно-художественной критики, ее ролью в развитии литературы, в духовном воспитании народа.

Прошел год со дня опубликования постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Оно вызвало широкий интерес в социалистических странах.

Как свидетельствует печать этих стран, вопросы дальнейшего развития литературно-художественной критики находятся в центре внимания писательской общественности.

Обзор прессы, который мы сегодня публикуем, выделяет некоторые основные вопросы, связанные с повышением уровня литературно-художественной критики, ее роли в духовном воспитании народа, в укреплении творческих связей между социалистическими литературами.

Какова роль литературной критики в общественной и литературной жизни стран социализма, каковы ее главные задачи?

Что нового вносит критическая мысль братских стран в разработку современных проблем социалистического реализма?

Каковы задачи и роль текущей критики в истолковании проблем отражения социалистической действительности, показа становления новой личности в произведениях писателей стран социализма, в борьбе с чуждыми идеологическими влияниями?

ЕДИНСТВО ЦЕЛЕЙ

Председатель Союза чешских писателей **Ян Козак**, выступая на учредительном съезде союза в мае 1972 года, говорил о том, что идеи, содержащиеся в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», «наша литературная критика и литературоведение должны с высокой требовательностью, творчески применять и проводить в жизнь».

Поддерживая плодотворные тенденции литературного развития, писала в журнале «Веймарер Байтреге» **Урсула Райнхольд** (ГДР), «критика является важным общественным регулятором... С другой стороны, критика подготавливает общество к новым литературным произведениям, пытаясь выявить общественное значение книги, воздействие, которое она может оказать».

Известный болгарский ученый, председатель Союза болгарских писателей **Пантелей Зарев** подчеркивает, что критика должна направлять внимание писателей к «проблемам современности, к идеям, которые уже нашли или еще не нашли места в нашей литературе». «Уровень литературной критики, — утверждает в интервью газете «Литературен фронт» П. Зарев, — мерило и уровень национальной культуры: ее титанической силы или ее полной беспомощности, ее дерзости и открытой энергии или ее полного застоя».

В теоретическом документе, разработанном рабочей группой по вопросам культурной политики при ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, «Некоторые вопросы литературной и художественной критики» («Литературная газета» сообщала о нем в № 48 за 1972 г.) отмечается, что «социалистическая культурная политика рассматривает критику как существенный идеологический фактор духовной жизни и придает большое значение марксистской критической деятельности, которая в равной степени ориентирует общественность, творческие организации и деятелей искусства, поддерживает художественные ценности, социалистические тенденции и активно участвует в работе по формированию сознания и вкуса».

О марксистских позициях литературной критики ГДР с понятной гордостью говорит в интервью журналу «Веймарер Байтреге» критик **Клаус Ярматц**: «...за сравнительно короткий срок вся литературная критика в ГДР заняла определенные материалистические позиции, рассматривая отношения между искусством и обществом с точки зрения марксизма-ленинизма. Важно и то, что большая часть литературных критиков безоговорочно выступает за политику партии в области культуры и считает себя проводником культурной политики партии».

Газета **«Руде право»** в связи с постановлением ЦК КПСС писала: «В свете этого документа перед нашим читателем четко вырисовываются «белые пятна» на карте чешской и словацкой критики в области литературы и искусства. Как много сил надо — и притом срочно — отдать совершенствованию критики, находящейся на передовом рубеже идеологической борьбы! Ведь активная и принципиальная критика... является и должна быть надежным компасом, ориентирующим широкие слои читателей в лабиринте современного искусства, должна отвечать на спорные вопросы точно, максимально понятно, однозначно, ясно».

Заботой о судьбах марксистской критики, о ее созвучии проблемам современности проникнута и статья румынского писателя **Ал. Ивасюка**, который в журнале «Лучафэрул» заявляет: «Нам нужен диалектический синтез и анализ настоящего момента в литературе... истинно марксистский синтез, исходящий из конкретной исторической действительности, имеющей решающее значение как для литературного процесса, так и для творческого климата...»

С ПАРТИЙНЫХ ПОЗИЦИЙ

Размышляя о роли и характере литературно-художественной критики, представители братских стран по-разному определяют ее задачи в общественной и культурной жизни. Но есть, однако, главные выводы, к которым, как к общему знаменателю, могли бы быть сведены различные высказывания.

Это объективный анализ литературного процесса и выявление в нем (пользуясь словами К. Ярматца) того, «что в духовной жизни ведет вперед, что соответствует социализму, а что нет, что соответствует растущим потребностям общества в искусстве». Эти вопросы обсуждаются, вызывают литературно - критические споры. Но если для подобных дискуссий «характерно стремление к истине, желание помочь социалистическому развитию», — говорится в документе ЦК ВСРП «Некоторые вопросы литературной и художественной критики», — иными словами, если эти дискуссии будут серьезными и принципиальными, то они будут положительно воздействовать на развитие литературы, на творчество писателей.

На страницах печати братских стран осуждается чрезмерно субъективный или, напротив, объективистский подход к литературе, отражающий неумение разобраться в процессах и явлениях современной действительности.

Роль критика — в воспитании широкого читателя, необходимость быть посредником между литературой и читательской массой. Пантелей Зарев говорит: «...критика... должна воспитывать, поскольку она призвана сама по себе рассматривать вопросы жизни, культурные проблемы, которые волнуют читателей и формируют их сознание».

В статье, опубликованной в пражском еженедельнике «Творба», **В. Достал** отмечает: «Коль скоро в социалистическом обществе критика призвана выполнить свою основную функцию — воспитательную, — она не может замыкаться в узкопрофессиональных рамках или же «служить беллетристике». Именно об этом говорится в постановлении ЦК КПСС». Задача критики — напоминать писателям, что они отвечают за ценность своих произведений, а также за общественное воздействие своих книг на широкие круги достаточно зрелых и восприимчивых читателей.

«Книги составляют основу каждой национальной культуры. Литература оказывает самое глубокое и широкое в общественном смысле воздействие на формирование человека», — говорит **Рышард Лисковацкий**, отвечая на вопросы анкеты краковского еженедельника «Жице литерацке».

Литературная критика наряду с эстетикой и литературоведением должна участвовать в разработке теории социалистического реализма.

Эти проблемы всесторонне обсуждались и на проходившем в начале марта прошлого года в Улан-Баторе пленуме трех творческих союзов МНР — писателей, художников и композиторов. В докладах и выступлениях отмечалось, что большинство писателей, художников и композиторов придерживаются в своем творчестве метода социалистического реализма, принципов партийности и народности литературы и искусства, подходят с классовых позиций к сложным явлениям современности и ведут решительную борьбу с враждебной идеологией, выполняя важную роль в воспитании трудящихся в духе коммунистической сознательности и убежденности.

Оценивая сложные явления и процессы литературы, писатели не должны, отметил в одном из своих выступлений **Н. Зидаров** (НРБ), забывать призыв партии последовательно применять классово-партийный критерий, что, однако, не означает снижения требований к художественному уровню произведений.

Обмен опытом, подчеркивает печать наших друзей, изучение творческих достижений своих собратьев по перу во всех странах социализма помогают писателям каждой из этих стран вносить в свою национальную литературу дух интернационализма, что способствует ее быстрейшему развитию и делает ее могучим средством укрепления дружбы между народами.

«Мы уверены, что близкое знакомство и понимание духа братской литературы — залог самого прочного сотрудничества», — отметил секретарь Союза чешских писателей **Донат Шайнер** в интервью корреспонденту еженедельника «Творба».

В статье, опубликованной газетой «Берлинер цайтунг» (ГДР), говорится, что критика должна стать «мостом» для взаимного сближения и обогащения культур социалистических наций. Критика должна служить углублению творческого обмена между странами социалистического содружества.

ГЕРОИ И ВРЕМЯ

Как постигает писатель суть социальных процессов современности, как показывает формирование новой личности?

«...Мы делаем все возможное, — говорит Пантелей Зарев, — чтобы привлечь внимание писателей к жгучим проблемам современности, всячески стремимся поощрять их к оригинальной интерпретации этих проблем, к осознанному изображению этих проблем, к поискам новых форм отображения, с тем чтобы спасти автора от натуралистического перепевания фактов, от банального решения задач при художественном изображении нашей богатой и многоликой в своем движении современности».

Нельзя забывать о такой важной сфере деятельности литературно - художественной критики, как ее активная борьба с враждебными или чуждыми социализму идеологическими влияниями. Для того чтобы критика стала действенным оружием в развитии социалистической культуры, в борьбе с идеологической диверсией империализма, необходимо активней обобщать и развивать системы критериев и оценок марксистской эстетики, подчеркивается в документе «Некоторые вопросы литературной и художественной критики», разработанном рабочей группой по вопросам культурной политики при ЦК ВСРП.

Клаус Ярматц (ГДР) отмечает: «...полемика со всеми видами буржуазной идеологии, которая еще воздействует на нас через искусство, требует очень активной литературной критики. И в этом плане требования к повышению уровня критики будут возрастать, а перед критикой встанут и новые задачи».

Марксистская литературная и художественная критика должна спокойно и аргументированно, методами убеждения интенсивно вести полемику с мелкобуржуазными и буржуазными капитулянтскими и левацкими теориями и в этих спорах укреплять чистоту марксистско-ленинского учения.

* *

Печать социалистических стран подчеркивает, что задача марксистской критики — пропагандировать прогрессивное искусство, искусство коммунистической идейности, высокого художественного уровня, — общая для культуры наших народов.

С развитием социализма, с переходом к коммунизму роль литературной и художественной критики будет лишь возрастать, как будет возрастать и вообще роль духовного начала в жизни общества.

КТО, ГДЕ, КОГДА

КНИГА О ЯРОСЛАВЕ ИВАШКЕВИЧЕ

В Варшаве вышла книга Анджея Грончевского, рассказывающая о жизни и творчестве выдающегося польского писателя Ярослава Ивашкевича. Книга издана в серии «Портреты современных польских писателей». А. Грончевский анализирует многогранное творчество Ивашкевича — поэта, драматурга, прозаика, переводчика, автора литературных статей и эссе — с первых лет писательской деятельности до 1970 года.

Критик Януш Термер пишет в газете «Трибуна люду»: «Книга А. Грончевского «Ярослав Ивашкевич» показывает человека и художника, всегда сохраняющего свою индивидуальность, неизменно интересующегося большими проблемами жизни».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕППИ ДЛИННЫЙЧУЛОК

Тринадцатилетняя Нигер Нильссон пользуется большой популярностью в Швеции у взрослых и у маленьких зрителей. Успешно прошел фильм с ее участием о забавных приключениях Пеппи Длинныйчулок, снятый по книге А. Линдгрен.

На снимке: Нигер Нильссон.

ПИСАТЕЛИ И ШКОЛА

«Прерванный урок» — так называется антология, вышедшая недавно в ФРГ. В ней собраны воспоминания, рассказы и памфлеты 15 крупных писателей, посвященные их школьным годам.

Остро и язвительно высмеивает современную ему школьную систему Бернард Шоу. Не менее уничтожающе отзывается о школе и Бертольт Брехт. Об атмосфере казенной муштры, которая уродует детей и внушает им ненависть к школе, рассказывают Томас Манн, Герман Гессе, Райнер Мария Рильке. В воспоминаниях писателей учителя показаны не только бездушными тиранами или забавными чудаками, но и людьми с трагической судьбой, которые, «являясь жертвами своей профессии, служат покорным орудием в руках господствующего класса».

«ТРИ СТРЕЛЫ» АЙРИС МЕРДОК

«Кембридж Арт сиатер» поставил пьесу известной английской писательницы Айрис Мердок «Три стрелы». Советские читатели знакомы с ее творчеством по вышедшим в русском переводе романам «Алое и зеленое», «Дикая роза», «Под сетью».

Английская критика широко откликнулась на новую пьесу Мердок. Писательница обратилась к очень далекой от наших дней эпохе. Действие происходит в Японии в средние века. Молодой и прекрасный принц заточен во дворце. Враги хотели бы убить его, но боятся гнева сторонников принца, которому предстоит просить руки дочери микадо. По старинному обычаю он должен для того, чтобы получить согласие невесты, выстрелить в цель — если он точно поразит ее, из тира начнет бить вода, и принц сможет стать мужем царевны. Если стрела будет послана неправильно, из тира выплеснется огонь, и он погибнет. «Но это пьеса Айрис Мердок, — пишет Сесиль Битон в английской газете «Гардиан», — и стрелы имеют для писательницы символическое значение. На одной из них перо ястреба, на другой — лебедя, а на третьей — голубя. Иными словами, выбор должен быть сделан между политической деятельностью, религией и романтической любовью. Та же философская дилемма присутствует во многих ее произведениях. Япония? Эта страна с давних пор привлекает писательницу...»

В беседе с Сесилем Битоном Айрис Мердок отметила, что ее интересуют такие проблемы, как природа власти и суверенитета, борьба против иерархической системы.

НОВАЯ РОЛЬ

На снимке: Софи Лорен в фильме режиссера Альберто Латтуада «Грех». Лорен исполняет роль монахини Джерминин, соблазненной продажным политиканом Аннибале.

КТО, ГДЕ, КОГДА

Ф. Феллини на съемках

Федерико ФЕЛЛИНИ:

«РИМ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ МНЕ...»

Рассказ известного итальянского кинорежиссера Федерико Феллини о работе над фильмом «Рим», который мы перепечатываем из западногерманского журнала «Цайтмагацин», помогает познакомиться с творческой лабораторией режиссера...

— Мне часто задают вопрос, почему я решил снять фильм о Риме. Действительно — почему?

Я не люблю путешествовать. Мне то и дело предлагают поставить фильмы, работа над которыми связана с далекими путешествиями. Например, я получил увлекательное предложение американского телевидения поехать в Тибет, Индию и Бразилию для изучения религиозных обрядов и магии. Я тут же согласился, хотя заранее знал, что никогда этих поездок не совершу. Ведь любимые мои маршруты ограничиваются треугольником Рим—Остия — Витербо. Здесь я себя хорошо чувствую и поэтому ответить могу так: я снял фильм о Риме, потому что живу в Риме и этот город мне нравится.

Но есть и другая причина: вскоре после картины «Сладкая жизнь» в Риме пошла мода на фильмы, посвященные экзотическим путешествиям. Из чувства протеста и внутренней убежденности я заявил тогда, что для того, чтобы обнаружить странное, необычное, причудливое, совсем не обязательно отправляться в дальние страны.

И я стал думать над тем, как бы показать Рим глазами иностранца, показать город, одновременно и близкий и чуждый, как далекая планета. Так, почти неосознанно, и родился план этого фильма.

Теперь я, откровенно говоря, не знаю, отвечает ли фильм моим замыслам. Я не могу оценивать собственные работы — я их не вижу так, как видит зритель. Да и никогда не смотрю их. После того как картина готова, для меня она больше не существует: работа сделана, теперь уже от фильма зависит, будут ли его смотреть, понравится ли он. Пойти и проверить, какое впечатление он производит, кажется мне нескромным.

Уже в ходе съемочных работ фильм ускользает из моих рук.

Сначала фильм существует в таком виде, каким он тебе представляется, каким рисуется в разговорах с сотрудниками — не очень четкое, но захватывающее, вольное, ничем не стесняемое видение. Затем наступает второй этап: сценарий. Фильм фиксируется на бумаге и уже перестает быть тем, чем был. Его излагают словами, он становится узником слов. Слова имеют присущую только им выразительную силу. Третий этап: подготовка к съемочным работам. То, что было задумано, все больше отличается от того, что начинаешь осуществлять: лица, костюмы, поступки как бы окунаются в расплавленную магму, из которой могут появиться в совершенно измененном виде.

А потом начинаются съемки. Теперь под диктатом техники, света, камеры воздается совершенно новый вариант фильма. Это волшебный, быть может, самый прекрасный этап, но фильм продолжает видоизменяться, что замечаешь преимущественно на другой день, когда смотришь отснятый материал.

Отснятый мною материал: первоначальный звуковой фон изумителен — он заполнен шумами, распоряжениями, ругательствами, голосами людей, говорящих на различных языках. Но прекрасно и неозвученное изображение — актеры, шевелящие губами в могильной тишине.

И, наконец, синхронизация, музыка. Фильм — как ребенок, растущий на глазах у родителя: сначала он похож на отца, потом на мать, он продолжает расти и начинает походить на деда...

Теперь, после того как фильм сделан, мною владеет странное чувство: прежде мне всегда казалось, что в моих фильмах тема исчерпана, до конца выработана мною. На этот раз боюсь, что я даже не затронул темы. Рим в моем фильме о Риме отсутствует. С удивлением я замечаю, что Рим не принадлежал мне ни одной минуты, и мне все еще хочется снять фильм о Риме.

Кадр из фильма «Рим»

«РОЖДЕНИЕ ГЕРКУЛЕСА»— ПЬЕСА ШЕКСПИРА?

Это название носит драма неизвестного автора елизаветинской эпохи, хранящаяся в собрании рукописей Британского музея в Лондоне. Рукопись, представляющая собой переработку комедии древнеримского писателя Плавта «Амфитрион», публиковалась лишь дважды в специальных академических изданиях. До сих пор считалось, что она написана неизвестным современником Шекспира.

Западногерманский искусствовед Дитер Шамп из Дюссельдорфа на основании тщательного изучения языка рукописи, ее датировки, почерка, а также стилистических особенностей пришел к выводу, что «Рождение Геркулеса» — одна из ранних драм Шекспира. Работа Шампа привлекла к себе внимание западных шекспироведов.

По просьбе «Литературной газеты» и при содействии редакции газеты «Дейче фольксцайтунг», выходящей в Дюссельдорфе, Дитер Шамп встретился с корреспондентом АПН. Ниже мы публикуем его рассказ о своем исследовании.

— Драматургия елизаветинской эпохи всегда привлекала меня. В свое время я перевел на немецкий язык несколько драм наиболее известных современников Шекспира.

Уже тогда я обратил внимание на огромное количество анонимных драматических произведений этой эпохи, дошедших до нас как в рукописях, так и в печатном виде. Некоторые из них были явно написаны рукой зрелого мастера. Несколько лет назад я начал составлять сравнительные таблицы характерных языковых и стилистических особенностей этих произведений. Помогло полученное мною математическое образование. Оно позволило использовать метод структурной стилистики.

Вопрос об авторстве целого ряда упомянутых произведений не давал мне покоя. В те бурные времена хищение рукописей и их анонимные издания было обычным делом. Постепенно я пришел к выводу, что среди этих безымянных драм и комедий могут быть и творения великого Шекспира, еще не известные его потомкам.

Впервые я прочел «Рождение Геркулеса» в редком английском издании 1911 года. Это переработка трагикомедии Плавта о любовном приключении Юпитера-громовержца, воспылавшего страстью к земной дочери Алимены. Сразу же я обратил внимание на то, что одно из действующих лиц этой комедии носит имя Дромио, которое ни у Плавта, ни у авторов Елизаветинской эпохи не встречается, но зато хорошо известно в шекспировской «Комедии ошибок».

Структурный анализ языковых и стилистических характеристик оригинала укрепил меня в предположении, что передо мной — произведение раннего Шекспира. Но важным доказательством явился графологический анализ почерка рукописи, хранящейся в Британском музее: сравнение его с немногими сохранившимися образцами почерка Шекспира рассеяло последние сомнения. «Рождение Геркулеса» было действительно написано рукой великого драматурга. Специалистов я позволю себе отослать к своей работе «О «Рождении Геркулеса», выпущенной издательством «Феликс Блок» вместе с моим немецким переводом драмы.

Некоторые считают «Рождение Геркулеса» несовершенным и несценичным произведением. Я с этим не согласен. Конечно, «Рождение Геркулеса», написанное 25-летним Шекспиром, не достигает силы его более поздних великих трагедий. Но я убежден, что эта драма в ближайшем будущем появится на сцене.

Сейчас я работаю над интереснейшей проблемой так называемых «первоисточников» Шекспира. Речь идет о целом ряде безымянных драматических произведений, использованных великим драматургом. Многое говорит в пользу того, что некоторые из них — не что иное, как черновые наброски самого Шекспира, который много лет спустя вновь возвращался к ним. Работа еще не завершена, и говорить о результатах этих исследований пока рано.

Н. ПОРТУГАЛОВ,
корреспондент АПН — по просьбе «Литературной газеты»

ВОНН. (По телефону)

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ФРАЗЫ

● *Не сиди дома! Выходи в люди!*

● *Точка! Сколько ненаписанных произведений она венчает...*

М. ГЕНИН

● *Молчание — знак качества.*

Борис НОТКИН
ЛЕНИНГРАД

● *Не все понимают афоризмы, и для таких приходится писать романы.*

● *«Люди, ау!» — кричал грешник, случайно попавший в рай.*

В. НОНЯХИН

● *Парадокс — здравая мысль, сказанная не к месту.*

Д. МИЛЬРУД
ОДЕССА

● *Время не терпит! Терплю я!*

В. ЛЕБЕДЕВ
ЛЫТКАРИНО
Московской обл.

ДОСКА ПОЧЕТА

ТИР «КЛУБА ДС»

Л. ИЗМАИЛОВ

— Кто здесь председатель?

— Здравствуйте.

— Я спрашиваю, кто здесь председатель?

— Добрый день.

— Вы мне зубы не заговаривайте, кто здесь председатель?

— Вам нужен председатель?

— Я знаю, кто мне нужен, здесь председатель или нет?

— А вы почему его именно здесь ищете?

— А потому, что у вас на двери написано: «Председатель завкома».

— Ну, если написано, значит, я председатель.

— Так бы сразу и говорили. Я Иванов.

— Откуда вы, товарищ Иванов?

— С Доски почета я, товарищ Иванов.

— Ну, конечно, как же я вас сразу не узнал. Главное, смотрю, лицо знакомое. Ну, конечно же, вы Иванов с Доски почета. Слушаю вас, товарищ Иванов.

— Какой я вам товарищ Иванов! Сидоров я вам из пятого цеха.

— Но вы сами сказали, что вы Иванов с Доски почета.

— Правильно, с Доски почета я Иванов, а из цеха я Сидоров.

— Почему Сидоров?

— По отцу Сидоров, а по доске Иванов.

— Подождите, подождите, товарищ Иванов, как ваша фамилия?

— Это я вас хочу спросить, как моя фамилия!

— Ваша фамилия Сидоров.

— Правильно.

— Ну вот, видите, разобрались. Если еще какие вопросы будут, заходите, всегда поможем. До свидания, товарищ Сидоров.

— Да погодите вы, ничего мы не разобрались, а только запутали.

— Сейчас распутаем. Что вас не устраивает?

— Я знаю, что меня не устраивает! Вот ваша фамилия как?

— Николаев.

— А на кабинете что написано?

— «Председатель завкома Николаев».

— Вот и я так же хочу.

— Чтоб на моем кабинете — ваша фамилия?

— Да нет же, я хочу, чтобы моя фамилия была подо мной. Моя, а не Иванова.

— А где же ваша фамилия, под Сидоровым, что ли?

— Да я это Сидоров! Я!

— Ну вот, теперь все понятно. Под вами фамилия Иванова, а ваша фамилия под кем?

— Не знаю я, под кем, и знать не хочу!

— А чего же вы хотите?

— Поменять фамилию.

— Так меняйте на здоровье.

— Почему это я? Вы напутали, вы и меняйте.

— Да вы что, смеетесь?

— Поменяйте на доске фамилию, и все.

— Да на какой доске, это только так говорится — доска, это же блок железобетонный. Пожарников надо с лестницей вызывать.

— Ну, а что же мне делать?

— Ничего не делать. Подумаешь, фамилию перепутали. Да кто на это внимание обращает? Фотография ваша висит. Каждый видит, что у вас лицо с Доски почета.

— Но подписываюсь-то я не лицом, а фамилией. А фамилия-то под другим.

— Ну и что, он тоже достойный человек. У нас на Доске почета только достойные люди.

— Я знаю, но у них-то фамилии не перепутаны.

— А это еще не известно. Под вами чья фамилия?

— Иванова.

— А под Ивановым?

— Сидорова.

— Ну вот видите. Он же не жалуется.

— Это его личное дело. А я вот пойду и поменяю фамилию.

— А вот тогда мы вас снимем с Доски почета.

— Да я не на доске поменяю, а в паспорте.

— А это уж ваше личное дело. И будет совсем хорошо, если вы захватите с собой Иванова. Пусть тоже поменяет фамилию, и тогда будет все в порядке.

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

ОШИБКА

В. КЛИМОВИЧ

Коллектив нашего учреждения передовым был. Застрельщиком.

Мы первыми обязались «не мучить зверей, птиц и насекомых». И не мучили. Про нас передача была. По телевизору. А кто был застрельщиком изучения языка племени абабуа? Тоже мы. Наш коллектив. Об этом даже в газете фотографию напечатали. И движение «Ни звука после полуночи» тоже мы организовали. Нам сначала некоторые не верили. Так мы для них специально собирались: песни пели и кричали до 24 часов, а после — ни гу-гу. Федор Федорыч, наш директор, по радио выступал. Как молчать, рассказывал.

За передовизм наш коллектив в тресте уважали, в конце каждого квартала премию давали, а на Новый год — вымпел. Два года мы впереди всех шли. Сдружились. Но видно, так и не раскусили до конца Сундовского и дали ему слово на собрании. Вышел он к трибуне, из директорского стакана воду допил и говорит:

— Предлагаю в текущем квартале взять обязательство — иногда на работе работать, чтобы не совсем потерять трудовые навыки.

У нас всех дыхание перехватило. На собрании начальство из треста, корреспонденты. Начальство зааплодировало, корреспонденты в блокнотики записали. Ну, нам делать нечего. Мы проголосовали «за». Теперь расплачиваемся. Работаем почти каждый день. Как все. За одну зарплату. Без премий.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Меня не будет

Вл. ЛИФШИЦ

Час придет — и я умру,
И мама не будет.
Будет солнце поутру,
А меня не будет.

Будет свет, и будет тьма,
Будут лето и зима,
Будут кошки и дома,
А меня не будет...

Но явлений череда,
Знаю, бесконечна,
И когда-нибудь сюда
Я вернусь, конечно.

Тех же атомов набор
В сочетанье прежнем:
Будет тот же самый взор,
Как и прежде, нежным.

Снова буду жить в Москве,
Те же видеть лица,
Те же мысли в голове
Станут копошиться.

Те же самые грехи
Совершу привычно,
Те же самые стихи
Напишу вторично.

Ничего судьба мою
В прошлом не забудет,
Тем же самым буду я...
А меня не будет.

ФОТОАТЕЛЬЕ

Фото: Н. ПАСТЕРНАК (ЛЕНИНГРАД)

Что бы это значило?
Фото В. НАЙДИНА (Волынчи Могилевской обл.)

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА
РОГА И КОПЫТА

● **ЗАЯВЛЕНИЕ**

Прошу меня повысить по собственному желанию.

● **МАЛЕНЬКИЕ ХИТРОСТИ**

Если у вас разболелась голова, если у вас нет цветного телевизора, если от вас ушла жена, если местком отказал вам в путевке на Черноморское побережье Кавказа, если вам кто-то должен 200 рублей, а вы должны 400 в кассу взаимопомощи, если вашего сына исключили из школы, если вам запороли в ателье праздничный костюм, если вы не можете купить «Москвич-412», если вас оскорбили в троллейбусе, если врач отказался продлить вам бюллетень, если вы, простояв два часа в очереди, так и не попали в ресторан, если «неотложка», которую вы вызвали, до сих пор не приехала, если вам нельзя есть жирную пищу, если у вас перемежающаяся хромота и сложный астигматизм, если ваш старший бухгалтер нечист на руку, если вы заметили в газете опечатку, если вы с чем-то несогласны, наконец, если вы потеряли друг друга — встречайтесь в центре ГУМа у фонтана!

ВАС ОБСЛУЖИТЬ?

Анатолий ЭЙРАМДЖАН

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ

— Вот здесь остановите, пожалуйста, — попросил меня пассажир.

Остановил я ему машину, а в зеркальце вижу: надел он очки, уставился в счетчик и по карманам шарит — собирает мелочь.

— Ну что ты на счетчик смотришь? — говорю. — Глаза себе портишь!

А он тихонько дотронулся до моего плеча:

— Получите, пожалуйста.

— Не звени! — говорю ему строго. И не оборачиваюсь — смотрю на него в зеркальце. — Лучше купи на них детям конфетки.

— Какие конфетки? — еще удивляется он. — Это вам... За проезд.

— На что они мне?! — говорю. — Что я с ними буду делать?

— Как что?! — Заерзал он на сиденье, посмотрел наконец в зеркальце и сразу все понял — полез снова в карман.

«То-то же!» — думаю и тут же спрашиваю:

— Хочешь рубль дать?

— Да! — Заглянул он в зеркальце и не выдержал моего взгляда — передвинулся в угол.

— А что мне твой рубль? — говорю и навожу на него зеркальце, чтобы говорить как мужчина с мужчиной — с глазу на глаз. — Вот сейчас приеду в парк и сторожу отдам твой рубль только за то, что ворота мне откроет... Еще три на мойке дам... пять слесарю... И еще... еще... Что мне твой рубль?

— А я больше не могу! — крикнул он и глаза зажмурил.

«Инженер, наверное», — думаю.

— А я что, прошу у тебя? — говорю ему спокойно. — Выходи лучше, не задерживай.

Взялся он за ручку, глаза не открывает и сидит так, не знает, что делать.

«Ехал бы ты трамваем, — думаю. — И тебе, и мне спокойнее». Закурил я папиросу, громко вздохнул и говорю ему:

— Вот пока мы с тобой говорим, я рублей пять заработал бы уже... Не меньше!

— Но ведь я не могу уйти, не заплатив! — плаксивым голосом говорит он.

— А обидеть, выходит, можешь?! — спрашиваю.

— Почему — обидеть?!

— Ты что, с луны свалился? — говорю ему. — Хорошо еще, что на меня нарвался — человек я спокойный, вежливый... На Доске почета в парке вишу... А другой на моем месте разговаривать бы с тобой не стал — кинул бы вслед тебе эту мелочь да еще ругнул бы вдогонку!

— А если б я рубль дал? — спросил он.

— За рубль машину сорвал бы с места, пока ты высаживался. За полтора, — на всякий случай продолжил я, — не стронулся бы с места, пока ты до своего подъезда шел. Немым, живым укором стоял — спиной ты это чувствовал бы!

— А за два что было бы? — вдруг заинтересовался он.

— Ничего, — говорю. — Разошлись бы по-нормальному.

— А за три?

— Спасибо сказал бы.

— За четыре?

— Дверцу открыл бы.

— А за пять?

— Все ты хочешь знать! — потерял я вдруг терпение. — Этого я тебе не скажу.

Он задумался.

— Ну что? — выжидательно смотрю на него в зеркальце.

— Эх, ладно! — полез он в карман. — Даю пять!

Тут уж я обернулся к нему.

— Ты серьезно? — спрашиваю.

— Да, — говорит. И протягивает пятерку. И глаза такие решительные, смелые...

— От души даешь или ради интереса? — спрашиваю.

— Ради интереса, — признался он.

Тут мне кровь в голову ударила, застучала в висках. «Ах ты! — думаю. — Еще издеваться вздумал?!» Сжал я в кулаке горящую папиросу — иначе не удержался бы... И говорю сквозь зубы:

— Здесь тебе не цирк, дорогой товарищ. Плати по счетчику, и чтоб больше руки на зеленый огонек не поднимал! Понял?!

Как увидел он, что я с папиросой сделал, — понял сразу, что со мной шутки плохи: быстро положил на спинку сиденья свой рубль, открыл дверцу... И только ступил он одной ногой на тротуар — тут уж я не сдержался: поступил по нашему тарифу — сорвал машину с места.

Крутнулся он на одной ноге, будто лезгинку станцевал, махнул руками, но не упал. Старая у меня машина. Слабо с места берет...

ВАКУ

ПОДРАЖАНИЯ

Мих. ХЛЕБНИКОВ

Фазилю ИСКАНДЕРУ

КОЗЛИК И ДЕДУШКА, МЕЖДУ ПРОЧИМ

Интересный случай произошел в нашей маленькой симпатичной республике.

Козел моего дедушки свалился в яму.

В Динозаврском районе, где мы жили, было много козлов. Но козел моего дедушки был особый козел. Из его рогов добывали, между прочим, атом. Понимающие люди так и звали его: атомный козел. Из других деревень и дедушке народ приезжал.

«От чего зависит, нам брата прошу, да? Почему мой козел не такой, только удобрение дает: суперфосфат-муперфосфат?» — спрашивали дедушку.

«Крестьянское дело — очень хитрое дело, между прочим, — отвечал дедушка. — Атомный козел не для вашего климата. У меня один воздух миллион стоит».

Однажды дедушкиного козла чуть не увели. Тогда-то я и написал «Балладу об украденном козле». Потом о козле и о дедушке я писал много раз, что на языке железнодорожной милиции называется «рецидив».

Но я отвлекся от ямы, в которую свалился козел моего дедушки. А в яме, дорогие друзья, жалобно блеяла турица. Не тур, а именно турица. Потом-то уж до меня дошло, что наш умный козел не просто свалился в яму, а поспешил на выручку к молодой турице. К тому времени, когда дедушка разыскал злополучную яму, его встречали не только козел и турица, но и маленький козлотурчик.

И оказалось, дорогие гости, что из рогов козлотура можно, между прочим, тоже добывать атом. После этого открытия дедушку и направили на руководящую работу в один почтовый ящик.

И я прошу вас, сидящих за этим скромным, но, между прочим, богатым столом, поднять бокалы и выпить за моего дедушку, за наших козлотуров и за развитие атомной промышленности.

ПЕРЕВОДЫ ЦЕЦЕБОУРИ

КАК В КИНО

Антонио АМУРРИ

Чтобы вы могли представить себе мою жену, сначала мне непременно нужно рассказать вам кое-что об американской кинозвезде Одри Хепберн.

Итак, для начала замечу, что Одри Хепберн принадлежит к той категории женщин, на которых вы никогда не увидите рваного чулка или распоровшегося под мышкой халата.

В любое время суток, при любых обстоятельствах она всегда одета с иголочки; причесана — волосок к волоску; ее шляпка — перчатки — туфли — пояс — сумка — юбка — блузка и т. д. поражают гармоничностью цветовой гаммы.

Если Одри хочет спать, она не наденет какую-то пижаму и не уляжется сразу в постель. Сначала она распустит волосы по плечам, подвяжет их ленточкой в тон ночной рубашке, затем накинет на плечи пеньюар из той же ткани. Так и ждешь, что после всего этого она наденет шляпку и отправится спать, держа на поводке любимого дога!

Так обстоит дело вечером. Представляете, что творится днем? В сущности, она не живет, а проводит свое время в постоянных переодеваниях.

Одри не пойдет в сад срезать цветы, не надев платьице от Пакена с контрастирующим по цвету фартучком. Она и не подумает склониться над клумбой, если у нее не будет нитяных перчаток, сверкающих ножниц, платка, расписанного известным художником, и новехонькой плетеной корзинки, а которую можно складывать срезанные цветы.

Больше всего в ней потрясает умение сохранять безупречный вид в самых неожиданных ситуациях.

Вот она упала с лошади. И что же? Когда Одри поднимается, мы видим, что ни один волосок не сдвинулся со своего места, на чистеньком, отутюженном дорогом костюме — ни единой пылинки.

Одри упала в воду? Когда ее извлекают оттуда, она действительно мокра, но мокра красиво. Волосы ее аккуратно расчесаны морскими волнами, платье от Валентино облегает ее тело, не образуя ни единой складочки, а лицо покрыто крупными, отливающими жемчугом каплями, тщательно размещенными на равном расстоянии одна от другой.

По сценарию необходимо, чтобы она хозяйничала на кухне? Что же, надев платье от Сен-Лорана, фартучек от Кардэна, домашние туфли с маркой не менее известной фирмы, Одри порхает среди кастрюль и плошек, словно манекенщица во время демонстрации моделей. И мне всегда кажется, что камбалу она поджаривает не на масле, а на одеколоне, жаркое же сдабривает духами по двадцать тысяч лир за флакончик.

И тут я начинаю думать о своей жене и задаюсь вопросом: почему, возвратясь домой, я не застаю ее вот такой же — непринужденной, элегантной, поджаривающей лук из оранжереи Диора или бифштекс марки Шанель-бойня № 5? Почему она вечно суетится, пыхтит, надрывается? И почему весь наш дом и даже двор провоняли этой проклятой яичницей?

Перевела с итальянского
Ф. ДВИН

ПОДРАЖАНИЯ

Александр ИВАНОВ

Леониду ТЕМИНУ

Не то!

На то мы возим к Пушкину,
поэты!
Венки, букеты — право,
ни к чему.

Доклады, оды,
хилые сонеты...
Да с тем ли надо
приезжать
к Нему!!

Не надо
о Михайловском.
А пуще —
Гнать в тиражи венки
бумажных роз.
Давайте приезжать
к Нему,
как Пущин:
Он — умница! —
шампанского привез...

(Леонид ТЕМИН)

Ярка
моих прекрасных чувств
палитра!
Я Пушкиным,
как Пущин,
дорожу!

Я — умница! —
Возьму с собой
пол-литра,
Огурчиков
и дома посижу!

К ИТОГАМ ПРЕДСТОЯЩЕГО ФУТБОЛЬНОГО СЕЗОНА

ЗАЯВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ «КЛУБА ДС»

Помнится, летом прошлого года администрацию «Клуба ДС» посетил писатель-людовед и душелюб Евг. Сазонов и сказал: «Наши проиграли 3:0...» На посетителе не было лица. В ходе двухчасовой беседы выяснилось, что речь идет об исходе финального матча чемпионата Европы между нашими и ненашими футболистами. В этот же летний вечер писатель стал проявлять подлинное беспокойство за судьбу атакующего отечественного футбола. Уже на следующее утро автор романа века «Бурный потом» положил на стол администрации спасительную соломинку. Прочитав ее, администрация нашла, что имеет дело с поразительным по смелости конструктивным переворотом судьбы отечественного футбола.

Знаменитый писатель Евг. Сазонов пришел к выводу, что футболу, особенно нашему, угрожает ничейная смерть, независимо от результата — 2:2, 3:3; 5:5, да хоть 10:10! Маститый классик разъяснил, что отставание наших футболистов в технике, тактике, атлетизме, способе игрового мышления и результативности снова затянулось. Но со всем этим, если очень захотеть, можно покончить, как говорят футболисты, одним ударом. Или, как говорят служащие учреждений, одним росчерком пера. Причем ничего и ни с кем не нужно обсуждать, потому что ничего и ни с кем обсуждать не нужно. Грубо говоря, сказал Евг. Сазонов, всё должны решить одиннадцатиметровые удары. Или, как говорят в народе, пенали. Надо делать так: если игра на первенство страны по футболу заканчивается вничью (одни хотят победить, но не могут, а другие могут, но не умеют), то команды бьют друг другу по пять одиннадцатиметровых ударов. Кто больше забьет, тот и победил. А кто больше пропустит, тот проиграл.

— А почему именно пять пенальти? — спросила администрация.

— Ну не шесть же! — поставив ее на место писатель.

Администрация «Клуба ДС» рассмотрела предложение Евг. Сазонова со всех сторон и во всех аспектах, если так можно выразиться. Что же получится на футбольных полях страны?

а) Результативность в нашем футболе увеличится ровно в десять раз (по количеству пенальти после игры). Любая наша команда, даже столичная, за сезон сможет забить минимум 150 мячей. Не считая, конечно, двух-трех голов, забитых с игры. Такая результативность и не снилась ни хваленому «Аяксу», ни пресловутому «Реалу», ни так называемому «Сантосу», ни, с позволения сказать, «Баварии», вместе взятым.

б) Не надо будет задурривать футболистам голову разными там техническими новинками, тактическими задумками и прочими сомнительными атрибутами любимой игры миллионов. Теперь и тренеру будет легче. Девиз на игру один: «Умри, но не давай забивать другим и сам не забивай. Бог даст — после игры реализуем пять пенальти».

в) Можно будет со временем сократить количество игроков в команде, доведя его до пяти полевых игроков и вратаря. Как в хоккее. Что я свою очередь позволит за собой отмену за ненадобностью 90 минут игрового времени. Что я свою очередь позволит наконец использовать стадионы по их прямому назначению: для парадов футболистов и демонстраций художественных фильмов.

г) Чтобы стать чемпионом страны, команде-победительнице достаточно сыграть всего свои 30 игр со счетом 0:0 и после каждого матча забивать пенальти.

Конечно, не все встретят это новшество аплодисментами. Найдутся горячие головы, которые скажут, что предлагаемые Евг. Сазоновым новшества не столько оживят атакующий футбол, сколько похоронят его заживо. Но это не аргумент. Иные горячие головы скажут, что в международном матче нашим футболистам все-таки придется играть все 90 минут на выигрыш, а на на ничью, ибо далеко не каждый заграничный арбитр отважится назначить в течение игры насколько пенальти в ворота наших соперников. Но и это не аргумент. И могут найтись такие горячие головы, которые скажут, что футбол от всего этого потеряет зрелищность и красоту. Да, потеряет. Но это, согласитесь, тоже не аргумент. И, наконец, иные острословы скажут: «Вы вместе с водой выплескиваете и ребенка!» А это разве аргумент?

Рассмотрев вопрос, администрация пришла к выводу, что предложение Евг. Сазонова при всем его блеске все же страдает половинчатостью. Не хватает любимого лозунга дворовых команд: «Три корнера — пенальти». Чтобы еще больше увеличить результативность.

Однако Евг. Сазонов уверенно парировал возражение администрации: «Поживем — увидим!» И действительно — пожив некоторое время и ознакомившись с последними футбольными новостями, администрация увидела — писатель совершенно прав. Несмотря на то, что мяч круглый, победил сильнейший.

Рисунок Игоря МАКАРОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А—07607 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 47 ИНДЕКС 50087

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУВОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.